

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 36 СЕНТЯБРЬ 1977

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 36 (2617)

3 СЕНТЯБРЯ 1977

© Издательство «Правда». «Огонек». 1977

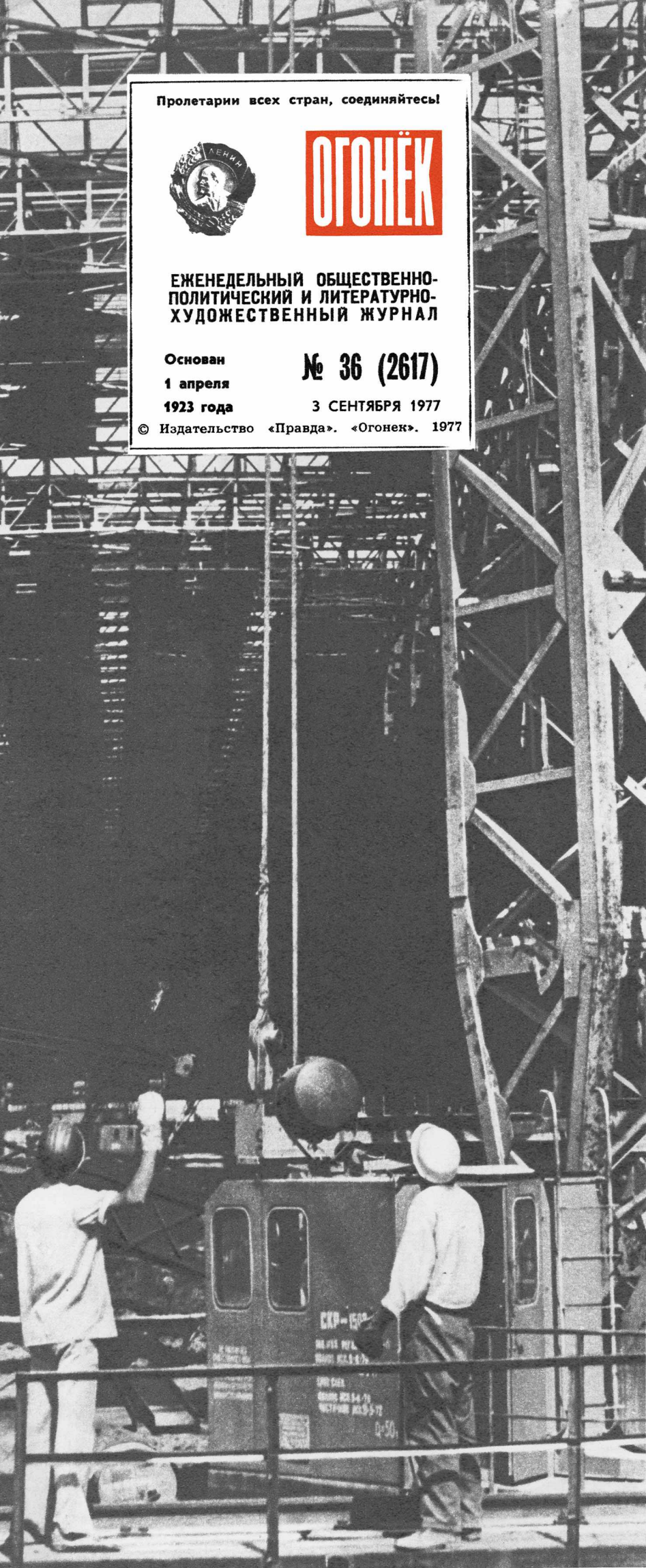

Вот они, обладатели кубка «Мирный атом».

адреса
великих свершений

**ВПЕРЕДИ-
БОЛЬШОЕ
ПЛАВАНИЕ**

Растет новый Волгодонск.

Все ближе день сдачи главного корпуса «Атомаша».

Люба Поздеева, комсорг бригады каменщиков Г. Агинского.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото М. САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

И грянул праздник! Всего два года назад День строителя в небольшом, уютном Волгодонске отмечался тихо и скромно, а теперь этот день стал одним из главных праздников города. Еще бы, в Волгодонске гремит огромная стройка, которой гордится вся страна: здесь, среди ковыльных степей, поднимаются стены Атоммаша — уникального завода, который будет выпускать реакторы для атомных электростанций.

Растет завод, растет и город. Уже сейчас население Волгодонска утроилось и достигло шестидесяти тысяч человек. А к концу пятилетки на берегу Цимлянского моря будет жить двести тысяч строителей, рабочих и служащих Атоммаша.

Вначале День строителя хотели отпраздновать во Дворце культуры — оказалось, что он не вместит всех желающих. Перенесли на стадион, но и здесь не оказалось ни одного свободного места.

И вот прозвучали фанфары. На флажке взвилось алое знамя стройки. Дробь барабанов. Взмах дирижерской палочки, и зазвучала медь стотрубного оркестра!.. Приветствия, поздравления, пожелания успехов, награждение победителей в социалистическом соревновании. Вручили награду и представители «Огонька». На этот раз переходящий кубок «Мирный атом» получила бригада каменщиков Геннадия Агинского. На следующий день мы побывали на стройке, где эта бригада возводила жилой дом.

— Шестой дом строим, — рассказывает Геннадий. — Два года назад на всю бригаду было лишь два настоящих каменщика, а теперь почти все работают по четвертому разряду. Строим жилье. И понимаем, как это важно. Шестьсот тысяч кирпичей, из которых состоит пятиэтажный дом, укладываем быстро. И, конечно же, не забываем о качестве: все дома сдаем с хорошей и отличной оценкой.

Потом я встретился со знатным монтажником-высотником Анатолием Аношкиным. Почти два года назад, когда я впервые приехал на Атоммаш, его бригада заканчивала монтаж первой опорной колонны главного корпуса. Позже мы не раз виделись с ним, а прошлой зимой в составе делега-

ции лучших атоммашевцев он побывал в редакции «Огонька».

— Что произошло в вашей жизни за эти полгода? — спросил я у Аношкина.

Анатолий улыбается:

— Работа у нас сложная. Приходилось вести монтаж на пятидесятиметровой высоте, и притом в любую погоду. Я-то ладно, как-никак, а наверху работаю второй десяток лет. Помните, когда-то я вам рассказывал, что ребята у меня совсем зеленые. Смелые парни, но высота есть высота — она устраивает свои экзамены. Не все прошли испытания, кое-кто отступил. Зато оставшиеся стали монтажниками высокого класса. За это время мы завоевывали Знамя ЦК ВЛКСМ, получали грамоты обкома и горкома партии, а также значки «Передовик социалистического соревнования». Меня наградили орденом Трудовой славы III степени и, чем очень горжусь, знаком «Ударник строительства Атоммаша» под номером один! Что еще? ...Переселился в хорошую квартиру, стал студентом-заочником, избран членом парткома. И, наконец, самая последняя радость: позавчера, в наш день нашего праздника, бригада выполнила годовой план!

Это всегда приятно — приезжать на стройку во второй, третий или пятый раз: встречаешь старых друзей, видишь, как растет стройка, как растут люди. Вот и сейчас мы ехали с начальником треста «Волгодонскэнергострой» Ю. Д. Чечиним по асфальтированной дороге и вспоминали, как в январе прошлого года вылезли из машины и ходили по непролазной грязи, сапоги вязли в ней, степь была изрыта скреперами и экскаваторами, и мы едва добрались до огромной схемы будущего города, красовавшейся рядом с единственным строящимся домом. Юрий Данилович увлеченно рассказывал тогда, что где будет.

Теперь у въезда в новый город висит знак «Грузовое движение запрещено». Рядом сооружается завод, да и в самом городе для строителей работы непочатый край, а люди уже думают о чистоте, тишине. Прямые как стрела проспекты, зеленые бульвары, школы, магазины, детские сады, кафе, поликлиники — все это уже не на схеме, все это уже сегодня!

— Таких темпов не знала ни одна стройка страны! — с гордостью говорит Юрий Данилович. — Я приехал сюда с КамАЗа и знаю, что такое большая стройка. Достаточно сказать, что объем работ на Атоммаше по сравнению с прошлым годом вырос в два раза. За это время мы сдали третий корпус завода — и он вовсю работает. Выпускает панели и перекрытия наш домостроительный комбинат, дает тепло ТЭЦ. Первый дом в новом городе был сдан в июне прошлого года, а теперь здесь живет десять тысяч новоселов. Ежегодно мы будем вводить двести тридцать тысяч квадратных метров жилья. Скоро появятся два кинотеатра, два Дворца культуры, спортивный комплекс, Дворец бракосочетаний, речной вокзал, торговый центр, и, наконец, вот-вот пойдет первый троллейбус. Ну, и решающее — и шестидесятилетие Великого Октября мы должны сдать первую очередь главного корпуса. Работы еще много, но атоммашевцы трудиться умеют и свои обязательства, безусловно, выполнят.

Главный корпус... Он открывается сверкающей, бирюзового цвета махиной сразу за лесополосой. Не знаю чем, то ли стройными обводами, то ли мачтами кранов, но он похож на океанский лайнер, неведомо как попавший в донскую степь. Если допустить эту аллегию, то можно с уверенностью сказать, что у корабля по имени «Атоммаш» впереди большое плавание.

СЧАСТЬЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ

А. КАЧОРОВСКИЙ,
специальный
корреспондент «Огонька»

28 августа ледокол-атомоход «Арктика» отправился в свой очередной рабочий рейс — к проливу Вилькицкого, где вместе с атомоходом «Ленин» ему предстоит проводить суда, следующие по Северному морскому пути. Всего лишь шесть суток простоял ледокол в Кольском заливе на рейде Мурманского порта после своего исторического похода, в ко-

тором впервые надводным кораблем был достигнут Северный полюс.

Стоянка атомохода в Мурманском порту вызвала праздничное настроение у докеров, моряков, рыбаков, рабочих судоремонтного завода — словом, всего населения этого заполярного города. Каждые два часа от причала пассажирского морского вокзала быстроходный

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Председателя Государственного совета Германской Демократической Республики товарища Эриха Хонеккера орденом Октябрьской Революции.

Отмечая выдающуюся роль в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и ГДР, большой вклад в дело укрепления мира и социализма и в связи с шестидесятипятилетием со дня рождения, наградить Генерального секретаря Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Председателя Государственного совета Германской Демократической Республики товарища Эриха Хонеккера орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль.
24 августа 1977 г.

Участники похода на Северном полюсе.

Фото Н. Константинова (ТАСС)

ДРУЖБА— БАРАТШАГ!

К. ЧЕРЕВКОВ

Шесть дней на улицах и набережных Ленинграда развевались знамена Венгрии и СССР. Город на Неве радушно принимал участников II Фестиваля дружбы молодежи двух стран. Глубоко символично, что местом проведения Фестиваля, посвященного 60-летию Великого Октября, был город трех революций, откуда в первые дни Советской власти прозвучали пламенные ленинские слова о необходимости крепить дружбу и солидарность народов.

Пятитысячная колонна юношей и девушек торжественным маршем прошла по городу к Дворцу спорта «Юбилейный». Звучат фанфары, прожекторы высвечивают государственные флаги СССР и ВНР. На киноэкране кадры Москвы и Будапешта. Слышен голос Ильича: «Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики...». Это звучал записанный на пленку голос вождя, обращавшегося по радио к революционной Венгрии в 1919 году. «К тем незабываемым дням восходят истоки

братской советско-венгерской дружбы, испытанной временем боевой интернациональной солидарности наших коммунистических партий», — говорилось в приветствии, направленном участникам Фестиваля Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым.

Венгерские друзья побывали в Эрмитаже и у строителей атомных ледоколов, посетили памятные ленинские места, познакомились с комсомольской работой на заводах. Хорошая традиция возникла на Фестивалях дружбы: участники их проводят «день труда», встают к станкам, а заработанные средства отчисляют в фонд предстоящего XI Всемирного форума молодежи и студентов в Гаване.

На прославленном Кировском заводе прошла плавка дружбы. Мартеновский цех. Он заново реконструирован. У печи заняли места Виктор Кулаков, Александр Семенов, Ференц Кеннингер и Бела Эшек. Руководил плавкой почетный металлург — кировец М. И. Булганин. Сталевары посматривают на часы, наступает контрольное время. Сталь устремляется в ковш. «Пусть братство наших народов будет таким же крепким,

как этот металл», — сказал Герой Социалистического Труда вальцовщик И. Я. Прокофьев. Памятные слитки были преподнесены делегатам в подарок.

Ударную вахту провели венгерские друзья и на полях совхоза «Сельцо», где проходил конкурс пахарей.

До позднего вечера не стихали молодые голоса во Дворце дружбы и мира с народами зарубежных стран. Здесь работал Фестивальный клуб. Молодежь встречалась с ветеранами революции, войны, труда. Звучали песни на двух языках, демонстрировались художественные фильмы.

На каждом шагу в Ленинграде можно встретить примеры дружбы, добрых братских отношений, связывающих наши страны. Едем по Будапештской улице, она вся «с иголочки». А везет нас удобный «Икарус». Шестнадцать предприятий города — коллективные члены Общества советско-венгерской дружбы. Они выступили с инициативой все заказы братской Венгрии выполнять досрочно, к Октябрьу.

Фестиваль завершился митингом дружбы. Его участники с огромным воодушевлением направили приветственное письмо ЦК КПСС и ЦК ВСРП, товарищам Л. И. Брежневу и Я. Кадару.

СОЮЗ НАРОДОВ-БРАТЬЕВ

Николай НОВИКОВ

катер «Бриз» отправлялся на дальний рейд, туда, где высилась громада атомохода. За эту неделю ледокол посетили тысячи жителей Мурманска — и убежденные сединой ветераны северных морей и юноши, впервые надевшие матросские рубашки, матери и жены моряков и их дети. Доступ на ледокол был свободен, вахтенные приветливо встречали гостей.

В первый же день, когда судно отдало якоря в Кольском заливе, в его необычно просторной ходовой рубке я встретился со штурманом «Арктики» Юрием Александровичем Быстровым.

— И по смелости замысла и по успешному его исполнению этот недолгий рейс был беспрецедентным, — говорил штурман. — За достижение Северного полюса надводным кораблем бесстрашно боролись многие поколения моряков, и мы осуществили эту мечту полярных мореплавателей. Все у нас было рассчитано по часам, строго учитывались и наши силы и возможные случайности в пути — тяжелые льды, торосы... Намечалось затратить на покорение «вершины планеты» триста семьдесят восемь часов. Конечно же, мы знали, что экипажу «Арктики» предстоят серьезные испытания, и капитан ледокола Юрий Сергеевич Кучиев предупреждал моряков о трудности похода, о неизбежности схваток с многолетними льдами, для преодоления которых требовались сосредоточенные усилия всего коллектива: палубной и машинной команд, вертолечников, авиаразведки, ученых.

И капитан оказался прав: до полюса осталось еще шестьсот миль, когда, преодолев моря Баренцево, Карское и Лаптевых, оставив за кормой архипелаг Норденшельда, ледокол вошел в сплошные, довольно мощные льды. Торосы достигали высоты шесть—восемь метров. Временами шел снег и наваливался густой туман. И все же мы радовались такой покладистой в столь высоких широтах погоде — она благоприятствовала походу.

Нам, судоводителям, работу значительно облегчила система спутников, которая помогла точно определить географическую точку Северного полюса.

Нельзя не сказать добрые слова о непрерывных вахтах наших ученых во время рейса: сотрудники Ленинградского института Арктики и Антарктики, возглавляемые кандидатом географических наук, бывалым полярником Ильей Романовым, собрали немало ценного материала о разнообразных видах льдов, о погоде и ледовой обстановке во всей Арктике, накопили данные для новых рекомендаций кораблям.

Мы прошли из Мурманска на полюс и обратно за сто семьдесят шесть часов! Более чем в два раза быстрее намеченного! В те часы, что мы были на полюсе, произошло одно как будто незаметное, но примечательное событие: штурман Репин торжественно прочтемелевал конверты с письмами, которых за сутки накопилось около двух тысяч. На почтовые марки четко ложился оттиск новенькой печати:

СЕВЕРНЫЙ
17 августа 1977 года
«АРКТИКА»
ПОЛЮС.

Добыть такой сувенир будет мечтой многих филателистов: приумножить количество оттисков этой печати невозможно — на обратном пути она была брошена в воды Карского моря.

Прощаясь с экипажем богатыря-ледокола, я запомнил слова веселой морячки-комсомолки Лилии Мининой, участницы водружения флага над Северным полюсом. С искренней взволнованностью она сказала:

— Я самая, самая счастливая на свете! Да, не каждому выпадает в восемнадцать лет столь великое счастье — счастье первооткрывателя.

Флаги дружбы на берегах Невы.
Фото И. Гричера

Год от года крепнет и расширяется всестороннее сотрудничество стран социалистического содружества, позволяющее совместными усилиями решать сложнейшие проблемы дальнейшего развития экономики, науки и культуры. Взаимная поддержка, помощь, тесное политическое, экономическое сотрудничество позволяют семье стран социализма и каждому ее члену быстрее и увереннее продвигаться вперед по пути строительства социализма и коммунизма. Великий Ленин отмечал, что «только с социализма начнется быстрое, настоящее... движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».

Союз братских народов спаян общностью коммунистических убеждений и целей. Прочная основа и скрепляющая сила этого нерушимого союза — единство и сплоченность их марксистско-ленинских партий. Неуклонно расширяются политические связи стран социалистического содружества, углубляется взаимодействие в борьбе за достижение общих целей. Одной из важных форм дальнейшего упрочения дружбы и сплоченности народов стран социалистического содружества стали систематические двусторонние и многосторонние встречи руководителей братских партий и государств. В июле — августе этого года состоялись дружеские встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Герексом, Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску, Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала Ю. Цеденбалом.

Политбюро ЦК КПСС рассмотрело итоги дружеских встреч в Крыму и полностью одобрило проведенные товарищем Л. И. Брежневым беседы. Политбюро ЦК КПСС считает результаты крымских встреч важными и полезными для дальнейшего развития всестороннего сотрудничества КПСС и Советского государства с братскими партиями и странами, координации их действий на международной арене. Обмен информацией о реализации программ, намеченных съездами братских партий, показал, что братские страны, тесно взаимодействуя в осуществлении планов социалистического и коммунистического строительства, успешно решают стоящие перед ними созидательные задачи, наращивают свой экономический потенциал, совершенствуют социалистические общественные отношения, повышают благосостояние и культурный уровень трудящихся.

Состоявшийся в ходе крымских встреч обмен мнениями по широкому кругу международных проблем подтвердил решимость братских стран и впредь тесно взаимодействовать в борьбе за достижение общих целей, отвечающих как национальным интересам каждой из них, так и общим международным интересам всего содружества, всех сил мира и прогресса. Крымские встречи ярко показали, что их участники реалистически и с оптимизмом смотрят на развитие главной тенденции нашего времени — разрядки международной напряженности. Этот процесс будет продолжаться и углубляться.

Разрядка международной напряженности не происходит сама по себе. Укрепление разрядки связано с упорной борьбой против тех, кто хотел бы затормозить позитивные сдвиги на международной арене, гальванизировать «холодную войну», еще более взвинтить гонку вооружений. На крымских встречах вновь подтверждена общая линия социалистических стран, направленная на углубление разрядки, распространение ее на все континенты. В нынешней обстановке полностью сохраняют свое значение идеи и конкретные предложения, содержащиеся в декларации Бухарестского совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, состоявшегося в ноябре 1976 года.

Участники крымских встреч отмечали важное значение взаимодействия братских стран с национально-освободительным движением. Это особенно необходимо ныне, когда осложнилось положение в Северо-Восточной Африке. Здесь возник искусственно созданный империалистическими и другими реакционными силами опасный очаг напряженности, что обостряет обстановку далеко за пределами региона. Реакционные силы всячески пытаются ослабить единство африканских государств, столкнуть их между собой, подорвать социально-политические завоевания стран социалистической ориентации. В этих условиях, отмечалось на встречах в Крыму, особенно важно не дать разгореться конфликтам, обеспечить, чтобы спорные вопросы, оставленные в наследство колониализмом, решались мирными средствами, на началах добрососедства и антиимпериалистической солидарности.

Ныне советские люди с огромным подъемом обсуждают проект Конституции СССР, готовя достойную встречу 60-летию Великого Октября. Широкий отклик нашли эти знаменательные события у трудящихся стран социалистического содружества, демонстрирующих братскую солидарность со страной Ленина.

Нерушимая дружба между странами социалистического содружества крепнет и процветает. Единство и тесное сотрудничество членов братской семьи социалистических стран — залог новых успехов в строительстве самого справедливого общества на земле, залог обеспечения мира на всей планете.

Звено Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР В. М. Чердинцева, ветерана колхоза «Рассвет», Оренбургской области. Фото А. Семехина [ТАСС]

УРОЖАЙ ВОСТОЧНЫХ НИВ

Шум страды перекочевал за Урал, наполнил степи Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Повсюду вызрел урожай юбилейного года. Когда завершается жатва хлебов на Северном Кавказе, на Украине, в Поволжье и центральных областях РСФСР, тогда набирают силу косовица и обмолот на просторах главных полей страны. Уже два миллиона алтайских гектаров отдали зерно. Ненастье, непогода не могут помешать решимости механизаторов. Уборочно-транспортные отряды и комплексы по примеру ипатовцев стремительно ведут жатву.

Более 3 тысяч тонн зерна намолотило прославленное звено оренбургского комбайнера из колхоза «Рассвет» Героя Социалистического Труда В. М. Чердинцева. Тридцатую жатву на комбайне Василий Макарович!

Уборку зерновых ведут и хлебные области Казахстана — бывшая целина! Здесь тон задают комбайнеры орденоносного совхоза «Краснопресненский», Кустанайской области. Хлеборобам Казахстана предстоит обмолотить зерновые на ниве, занимающей более двадцати пяти миллионов гектаров. Руку помощи им протянули вовремя подоспевшие опытные механизаторы и водители из западных районов страны.

Линия фронта уборки проходит и через поля Дальнего Востока. Есть в Амурской области ордена Ленина колхоз «Приамурье». И здесь удались нынче хлеба. Уборку зерновых тут уже закончили. Сейчас убирают сою.

Жатва продолжается, идет хлеб юбилейного года.

Н. ШАТОВ

На полях орденоносного колхоза «Приамурье». Фото В. Афанасьева

Колхоз «Россия» хорошо знают в Алтайском крае. В государственные закрома он даст хлеба на 20 тысяч центнеров больше плана. На снимке: Герои Социалистического Труда механизатор Г. М. Дедов, председатель колхоза И. Я. Шумаков и управляющий отделением К. М. Косачев.

Фото В. Садчикова [ТАСС]

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

ОТ ИМЕНИ МОЛОДЫХ

МОСКВА

С особым вниманием вчитывался я в строки проекта Конституции, имеющие непосредственное отношение к развитию советского искусства. В нынешнем году я счастлив, как никогда: стал лауреатом третьего Международного конкурса артистов балета в Москве, жюри присудило мне золотую медаль. Конкурс длился всего несколько дней, дорога же к нему заняла у меня чуть не всю мою жизнь — около двадцати лет... А выйти на эту свою дорогу я смог потому, что всякий советский человек имеет право на выбор профессии... В нашей

семье никто никогда не занимался искусством: мой отец — водитель грузовика, мать работает секретарем. И однажды — мне было тогда лет шесть — мама отвела меня в танцевальный кружок районного Дома пионеров. А потом я выдержал экзамены в Московское хореографическое училище — одно из лучших в мире.

Условия для занятий были первоклассные. От нас требовалось только одно: учиться хорошо. Учились мы, разумеется, совершенно бесплатно.

Я знаком со многими зарубежными артистами балета. И прекрасно знаю, чего стоит на Западе получить хотя бы самую элементарную хореографическую подготовку. Во время конкурса я беседовал с японской балериной

Кумико Маэда, обладательницей бронзовой награды. Кумико рассказала мне, что в Японии только за один урок ученик платит педагогу от пяти до десяти долларов, а ведь заниматься нужно каждый день! Отдельно оплачивается каждая репетиция, а также стоимость костюма и балетных туфель... Понятно, что стать артистом балета может только тот, кто родился в богатой семье...

Хореографическое училище — первая ступень профессиональной подготовки танцовщика. Свое высшее образование артист получает в театре... Окончив училище, я уже девять лет работаю в музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Работаю и учусь дальше.

В проекте Конституции сказано, что «граждане СССР имеют право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством...».

В нашей профессии «качество» имеет решающее значение. Ни один балетмейстер не поручит танцовщику ничего интересного, если он не обладает достаточно высокой техникой. С первых дней моей профессиональной деятельности я ощущаю огромную заботу театра именно о качестве моего труда. Мой педагог Н. М. Азарин-Мессерер — самый большой мой друг: каждый мой успех — это и его достижение. В любой моей роли есть и его сердце, его мысль...

В балетной труппе нашего театра много молодых артистов, и естественно, их в первую оче-

редь волнуют перспективы творческого роста. У нас есть общественная молодежная организация — совет молодых специалистов, которая в контакте с дирекцией и общественными организациями заботится о том, чтобы каждый молодой артист мог в конкретной работе реализовать свой творческий потенциал. В статье 48 проекта Конституции говорится: «Граждане СССР... участвуют... в управлении производством и делами трудовых коллективов...» Мне кажется, что деятельность нашего совета молодых специалистов как раз и есть пример такого участия...

Несколько месяцев назад мы гастролировали по США. И всякий раз залы, в которых мы выступали — а они вмещали две, три, а то и шесть тысяч зрителей, — были переполнены. И это обычная картина, когда за рубежом выступают представители советского искусства. Постоянный зрительский интерес объясняется высокой артистической культурой наших исполнителей, глубиной общечеловеческих проблем, оптимистической сущностью нашего искусства. И все это идет от нашего образа жизни, все записано в проекте Конституции, гарантирующей нам право творить, право быть полезным своему народу.

Мы, молодежь, горячо приветствуем каждую строку проекта Основного Закона нашего государства.

Михаил КРАПИВИН,
солист музыкального театра
имени К. С. Станиславского
и Вл. И. Немировича-Данченко

ЧЕРКАССЫ

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

Я поддерживаю академика М. Б. Митина, который пишет о роли науки при социализме («Огонек» № 28). Действительно, только в нашей стране наука и образование получили такое развитие. Нигде в мире нет столько ученых, столько учащихся и студентов, как в СССР. У нас, в Черкасском пединституте, 23 кафедры, 5 факультетов, 250 преподавателей; из них — 7 профессоров, 3 доктора наук, 83 доцента.

Среди моих родственников — 10 инженеров. Мой сын — главный

энергетик Житомира; у моей сестры два сына и дочь — инженеры; одна племянница — зам. директора банка, другая — врач; одна внучка — учительница, другая и ее муж заканчивают сельскохозяйственную академию в Киеве; один племянник — моряк, другой — офицер.

Вот что значит Великий Октябрь! Вот что значит Советская власть!

А до Октября мой отец был батраком, имел $\frac{1}{2}$ десятины земли, мать не смогла окончить даже начальную школу.

Я сам, сын бедняка, стал при Советской власти доцентом, кандидатом педнаук, награжден орденом «Знак Почета» и медалями, имею 38 грамот, из них — 14 почетных и благодарственных.

М. МОИСЕЕНКО,
доцент

БАШКИРСКАЯ АССР

НЕ ТОЛЬКО ПО ДЕЛОВЫМ КАЧЕСТВАМ

Я, отец семерых детей, хотел бы поделиться своими размышлениями по вопросу семейных отношений. Внимательно изучив проект новой Конституции, еще раз задумался над тем, какую огромную заботу проявляют партия и государство о советской

семье, какие большие права предоставляются советским гражданам.

Особенно мне понравились слова статьи 66 о воспитании детей.

Большинство родителей относятся к делу воспитания с сознанием своего долга. Но, к сожалению, есть еще семьи, в которых дети растут беспризорными, тунядами, иждивенцами. И в то же время родители слывут на работе уважаемыми людьми, отличными производственниками. Я считаю, что любого человека надо оценивать не только по деловым качествам, но и по тому, каков он как воспитатель, отец, семьянин.

А. ХАМИТОВ

Геннадий ОСТРОВСКИЙ,
аппаратчик витаминного завода

МОЙ ЗАКОН

И грозный гул
семнадцатого года,
И то,
что мы
построили вчера —

Все в тех строках,
записанных народом
В живую книгу
мира
и добра.

Я наше время
сердцем чутким
слышу,

Я вижу
высоту
грядущих дней.
Вот мой Закон!
И нет закона выше

Для чести
и для совести
моей.
Живет земля.
Цветет земля
для сына.
Какие бы ни видывал
края,
Вот мой Закон, моя судьба и сила,
И Родина
великая
моя!

Белгород.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕ

Вайно ВЯЛЯС,
секретарь ЦК КП Эстонии

Ш

естьдесят лет в нашей стране, занимающей одну шестую часть суши, более ста разных наций и народностей живут в мире и дружбе. В СССР построено «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ». Эти строки проекта Конституции СССР советские люди перечитывают с чувством большой гордости за свою Отчизну.

О великом содружестве советских республик можно много рассказывать, приводить множество примеров. Но есть один самый яркий — это урок минувшей войны, урок Истории. Когда фашизм всеми видами оружия, всеми мерами жестокости попытался сломить наше социалистическое интернациональное государство, любители политических прогнозов хором запредсказывали, что первым в системе марксистско-ленинского государственности рухнет ее основной стержень — «миф об интернационализме» и национальные республики откажутся от союза с коммунистической Россией. Но весь мир помнит и знает, с какой огромной нравственной силой все нации и народности СССР встали на защиту своего содружества. Прорицателей постигло очередное разочарование.

Эти шестьдесят лет дружбы советских народов — не убедительнейшее ли доказательство силы социалистической государственности? Есть в жизни государств и народов рубежи, которые становятся в дальнейшем историческими. Так войдет в историю нашего государства год 1977-й — год шестидесятилетия Советской власти, год новой Конституции СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция является главным событием XX века. Один из многих уроков Великого Октября имеет поистине всемирно-историческое значение. Это урок пролетарского интернационализма.

Все мы, представители многонационального советского народа, в эти дни по-особому стараемся осмыслить: что же это за историческое, философское, социальное явление — интернационализм, дружба советских народов?

У нас в Эстонии, например, революционное движение с самого начала развивалось как составная часть русской революции. Уже 105 лет назад, в стачке нарвской «Кренгольмской мануфактуры» 1872 года, русские и эстонские ткачи совместно выступили против поднимавшейся буржуазии.

В 1902 году в создании Таллинской (Ревельской) организации РСДРП участвовал верный ленинец Михаил Иванович Калинин.

1917 год... Эстонская буржуазия в своих классовых интересах пускает в ход националистическую идею отделения Эстонии от России. В ответ на эту, чреватую враждой и междоусобицами приманку Таллинский Комитет РСДРП(б) выдвигает горячо поддержанный трудовыми массами призыв: «Не отделение от России, а самый тесный и братский союз с трудящимися России... наш лозунг».

Трудная, потребовавшая многих жертв была борьба эстонских большевиков и эстонского рабочего класса за Советскую власть.

И на всех этапах этой борьбы лозунг пролетарской солидарности и интернационализма никогда не снимался с повестки дня деятельности Эстонской компартии.

Интернационалистами и патриотами люди не рождаются, также как не рождаются сразу грамотными, образованными. Чтобы понять глубокий гуманизм интернационализма, оценить его как могучую преграду варварским войнам, как путь к нравственному совершенствованию, человек должен овладеть глубоким знанием законов общественного развития.

Интернационализм — это высокая духовная культура человека, результат многолетней воспитательной работы Коммунистической партии Советского Союза.

Коммунистическая партия Эстонии ведет неустанную работу по интернациональному воспитанию трудящихся. Итогам и перспективам ее был посвящен один из пленумов ЦК КП Эстонии в 1972 году. Пленум отметил, что воспитание эстонских трудящихся в духе дружбы и братства народов стало нормой партийной работы. У этой работы есть зримые результаты — экономические достижения, родившиеся в процессе совместной хозяйственной деятельности всех советских республик, рост их культурных и духовных богатств.

Литература — одна из высших форм духовной деятельности человека — силой слова раскрывает всю полноту и разносторонность жизни человеческого общества, его истории, психологии, философии. Переведенное на другие языки, слово становится могучим средством общения народов, их культурного взаимобогащения.

В силу многих исторических причин эстонская литература родилась поздно. Но и ро-

остановиться на рядовом в нашей литературе и потому тем более значительном явлении. Недавно вышла в свет антология эстонской поэзии на казахском языке.

И разве не примечательно, что стихи эстонской поэтессы Деборы Вааранди переводила великая русская поэтесса Анна Ахматова?

В последние годы значительно возросло количество и улучшилось качество переводных изданий на эстонском языке. Если еще недавно главным посредником перевода с языков других братских республик служил русский, то теперь в Эстонии работает достаточное число литераторов, переводящих непосредственно с украинского, белорусского, латышского, литовского, грузинского или армянского оригинала.

Какой мерой измеришь, насколько обогатилась эстонский и другие братские народы, читая книги друзей?

Наши артисты и художественные коллективы любят выезжать на гастроли в братские союзные республики — зрители принимают их с чувством большой дружбы и заинтересованностью... Читатели знают, насколько популярны имена таких солистов, как Тийт Куузик, и рано ушедший от нас Георг Отс, или Академический мужской хор, руководимый Густавом Эрнесаксом.

Артисты из союзных республик тоже с удовольствием приезжают к нам и неизменно отмечают, что эстонский зритель отзывчив и благодарен. За последние пять лет у нас в республике побывало 90 театров — они дали более полутора тысяч спектаклей. На 50 выставках изобразительного искусства братских народов побывали сотни тысяч посетителей.

Эти цифры, сами по себе громадные для нашей республики, все же в известной мере остаются абстрактными. Поэтому, чтобы по-

УРОКИ СОДРУ

дившись, она десятилетиями оставалась в неизвестности: лишь специалистам были знакомы эпос «Калевипоэг», записанный Крейцвальдом, и мужественно-нежная лирика Лидии Койдулы.

В пору буржуазной власти эстонские поэты и прозаики — а среди них были мыслящие и талантливые люди — по-прежнему оставались известны только эстонским читателям, да и то незначительному их числу: слишком малы были тиражи, слишком дороги книги, даже библиотеками могли пользоваться немногие.

Вот почему большинство эстонских писателей с чувством надежды и веры в будущее встретили Советскую власть.

Теперь мы можем сказать: Советская власть пробудила к жизни эстонскую литературу, дала возможность маленьким ручейкам стать большим потоком, равноправно влиться в братскую семью многонациональной советской литературы и вместе с ней — в океан мировой литературы. На многие языки советских республик, а также на иностранные языки переведены книги Юхана Смуула, Пауля Куусберга, Ааду Хинта, Яана Кросса, Эме и Владимира Безкманов, Энна Ветемаа, Эгона Раннета, Деборы Вааранди, Юло Туулика и других — эстонская литература теперь так богата яркими именами, широко известными всесоюзному читателю, что нет возможности приводить все их в журнальной статье.

Говоря о литературных переводах, хочу

мочь представить их человеческое, духовное содержание, хочу сказать несколько слов о событии, состоявшемся у нас в республике летом нынешнего года.

В СССР стало традицией проведение декад культуры и искусства братских народов — с радостью приезжают друг к другу в гости мастера культуры, с радостью встречают их хозяева. Так, к Дням культуры РСФСР в Эстонии зрители заранее раскупали билеты на все концерты, высвобождали вечера для телепередач. Но на этот раз все получилось нетрадиционно.

Благодаря тому, что Российская Федерация прислала к нам лучших представителей своего искусства, что это искусство достигло действительно огромных высот, что зритель наш значительно вырос, что с каждым годом все более и более крепла дружба народов, Дни русского искусства в Эстонии вышли далеко за рамки традиционного культурного обмена. Они стали большим общественно-политическим праздником социалистического интернационализма, охватившим все население Эстонии. Приведу только один пример: есть в Эстонии небольшой городок Тюрри. В этом городке концерты Ансамбля донских казаков посмотрело все взрослое население и некоторые, очевидно, не по одному разу.

Эстонцы близко познакомились с писателем Сергеем Залыгиным, поэтом Михаилом Дудиним, скульптором Михаилом Аникушиным; по-

КТ КОНСТИТУЦИИ СССР

смотрели спектакли Московского камерного оперного театра; встретились с кинематографистами; услышали и увидели лучшие художественные коллективы России. Наши гости побывали на заводах и в совхозах, у шахтеров и у рыбаков. Завязалось много новых знакомств, а старые переросли в большую личную дружбу. Зрители после концертов дарили артистам все цветы июля со словами: «Спасибо за ваше творчество!».

Думается, что те, кто побывал на концертах в эти дни, стали умнее, интеллигентнее, добрее: такова сила искусства.

Рядом с этой общностью народов, сердечностью и теплотой не стоят ломаного гроша все разглагольствования наших идеологических противников о «русификации» эстонской национальной культуры. Ведь после успеха эстонских артистов в Ленинградской филармонии мы в равной мере могли бы говорить об «эстонизации» русской культуры. Или об ее «украинизации», «грузинизации», «облатышвании»... Для нас совершенно бесспорен смысл этого процесса: взаимообогащение и взаимопроникновение культур — одно из величайших социальных завоеваний Октября.

Духом интернационализма проникнуты не только большие праздники, но прежде всего наша каждодневная жизнь. Каждодневная работа по интернациональному воспитанию требует и постоянного внимания, ибо в конечном результате она, по словам В. И. Ленина, «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»

Мы близки к этой цели, поставленной перед человечеством марксистско-ленинской теорией. Мы живем в бурно развивающемся

областей народного хозяйства. Их помощь позволяет более компетентно и точно определять формы и методы работы ЦК КПЭ в различных областях. Конкретные социологические исследования дают точную научную информацию о процессе формирования взглядов и убеждений, о причинах, вызвавших те или иные поступки, действия, положительные или отрицательные явления.

Истиной, на которую мы, к сожалению, не всегда обращаем достаточно внимания, является то, что высокий уровень хозяйственно-организационной работы создает и наиболее благоприятные условия для интернационального воспитания. Сотрудничество и взаимопомощь республик в сфере экономической, научно-технической, контакты трудовых коллективов все в большей мере приобретают характер тесного взаимодействия, совместной работы над общими проблемами. Такое взаимодействие воспитывает чувство высокой ответственности друг перед другом. Важно, чтобы каждый советский человек до конца осознал, что достижения любой из советских республик и всего нашего многонационального государства в целом — это результат усилий наций и народов всей страны, результат их сплоченности и взаимопомощи, всестороннего взаимного обмена духовными и материальными ценностями.

Опыт интернационального воспитания говорит: в трудовых коллективах фабрик и заводов, колхозов и совхозов, научных учреждений и других организаций, где плечом к плечу трудятся люди разных национальностей, интернациональное воспитание дает особо хорошие результаты. Совместное решение сложных задач развития экономики, науки и культуры в республике создает в таких коллективах атмосферу делового товарищества и сотрудничества, здоровую атмосферу взаимного уважения и требовательности. В такой атмосфере крепнет непримиримое отношение к любым проявлениям искаженного толкования межнациональных отношений. Жизнь многонационального по своему составу коллектива является не только отличной школой интернационального воспитания, но как бы и моделью общества в целом. В таком коллективе люди лучше узнают друг друга, в результате чего не остается места предубеждениям, рушатся ложные стереотипы, представления о других народах, возникают представления правильные. Возникает собственный жизненный опыт и собственная позиция дружбы, взаимного уважения и доверия.

Долг всех нас — не только людей, работающих в области интернационального воспитания, но и любого интернационально мыслящего гражданина — научить людей правильно осмысливать и обобщать свой личный опыт контактов, совместной работы, отдыха с представителями других национальностей.

В жизни трудового коллектива как поведение работника, так и изготовленная им продукция, подчас маленькая деталь, выполняют роль активного пропагандиста. Ведь потребитель склонен к «широким обобщениям». За рубежом потребитель нашей продукции судит по ней и о нашем государстве. Таким образом, ответственность каждого за свою работу есть одновременно и ответственность за свой коллектив, за свою республику, за всю страну.

И здесь трудно переоценить роль социалистического соревнования. В Эстонии в настоящее время более 300 предприятий соревнуются с предприятиями других республик. Дружеские встречи и постоянные контакты между ними создают хорошие предпосылки для формирования интернационального образа мыслей.

Национализм живуч. В условиях Эстонской ССР мы постоянно должны помнить, что в недалеком прошлом эстонская буржуазия всячески культивировала национальную ограниченность и чванство, проповедовала национа-

лизм как краеугольный камень государственной политики, буржуазного государственного устройства.

Современный империализм, как известно, в своих идеологических диверсиях против социалистических стран все больше места отводит разжиганию национализма. И мы, коммунисты, обязаны активно бороться с малейшими проявлениями национализма, постоянно напоминая простую, ставшую для нас повседневностью истину: национализм — это источник раздоров и войн, интернационализм — это мир, гуманизм, дружба народов.

Мне могут возразить: если эта истина стала для нас повседневностью, зачем же ее повторять? Вспомним слова Леонида Ильича Брежнева в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»: «Нельзя забывать, что националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении. Они, эти предрассудки, продолжают сохраняться даже в условиях, когда объективные предпосылки для каких-либо антагонизмов в отношениях между нациями давно уже перестали существовать».

В какой среде продолжают сохраняться эти предрассудки? Естественно, в сознании людей, не вооруженных марксистско-ленинской теорией, политически незрелых. На них и ориентируется антикоммунистическая, антисоветская пропаганда, пытаясь внушить им мелкобуржуазный образ мыслей.

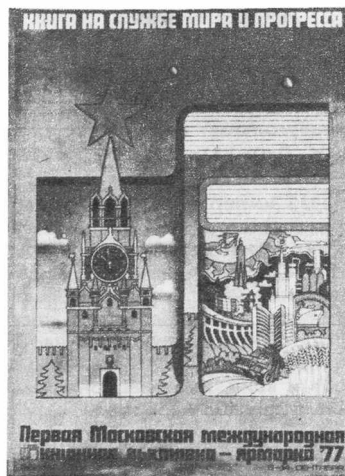
В своих идеологических диверсиях против республик Советской Прибалтики империализм использует также и политические организации реакционной части эмиграции. Правда, клеветникам из кругов реакционной эмиграции с каждым днем становится все труднее зарабатывать свой хлеб. Отчетливо представляя успехи нашей республики, эмигрантский журнал «Мана» вынужденно признает, что культура эстонской эмиграции — это «собственные иллюзии и мираж» или в крайнем случае «цветущая чахотка» и что «в минувшее десятилетие да и в будущем основная линия эстонской культуры пролегла и будет пролегать в Эстонии». А ведь еще совсем недавно лидеры эстонской эмиграции претендовали на роль чуть ли не единственных носителей эстонской культуры. И хотя их пропагандистский арсенал убог, ограничен и неначен, идеологи антикоммунизма не отказываются от своих «стратегических» устремлений — опрокинуть социалистический строй в Эстонии. Наши экономические достижения они вынужденно признали. Они даже «великодушно» обещают эстонскому народу сохранить социалистический строй, оставить коммунистическую партию в качестве правящей партии, но требуют не более, не менее, как выхода Эстонии из состава СССР. Это изменение тактики — явная приманка для доверчивых. Вот на какие ухищрения пускаются деятели реакционной эстонской эмиграции!

«Долг каждого гражданина СССР — уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства». Обсуждая проект Конституции СССР, советские люди горячо одобряют и эту, 64-ю статью проекта. Наш долг — постоянно напоминать, что национализм в самом недавнем прошлом породил такое чудовищное явление, как фашизм. Наш долг — воспитывать в людях интернационалистское сознание, чувство гуманное и светлое, несущее и уже принесшее всем советским республикам экономический расцвет и духовное богатство.

Беречь и умножать дружбу советских народов — один из главных заветов Октября, один из мудрейших уроков становления нашего социалистического интернационального содружества.

ЖЕСТВА

мире и должны каждодневно заботиться о том, чтобы это развитие шло по пути марксизма-ленинизма. Здесь важно все: интеллигентность и хорошие организаторские способности пропагандистских кадров, использование всех форм идеологической деятельности — пропаганды, агитации, политической информации, культурно-просветительной работы. В деле интернационального воспитания участвует большое число людей — от партийных и советских работников до учителей и пионервожатых, от деятелей культуры до хозяйственных руководителей. Важно, чтобы все они помнили о главном: интернациональное воспитание — это обращение к самым сокровенным чувствам человека. Национальное чувство — одно из самых тонких чувств. Нарушение принципа взаимного уважения и равенства «хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки» — это ленинские слова — способно нанести большой вред формированию интернационального сознания человека. Здесь важны и глубокие знания и большое чувство такта. Именно поэтому в решении проблем интернационального воспитания в настоящее время все большую роль начинают играть такие науки, как педагогика, социология, социальная психология. В Эстонии к подготовке вопросов на партийные пленумы, бюро, конференции, совещания все шире привлекаются ученые: философы, экономисты, историки, социологи, специалисты различных

РАССКАЖУТ КНИГИ...

В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА

У Пабло Неруды в «Оде Книге» есть такие строки: «Книга, закрыв тебя, я открываю жизнь...» Сейчас книги съезжаются в Москву на крупнейшую выставку-ярмарку, съезжаются, чтобы рассказать о своих странах и людях, чтобы «открыть жизнь», перекинуть мосты дружбы и понимания между странами и континентами.

Трудно переоценить роль и значение книжного слова в пропаганде идей мира и дружбы. И поэтому так важен девиз, под которым будет проходить работа форума, — «Книги на службе мира и прогресса».

25 тысяч квадратных метров — площадь, на которой по-

кажут продукцию крупнейших издательских фирм мира. Значительны экспозиции социалистических стран. Участвуют в выставке-ярмарке также издательские ассоциации Австрии, Австралии, Бельгии, Великобритании, Испании, Франции, ФРГ, Финляндии, Японии, других капиталистических государств, а также развивающихся стран: Бангладеш, Сирии, Сенегала, Мозамбика и других.

Советский раздел займет площадь в две тысячи квадратных метров. В числе организаторов нашей экспозиции — Госкомиздат СССР, ВААП, объединение «Международная книга». Участ-

вуют Госкомитет по науке и технике, Министерство культуры СССР, Академия наук страны, все наши творческие союзы, Агентство печати «Новости», другие организации. Один лишь этот перечень дает представление о широте и многообразии, которые предстанут перед теми, кто придет в павильоны выставки-ярмарки.

Заключительный акт Хельсинкского совещания предполагает, что его участники будут содействовать дальнейшему распространению книг. Первая московская выставка-ярмарка служит этому.

Ю. НОВИКОВ,
К. КОСТИН

ОКЕАНУ — МИР!

Учитель из США Фрост и советский школьник Коля Титов посадили русскую березку на аллее Тихоокеанского сотрудничества в парке города Находка. В тот воскресный день 14 августа 1977 года рядом с березкой Фроста и Коли появились десятки деревьев, посаженных руками участников четвертого международного семинара молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана.

Говорят, человек, посадивший дерево, может считать свою жизнь не зря прожитой. Но посадить мало, надо вырастить, защитить и не только дерево — все живое на земле.

Защита мира в странах тихоокеанского района, где проживает почти половина населения

планеты, стала одной из главных тем программы семинара.

Девять дней посланцы более 20 стран работали в атмосфере доверия и сердечной доброжелательности. Участники семинара выразили общую надежду на улучшение международных отношений, позитивные сдвиги в сотрудничестве по пути разрядки.

На проведенном в конце семинара коллоквиуме «Особенности политической ситуации в бассейне Тихого океана, пути развития сотрудничества в этом районе: прогнозы, перспективы» советские ученые — доктор исторических наук В. П. Лукин, кандидат технических наук Б. Н. Плавинский отметили, что расширение научных контактов вносит большой вклад в по-

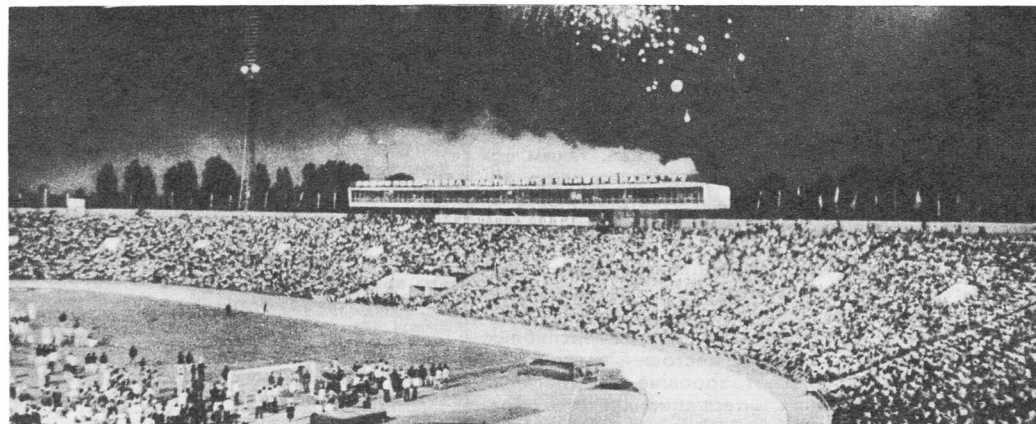
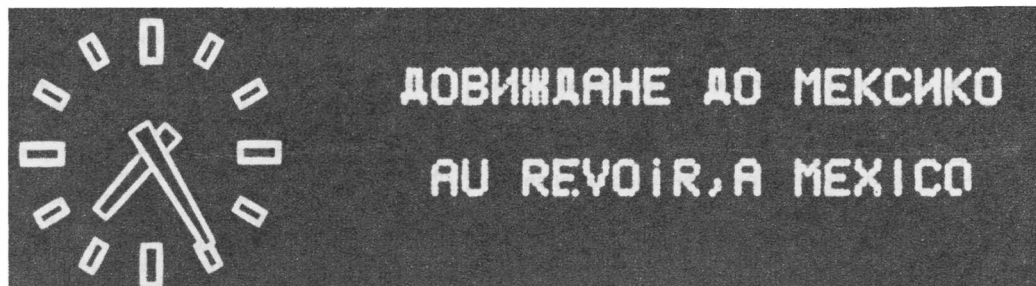
теплению политического климата, укрепление сотрудничества. Но остаются серьезные проблемы, созданные силами реакции, заинтересованными в наращивании гонки вооружения.

Молодые ученые, приехавшие в Находку, в своем заявлении высказали решимость выступать за скорейший созыв Всемирной конференции по разоружению, против производства новых видов оружия, в том числе такого чудовищного средства уничтожения, как нейтронная бомба.

Тихому океану, как и всей планете, нужен мир! Пусть растут под чистым небом деревья на аллее Тихоокеанского сотрудничества.

В. КУЗНЕЦОВ,
фото автора

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

Заккрытие Универсиады-77.

Фото Д. Флигелиса, И. Соборовера

«Прощай, София, здравствуй, Мехико!» — звучало над стадионным имени Василия Левского в день закрытия Универсиады-77.

Двенадцать дней соревновались на софийских аренах по десяти видам спорта студенты пяти континентов. И вот пришел час прощания — час подведения итогов спортивной сессии, как называли Универсиаду журналисты.

Команда СССР завоевала первенство и увезла домой 31 золотую медаль, 36 серебряных и 29 бронзовых. Как и обычно, не подвели наши борцы, достойно выступили гимнасты и фехтовальщики, с полным напряжением всех сил соревновались прыгуны в воду и теннисисты, а вот легкоатлеты и пловцы недосчитались целого ряда медалей. Но командная победа тем и дорога, что она на равных вбирает в себя усилия большого и дружного спортивного коллектива. Таким коллективом и зарекомендовала себя сборная команда СССР.

Второе место заняла команда США, третье — за хозяевами Универсиады. Героями соревнований оказались кубинские легкоатлеты Хуанторена и Казаньяс, установившие два мировых рекорда в беге на 800 метров и на 110 метров с барьерами.

Борьба в Софии была очень напряженной, но недаром там самым распространенным словом стало слово «дружба». Универсиада — это соревнование друзей, и, прощаясь в Софии, они назначили себе новые встречи на Универсиаде в Мехико и на Олимпийских играх в Москве.

Ф. Антонов. Род. 1904. ПОРТРЕТ УЛЯНЫ ГРОМОВОЙ. 1948.

Государственная Третьяковская галерея.
Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

МЫ — ДЕТИ РЕВОЛЮЦИИ

В декабре 1918 года гостиница «Метрополь», которая называлась тогда 2-й Дом Советов, была заселена партийными и советскими работниками, переехавшими вместе с правительством из Петрограда в Москву. Родители наши работали дни и ночи. Дети оказались предоставленными сами себе. Время было трудное, голодное. Мальчишек и девочек можно было часто встретить на кухне. Там прямо на плите, без сковородки, мы пекли лепешки

из каких-то перемолотых злаков, замешанных на воде. Но вот кто-то из взрослых догадался организовать для нас детский клуб. Там мы рисовали, лепили, пели хором, а главное, там нас подкармливали сверх общего голодного пайка супцом из селедочных головок и чечевичной кашей без жира. Накануне нового, 1919 года нам сказали, что у нас будет елка. Кто-то из ребят предложил: «Давайте пригласим на

елку Владимира Ильича». Тут же избрали делегацию: Толя Феденев — ныне полковник в отставке, мой брат Шура Юровский — в настоящее время контр-адмирал в отставке, Оля Механошина, которая после войны была на ответственной партийной работе, и я, именовавшийся в те далекие времена просто Женькой. Мы отправились приглашать Ильича на елку. В ресторанном зале «Метрополя» заседал ВЦИК, и Ленин не раз бывал на этих заседаниях. У огромных, массивных: дверей ресторана стоял матрос в бушлате, перекрещенном пулеметными лентами. Матрос проверял пропуска и нанизывал их на штык. У нас пропусков не было, и в зал нас не пустили. Но мы — дети революции — знали свои права. Ведь мы были делегатами! Мы потребовали вызвать коменданта зала Стрижана. И представьте — Стрижан явился. После коротких дипломатических переговоров комендант заявил, что Ленину некогда говорить с нами. Но магическое слово «делегация» все же сыграло свою роль. Через некоторое время из мрачного зала вышел Владимир Ильич. Он был в зимнем пальто с черным шалевым воротником и в черной ушанке.

Поздоровавшись, он совершенно серьезно спросил, какие вопросы у делегатов. Мы ответили Ильичу, что нам поручено пригласить его на елку. Владимир Ильич начал расспрашивать нас, что мы делаем в нашем клубе, ходим ли в школу и чем нас кормят. В заключение Ленин сказал, что постарается быть у нас, и добавил, что мы ребята большие, должны понимать, — идет война и вообще дел очень много. Если времени выкроить не удастся — не обижаться! ...Приехать Ленин не смог, но точно в назначенное время к нам приехали поэт Демьян Бедный и дядя Костя Еремеев, бывший комиссар на Балтийском флоте, в дальнейшем — первый редактор «Крокодила». С ними был сотрудник редакции «Правды», фамилию которого я не помню. До сих пор поражает меня, как за грудой дел, суматохой явлений Владимир Ильич не забыл о детской просьбе. Совсем недавно встретился в ЦДСА с полковником Феденевым, и, конечно, мы вспомнили о том разговоре с Ильичем, который остался в наших сердцах на всю жизнь. **Е. ЮРОВСКИЙ,** член КПСС с 1928 года, гвардии подполковник в отставке

КОНКУРС ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

ЕГО ЗОВУТ БРОНЕПОЕЗД

Пожалуй, я не отвечу на все вопросы «Огонька», но постараюсь объяснить, чем привлёк меня этот конкурс. Очень надеюсь, дорогие товарищи, с вашей помощью разыскать одну

семью из Монголии. Наверное, это будет совсем не просто, — я не знаю их фамилии, но предполагаю, что живут они в Улан-Баторе. С 1961 по 1963 год мы с мужем находились в заграничной командировке в Монголии. Муж работал в аймачном управлении инженером, а я — в железнодорожной больнице Монголо-советской дружбы фельдшером на «Скорой помощи». В конце 1962 года, кажется, в ноябре месяце, я возвращалась в Сухэ-Батор из отпуска международным поездом Москва — Пекин. Ехали мы уже четверо суток. Вдруг часов в 11 ночи по радио попросили медработников срочно зайти в один из вагонов. Оказалось, начались роды у монгольской студентки, которая училась в одном из наших вузов в Ленинграде и ехала к родным. В купе нас пришло двое: я и еще пассажир. Я спросила его, кто он по специальности.

Ответил, что он ветврач. Тогда я его вежливо попросила из купе, сказав, что справлюсь сама. Я очень хорошо понимала всю ответственность за жизнь двоих — матери и будущего ребенка, да еще в таких условиях, и, конечно, волновалась. Под рукой не было ни стерильного материала, ни нужных инструментов, ни горячей воды. Но, пожалуй, еще больше, чем я, волновался начальник поезда. Помню, как он с дрожжащими руками стоял передо мной и испуганным, умоляющим голосом просил: «Миленькая, сделайте все, что нужно, на вас только надежда». Я успокоила его и попросила принести все, что он сможет достать: одеколон или водку, бинты, вату, ножницы и простыни для ребенка. Оперативности начальника поезда можно было подивиться. Он очень скоро принес все, что я просила. Обернувшись простыней вместо халата, я приняла роды. Родился хороший мальчик, кото-

рого назвали Ганхуаг, что в переводе, как мне объяснили, значит «Бронепоезд». Совсем я не спала в ту ночь, все ходила в тот вагон, беспокоясь о состоянии матери и новорожденного. А утром, когда мы прибыли в Наушки, наш начальник поезда рассказывал таможенникам о родах и о том, как наша советская такая молоденькая девушка так быстро и хорошо приняла роды у монгольской студентки. Через несколько дней об этом случае написала газета «Унэн». Прошло уже много лет, и мне так хочется увидеть своего «крестника». Думаю, что вы сумеете разыскать ту семью, и я узнаю тогда об этом мальчике с таким удивительным именем — Ганхуаг — Бронепоезд. **Инна ДАШКЕВИЧ** Совхоз Сусатский, Ростовская область.

ВИД С ЛЕНИНСКИХ ГОР

Сейчас я заканчиваю докторскую диссертацию. Пятнадцать лет назад окончила химический факультет МГУ. Конечно, это было торжественное событие, но, честно говоря, я не об этом вспоминаю, когда вместе с дочерями копаюсь в большом ящике с надписью «Москва, 1957—1962», когда смотрю на синюю книжку диплома или отрываю альбом с фотографиями того времени. Москва, 1957—1962... Это для меня воспоминания. Первые лекции в большом зале химфака. Нужно вникать в формулы, которые профессор пишет на доске, следить за опытами, слушать русскую речь и все записывать. Да, смешные это были тетради на первом курсе — формулы, немецкие фразы, отдельные слова по-русски, много пустых строк и листов... Москва, 1957—1962... Недели сессий, когда с утра до ночи сидели над книгами то в общежитии, то на скамейке в парке около университета. Самая «историческая» была, несомненно, сессия весны 1961 года,

когда первый космонавт Юрий Гагарин облетел нашу Землю. Помню, как мы стояли на Ленинском проспекте и восторженно, как и все, приветствовали покорителя космоса, совершенно не думая о предстоящем на следующий день экзамене. Другое памятное событие — запуск первой советской ракеты на Луну. В полночь — мы как раз собирались идти спать — вдруг поднялся невообразимый шум. Звонки во всех комнатах общежития, голос Левитана по радио, а потом многоголосое: «Ура!» Никто не спал в ту ночь. Москва, 1957—1962... Моя семинарская группа, с которой связаны самые хорошие воспоминания. Валя Романенко, Тоня Крутилина, Света Смирнова, Тамара Стрюкова, Марина Мастерова, Марина Проскуркина, все, все они стали мне истинными друзьями! Они открыли мне Страну Советов, научили любить эту страну, ее народ. Валя Романенко стала моей лучшей подругой. Пять лет мы

вместе жили в общежитии, она много помогала в первые трудные годы, пригласила к себе домой, в деревню неподалеку от Владимира, мы вместе радовались успехам, вместе грустили, когда бывали неудачи. Сейчас регулярно переписываемся. Когда я бываю в командировке в Москве, то Валя обязательно приезжает с Украины, и мы вспоминаем наши студенческие годы, рассказываем друг другу о работе, о семье. А что было после 1962 года? Я стала сотрудником Академии наук ГДР и с тех пор ра-

Наша семья.

ботаю в Лейпцигском филиале Центрального института органической химии, директором которого, профессор Новак, тоже окончил МГУ. В 1966 году я защитила кандидатскую диссертацию, сейчас, как уже говорила, заканчиваю докторскую. В нашем институте много выпускников советских вузов. Это сказывается во всех областях работы. У нас тесные связи с советскими научными учреждениями. Например, мы сотрудничаем с Институтом нефтехимического синтеза АН СССР. Каждый год я хотя бы раз приезжаю в Москву, чтобы поговорить с нашими партнерами о ходе работ. Вместе выступаем с научными докладами, вместе публикуем статьи. В первый же день я еду на Ленинские горы, чтобы посмотреть на родной университет и на Москву. На кафедре химии нефти меня всегда встречают как старого друга. Вот о чем мы рассказываем своим детям, рассматривая московские фотоальбомы. Мой муж — историк, тоже выпускник МГУ. **Грете БАХ** г. Лейпциг, ГДР.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕ

ОТДЫХ—ЗАБОТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Право на отдых обеспечивается «предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков... а также расширением сети... оздоровительных учреждений».

Из проекта Конституции СССР.

Как советские люди практически осуществляют это право?

Перед вами, читатель, справки о бюджете двух рабочих семей, о средствах, затраченных ими на отдых.

Фамилия, имя, отчество	Место работы, должность	Средне-месячн. зарабо-ток	Расходы на отдых	
			Родителей	Детей
А. И. Горбачевич	Минск, трактор-ный завод, на-ладчик	220	14 руб. 40 коп. Две путевки в дом отдыха (действительная стоимость 80 руб.)	Пионер-лагерь в Польше. Бесплатно
З. А. Горбачевич	Минск, трактор-ный завод, гальваник	143		
Н. В. Горбов	Москва, завод «Знамя труда», слесарь - мон-тажник	185	65 руб. Путевка в санаторий «Утес» (действительная стои-мость 130 руб.)	Пионер-лагерь «Орле-нон». 9 руб. Две смены
Н. И. Горбова	Москва, горная фабрика, пря-дильщица	135	36 руб. Путевка в санаторий «Анапа» (действительная стои-мость 120 руб.)	

Корреспондент «Огонька» Г. КУЛИКОВСКАЯ попроси-ла заведующего отделом ВЦСПС по государственному и социальному страхованию Н. А. ТРОФИМЮКА и пред-седателя Центрального совета по управлению курортами профсоюзов И. И. КОЗЛОВА прокомментировать эти цифры.

Н

иколай Афанасьевич, что, по вашему мнению, прежде всего обращает на себя внимание в публикуемых справках?

Н. А. Трофимюк. Они еще и еще раз гово-рят о советском образе жизни, о том, как Со-ветское государство заботится об охране здо-ровья трудящихся, о росте их материального благосостояния. Обратите внимание, какая большая разница между действительной сто-имостью путевок и теми суммами, которые за-трачивали на них обе семьи.

В малом видится великое, видится социаль-ное завоевание Октября, право каждого чело-века на отдых, на укрепление своего здоровья. Это положение нынешней Конституции значи-тельно обогащено в проекте Основного Зако-на, представленном на общенародное обсуж-дение.

В нашей стране постоянно растет заработная плата трудящихся, государство ежегодно оп-лачивает отпуск каждому в размере его сред-него заработка. Из года в год увеличива-ются всевозможные выплаты, дающие до-полнительные льготы и поощрения за счет общественных фондов потребления. Характер и величина этих фондов, как известно, опреде-ляются уровнем и темпами развития социали-

стического производства, всем ходом осущест-вления социальной программы, намеченной партией. Если накануне Великой Отечественной войны в доходной части бюджета рабочей семьи различные доплаты и льготы за счет этих общественных фондов составляли менее седьмой части, то в 1972 году — без малого четвертую часть. В масштабе всей страны это выглядит так: 4,6 миллиарда рублей в 1940 го-ду и в двадцать раз больше, около 100 мил-лиардов, в 1977-м. Примерно третья часть этой суммы, а точнее, около 30 миллиардов рублей, составляет бюджет государственного социаль-ного страхования, которым в нашей стране уп-равляют профсоюзы и за счет которого еже-годно расходуются огромные средства на са-наторно-курортное лечение и отдых рабочих, колхозников, служащих и членов их семей. За последние семь лет эта статья бюджета госу-дарственного социального страхования вырос-ла на шестьдесят процентов. Только в прош-лом году в профсоюзных, ведомственных и всех других здравницах, в домах и на базах отдыха, по туристским путевкам и в пионер-ских лагерях у нас лечилось и отдыхало пять-десят восемь миллионов человек, то есть каж-дый четвертый-пятый гражданин страны.

При этом от общего количества соцстрахов-ских путевок двадцать процентов путевок на все виды санаторно-курортного лечения и десять процентов на отдых, туризм и в пио-нерские лагеря трудящиеся и члены их семей получили бесплатно, а за остальные они упла-тили лишь тридцать процентов их стоимости. А ведь, кроме того, значительную часть бес-платных льготных путевок трудящиеся полу-чают за счет других источников финансирова-ния.

Нельзя не подчеркнуть, что все вопросы распределения и выдачи путевок решаются непосредственно в трудовом коллективе, фаб-рично-заводскими и местными комитетами профсоюзов. Это очень важно: фабзавкомы хорошо знают своих людей, лучше учитывают их нужды, потребности, лучше могут соразме-рить предоставляемые льготы за счет общест-венных фондов потребления с конкретным трудовым вкладом работника, с эффективно-стью и качеством труда каждого.

Хочу обратить внимание еще на одну осо-бенность: относительно невысокую стоимость путевок, даже если бы за них пришлось пла-тить полностью. Стоимость месячной путевки в санаторий — ниже среднего заработка рабо-чего. Иное положение в капиталистических странах. В Италии, например, средний зарабо-ток рабочего составляет примерно двести ты-сяч лир в месяц. А пребывание на курорте (в течение двадцати одного дня) обходится в три-ста тридцать — триста пятьдесят тысяч лир. В ФРГ на такой же срок нужна тысяча триста марок при среднем месячном заработке промыш-ленного рабочего в тысячу двести марок.

— Но видимо, дело не только в цене?

И. И. Козлов. Разумеется. Ни в одной капи-талистической стране нет таких крупных ле-чебно-профилактических комплексов, как на-ши санатории. Там совсем другая система: человек приезжает на курорт и снимает в го-стинице номер, отдельно платит за питание, отдельно за каждую процедуру, за каждую бутылку выпитой минеральной воды... В Ита-лии такая лечебная процедура, как массаж, стоит, к примеру, тысячу двести лир, ингаля-ция — тысячу лир, ванна — тысячу двести лир. Путевки как таковых вообще не существует. Если человек лечится за счет своих же ежеме-сячных взносов в фонд страхования, то он по-лучает деньги на руки и должен заботиться обо всем сам.

— Словом, почти как тот, кто приезжает на наши курорты без путевок?

КТО КОНСТИТУЦИИ СССР

И. И. Козлов. Далеко не так. В связи со все возрастающим числом приезжающих на курорты без путевок у нас разработаны меры по улучшению организации их обслуживания. В Туапсе, Анапе, Юрмале, Пярну, Паланге, в Горьковской, Калининской, Ленинградской, Куйбышевской областях и других районах страны начали функционировать хозрасчетные учреждения по оказанию некоторых услуг приезжающим. Их встречают и размещают в арендованных платных жилых домах, помогают в организации питания, коммунально-бытового и культурно-массового обслуживания. Они бесплатно пользуются библиотеками, спортивными сооружениями, источниками минеральной воды.

В прошлом году секретариат ВЦСПС предоставил хозрасчетным службам немалые средства, что позволило им заняться благоустройством пляжей, оборудованием палаточных городков, лодочных станций, комнат быта, пунктов проката, автостоянок, спортивных и детских игровых площадок...

В этом году имеется в виду не только увеличить количество хозрасчетных организаций, но и повысить качество обслуживания отдыхающих, расширить виды предоставляемых услуг. К тысяче девятисот восьмидесятому году на их попечение будет уже около шести миллионов человек.

— На многих металлургических заводах существуют прекрасно оборудованные санатории-профилактории. Это ведь тоже своего рода санатории, только «с доставкой на дом»?

Н. А. Трофимюк. Безусловно. Это массовая и весьма эффективная форма санаторного лечения без отрыва от производства. Иные санатории-профилактории не отличаются от лучших курортных учреждений. Существуют они не только на металлургических, но и на машиностроительных, текстильных и других предприятиях. Есть профилактории на стройках, при вузах, есть межколхозные и межсовхозные — всего их у нас более двух тысяч. В прошлом году в них укрепили свое здоровье свыше двух миллионов человек. Строятся профилактории, как правило, недалеко от места работы, в живописных загородных зонах отдыха. Предприятие предоставляет им помещения, необходимое оборудование, в том числе и медицинское, обеспечивает хозяйственное содержание, ежедневную доставку отдыхающих в санатории-профилактории и на работу.

Расходы на питание и лечение отдыхающих, культурно-массовую работу оплачиваются профсоюзными организациями за счет средств государственного социального страхования.

Крайне важно, что в санаториях-профилакториях человека начинают лечить в самой ранней стадии развития его заболевания, то есть когда он практически здоров. Это дает возможность повысить сопротивляемость организма, вовремя предупредить обострение заболевания.

Фабричные, заводские и местные комитеты профсоюзов каждую пятую путевку в санатории-профилактории выдают бесплатно. За остальные путевки рабочие и служащие платят лишь десять — пятнадцать процентов их стоимости, то есть 15—17 рублей. Юноши в возрасте 16—18 лет, работающие на предприятиях, путевки в профилактории получают бесплатно.

За последнее время появилась еще одна форма охраны здоровья рабочих и служащих: во многих крупных городах и промышленных центрах — Горьком, Перми, Магнитогорске, Липецке, Чебоксарах — проектируются и начаты строительством профсоюзные водогрязелечебницы амбулаторного типа. Такие здравницы в Краснодаре и Омске уже вступили в строй и завоевали большую популярность.

— Муж и жена Горбачевых, упомянутые в нашей справке, отдыхали вместе. Каковы перспективы так называемого семейного отдыха?

И. И. Козлов. Самые благоприятные. Родителям, отдыхающим с детьми, целыми семьями, предоставляются наиболее благоустроенные дома отдыха и пансионаты. В штатах таких здравниц — врачи-педиатры, педагоги-воспитатели. Повара составляют для малолетних курортников специальные меню, библиотеки комплектуют юношескую и детскую литературу. Для ребят предусмотрены экскурсии, походы, спортивные игры, аттракционы. За последние шесть лет число мест в таких домах возросло втрое и к концу пятилетки превзойдет сто пятнадцать тысяч.

Будут построены крупные санатории для родителей с детьми «Оболсуново» в Ивановской области, «Жемчужный» в Хабаровском крае, на курортах Моршин и Белокуриха и в других местах...

Поскольку мы заговорили о детском отдыхе, я хочу сказать несколько слов и о специализированных пионерских лагерях-санаториях. Они работают круглый год, школьники продолжают там свои занятия. Такие лагеря открыты на Кавказе, в Крыму, Белоруссии и Армении, Башкирии и Карелии. Подобные лагеря готовятся к открытию и в других местах, завершится строительство первой очереди комплексов в Анапе и Евпатории.

— Иван Иванович, что делается для расширения зон курортного обслуживания?

И. И. Козлов. Советское государство предоставляет огромные средства для строительства новых и развития существующих санаториев, домов отдыха и пансионатов. В десятой пятилетке на эти цели предусмотрено около миллиарда рублей. К сожалению, как отмечалось на XVI съезде профсоюзов, развитие сети здравниц идет пока медленными темпами и отстает от все возрастающей потребности в них. Министерства, ведущие строительные работы, из года в год не выполняют свои планы. Ассигнованные суммы осваиваются крайне медленно. В частности, с огромным опозданием открываются в этом сезоне дом отдыха «Кобулет» и санаторий «Ейск».

Мы намеряем дальнейшее расширение и благоустройство санаторно-курортных зон, особенно на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на побережье Черного, Азовского морей, в Карпатах, в горных районах Грузии, на Рижском побережье, в Азербайджане, Казахстане. Предстоят большие работы по созданию курортной зоны союзного значения на озере Иссык-Куль в Киргизии, по освоению новых курортных районов — Запикетного в Кисловодске, восточного склона горы Машук в Пятигорске, побережья Каспийского моря в Дагестанской АССР. Многие надо еще сделать для строительства курортов и зон отдыха местного значения. Некоторые дома и пансионаты отдыха будут переоборудованы в санатории и пансионаты с лечением.

Перед нами, работниками курортов, стоит такая задача: принять в 1980 году около десяти миллионов человек. Л. И. Брежнев, обращаясь к делегатам XVI съезда профсоюзов, говорил о том, что в центре внимания профсоюзов должна быть забота о человеке, необходимы «повсеместное и повседневное внимание и чуткость к человеку».

Это полностью относится к работникам курортов, санаториев, домов отдыха. Ведь от того, какие условия будут созданы в здравницах, как будет организовано лечение, обслуживание больных и отдыхающих, зависит настроение человека и в конечном итоге его дальнейшая работоспособность.

ВНОШУ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

МОСКВА

Как и все советские люди, я прочитала проект Конституции СССР, с большим вниманием изучаю многочисленные пожелания и предложения советских граждан — свидетельства горячей заинтересованности всего советского народа в создании новой Конституции СССР, отражающей все многообразие нашей жизни.

Мне захотелось внести свою небольшую лепту в дело обсуждения проекта.

Советские люди горячо любят свою Родину и делом доказывают это. Но, к сожалению, еще не все с должным уважением относятся к своей стране. Мне кажется, что второй абзац статьи 62 надо дополнить словами: «Лица, проявляющие неуважение к своей стране, предающие ее интересы, заслуживают всенародного осуждения, а наиболее злостные из них — уголовного наказания». Последний абзац записать в такой редакции: «Измена Родине — тягчайшее преступление перед народом и государством».

Т. МИХАЙЛОВА

КАЗАНЬ

О значении хлеба в трудные годы войны, в блокаду Ленинграда хорошо знает старшее поколение. Молодежь наша живет в достатке, поэтому, вероятно, у некоторых из них пренебрежительное отношение к хлебу. Хлеб у нас дешевый, его много на полках магазинов, но это не значит, что им можно не дорожить, выбрасывать целыми буханками или батонами в бачки с пищевыми отходами. Я пишу не к тому, чтобы ограничить потребление хлеба. Покупайте, ешьте на здоровье, но в то же время цените его, цените труд хлеборобов.

Вношу предложение записать в новую Конституцию специальную статью примерно такого содержания: «Граждане СССР обязаны с уважением относиться к хлебу и к труду хлеборобов, вырастивших его. Лица, допускающие расточительство хлеба и пренебрежительное к нему отношение, осуждаются общественностью, а злостные нарушители привлекаются к ответственности по закону».

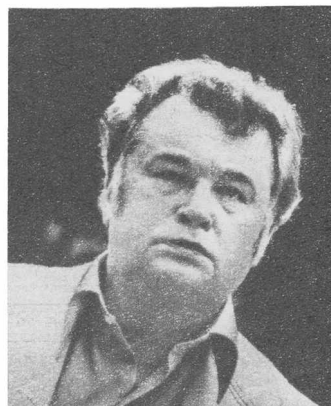
Д. ФИЛИМОНОВ,
кавалер ордена Трудового
Красного Знамени

АПАТИТЫ, МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Трудно переоценить огромное значение Основного Закона. В нем отразились великие завоевания нашей Родины на пути построения коммунистического общества. В статье 32 сказано: «Государство обеспечивает безопасность и обороноспособность страны, оснащает Вооруженные Силы СССР всем необходимым». Думаю, что после первого абзаца нелишне было бы добавить: «Государство неуклонно проводит в жизнь генеральную линию всеобщего полного разоружения в интересах мира во всем мире».

И. СМЕРНОВА,
выпускница средней школы

ЖИЗНЬ СВОЮ О

ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Земля моя!
Будь в этот миг горда —
твой сын взлетел.

Земля моя!
Впервые возвратился человек
в свой отчий дом на Землю
и пыль иных миров стянул с сапог...
Цветы, цветите!
Чтоб аромат своей родной земли герой
вдохнул.
Шумите полноводные потоки, лаская слух его!
Красивейшие девушки планеты,
герою улыбнитесь...

12 апреля 1961 года

14 МАЯ

Как это славно, мама:
в памятный день твой я
просто до слез ощущаю
посвисты соловья.

Как это славно, мама,
что в твой памятный день
вижу лишь синь и солнце,
не замечаю тень.

В памятный день твой, мама,
чувствую твой порыв:
жизнетворящ он, жизне-
стоек, жизнелюбив...

РАЗМЫШЛЯЯ НАД СОБСТВЕННОЙ КНИГОЙ...

— Доволен, что в этой вот книге,
которая прочих полней,
твой путь от блокадной ковриги
до зрелости нынешних дней?

...А я вспоминаю три слова,
которые в жизни сложил,
и выбил их мастер суровый
на камне блокадных могил.

Причастен я этим трехсловьем
не к дню, а к эпохе земли...
Склониться бы над изголовьем,
но трупы вповалку легли...

Истлеют бумажные книги,
но вечен могильный гранит,
и я приобщусь, не великий,
к великим, кто в землю зарыт,—

«СПИТЕ, БРАТЯ И СЕСТРЫ!...»

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мальчишкой, с умом откровенным,
забывшим про голод и страх,
я встретился с военнопленным
на Кировских островах.

Сновал он у груды кирпичной,
нисколько не схожий с врагом,
и ловко рукою привычной
орудовал мастерком.

Ледащий он был, не ядреный,
с подсиненной кожей скул...
И завтрак я свой немудреный
зачем-то ему протянул.

Молчал ошарашенный немец,
прилип к его небу язык...
И, гневно взглянув:
— Отщепенец!.. —
мне бросил прохожий-старик.

А может быть, я в самом деле
какую-то чушь сотворил,—
не этот ли немец в апреле
снарядом автобус накрыл?

О, каменщик в кителе драном,
дробивший дома и мосты...
И мысли неслись ураганом,
и были раздумья чисты.

Я дал ему хлеб и не отнял,
не как лопухий телок,—
а словно бы ношу я поднял,
ту, что не поднять я не мог.

О пленном являя заботу,
словами не бью, не кляню
и этим по высшему счету
его подтверждаю вину.

Услышит ли он, не услышит,
поймет ли мое торжество,—
я был беспощадней,
был выше
и был человечней его.

Откиньте зависть прочь,
как занавеску с окон,
чтоб видеть день и ночь
в их естестве глубоком;
чтоб духом воспарить,
быть не всеядной губкой,
чтоб с миром говорить,
а не с какой-то группкой.

Меня травили в Западном Берлине,
твердили, что засохнем мы отныне,
поскольку улетел писатель А.,
поскольку Б. сидит на чемоданах,
поскольку Z, в газетах иностранных
разоблачит Россию догола.

К иному потянулись пирогу,
мол, западный пирог начинкой слаще...
Жалею тех, кто слабый и пропащий,
а подлеца жалеть я не могу.

Их меценаты Запада ласкали —
и мягко спать, и варено на сале,
а что они высокого создали,
чтоб вздрогнула Россия, вдруг прозрев?
Изобразить народ непрекословным,
смутить юнца неистовством альковным,
орать, что музу гонят плетью в хлев?

Такому не бывать, чтобы зоилы,
черня народ свой, обретали силы,—
обрящете не трон вы, а клозет...
Писатель А.! Летите же, летите...
Писатель Б.! Свои узлы грузите...
Копите желчь, лукавый критик Z...

Я не пророк и не гождусь в пророки,
но вы не раз вспомните дороги,
которыми от Родины ушли...
Продавших скarb гуртом по сумме сходной,
вас назовут сумою переметной,—
не будет вам
ни неба, ни земли...

Обозначу всю жизнь и примерю,
разлиную я жизнь, как тетрадь,
и предвижу удар и потерю,
сладкий сон и души благодать.

Но, когда у порога земного
постараюсь припомнить хоть миг,—
то воскреснет лишь ярое слово,
что мне жгло и сушило язык;

то воскреснет цыганское лето,
зацелованных губ маета...
Неприкаянна и невоспета,
не с линованного листа...

То воскреснет печальный заморыш,
что по чести своей, не за страх,
был со мной неподкупен, как сторож,
восседающий в райских вратах;

те воскреснут, кого не предвидел,
вырвал с корнем и напрочь забыл,
оттого, что их сильно обидел,
оттого, что их мало любил.

Русские женщины под небом чужим
среди иного народа...
Часто приглядывался я к ним
с чувством особого рода.

Думал постигнуть я и понять,
что за природные силы
так высветляют их дивную стать,
облик, щемящий и милый.

В голосе, или во взмахе руки,
иль в мимолетном движенье
столько сокрыто любви и тоски,
веры, самоотверженья...

И мне казалось: сейчас я прочту,
яви переступая черту,
в эти минутные сроки
все, что пришлось за свою красоту
им претерпеть: и искус и тщету
в сложной житейской дороге.

...Милая, помнишь тот дождь проливной,
город балканский и вечер шальной,
наши бессвязные речи?
Не потому, что тебя я любил,
вновь я доверчивым мальчиком был,
гладил покатые плечи.

Но потому, что гордился тобой,
русской красавицей с трудной судьбой,—
как по-славянски, без фальши,
шла напрямик ты, дома отстраня,
зная, что нынче увидишь меня,
ну, а что дальше, что дальше...

ГЛЯДЫВАЯ КРУПНО

И. Е.

Отчего вдруг в какой-то незрячей
упоительно жесткой тоске
утешаешься песней казачьей
в африканском чужом далеке?

Разве золото, дивные ткани
и бурнусы, текущие с плеч,
не способны в красивом обмане
от всего твои взоры отвлечь?

Да ведь сам я колодец досчатый,
скворушку и подснежник в лесу
ощущаю не просто усладой,
не как прихоть и не как красу,—

ведь душа моя, трижды живая,
раскаленная добела,
в то, о чем запою, вспоминая,
знать, до белой березки вошла.

Тянуло туманом угарным
в экваториальной стране...
На книжном развале базарном
я шел, от жары как во сне.

Журнал ослепительно броский,
брошюра, растрепанный том...
Толпились студенты, подростки,
туристы с тугим кошельком...

А книготорговец не жадный
и не без возвышенных чувств,—
читать разрешает бесплатно
он тем, кто до времени пуст.

Я чувствовал сердцем печаль
в те
минуты, смотрел я пока,
как мальчик на жарком асфальте
сидел в двух шагах от ларька,

и в книгу недвижно уставясь,
читал он ее впопыхах,
чего-то хорошего завязь
поймал я в мальчишских глазах.

А рядом стучали, кричали,
хвалили товар торгаши,
толкались и не замечали
смятение наивной души.

О чем была книга — не знаю.
Лишь видел: с обложки ее
луна поднималась цветная,
жирафы скакали в жнивье...

Не ведает автор творений,
кейфуя иль где-то ютась,
что мальчик, поджавший колени,
вошел с ним в духовную связь.

...О, если бы выпало счастье,
чтоб строки, рожденные мной,
вдруг вызвали соучастье
бесхитростною простотой
колхозника и лесовода,
мальчонки, спешащего в класс,
а в целом —

родного народа
в любой его день или час!

Жизнь свою оглядывая крупно,
вижу в ней живое естество...
Если поворачивал, — то круто,
если отмечал, — то торжество.

Были в ней и радости, и боли,
недруги — орлы,
щепа — друзья...
Если б предложили мне три доли,
только б эту выбрал себе я.

Просто жил я и не лез в бояре,
если в чем себя и упрекнуть,—
в том лишь, что порою, дни базаря,
я не представлял, как краток путь.

Но зато в своей судьбе нечинной
я запомнил многое без слов:
переклик ватаги лягушиной,
пересвист разбойных соловьев...

Я не знал душевную усталость,
потому что с самых ранних дней
мне светила и такая малость,
как подснежник,
ягода,
ручей...

Трудно истину сказать,
обойдешь ее порою,
называя жизнь игрою,
чтобы не переживать.
Трудно истину сказать.

Обойдешь,— и вроде лад,
вроде вынырнул удачно,
сердце бьется однозначно,
ночью сны не холодят.
Обойдешь,— и вроде лад.

А не знаешь, что душа
крошится. Душа щербата.
Горше горького, ребята:
за душою ни гроша,
а ведь жить и мыслить надо.

МОЛОДОМУ ОМАРУ, НАДЕЖДЕ АЛЖИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Мать окапывала оливы,
под оливою родила
и мечтала: будет счастливый
сын, родившийся у ствола.
А позднее люльку качала,
привязав между двух ветвей,
то качала, а то копала,—
поднимала трех сыновей.

Но прошли бои по деревне
так, что солнце застила тьма...
И обуглены все деревья.
И разрушены все дома.

...Берег каменный и щербатый,
дали нам с Омаром видны.
Говорю:
— Я мальчик блокады...
Говорит:
— Я мальчик войны...

Между нами — двадцатилетие,
города в цветах и огне,
и сегодня на белом свете
в сыновья он годится мне.

Сын мой кровный не знал пожара,
не запомнил снарядный свист,
но я вижу в глазах Омара
сбитый пулей сгоревший лист...

Никуда от мысли не деться,
не запрятать ее концы,—
у меня с ним общее детство,
а гоюсь я ему в отцы.

Наша жизнь не поле,
а кратер,
извергающий сны со дна,
в них — французский колонизатор,
в них — со свастикою война.

В этом ли мое утешенье,
что из Тулы и из Ельца
помнящего
страх и сраженья
не открою я молодца?

Стой, Омар,
нас доля связала,
исчезает разница лет;
стой, Омар,
нам судьба сказала
с теми быть, кто идет вослед,
кто идет за тобой и мною,
кто еще по-детски счастлив,
чтобы им не знаться с войною
в ельнике иль среди олив;
чтоб их детство не было сиром,
чтоб их ждали радость и труд...

От Архангельска до Алжира
наши дети с тобой растут.

Живу в Соснове: зелень и вода,
на лодочке рыбак неторопливый,
весенний запах птичьего гнезда,
у тропки ландыш сиротливый.
Пью молоко и вольно ем чеснок,
из леса прихожу, не чуя ног.
И ниоткуда никаких вестей,
и ниоткуда никаких гостей.
И только ночью,— так в часу четвертом,—
меня разбудит птаха-соловей,
я не сержусь, лишь улынусь: «Бог с ней...»
И вновь забудусь сном, как говорится,
мертвым.

Но вдруг
ко мне нагрянет суетливый друг
и начинает пыльные рассказы:
тот совершил ошибку,
тот провал,
а тот престранным человеком стал...
И мир идиллий исчезает сразу,
смотрю — и сам уже я запылал...
И занят ум мой праздною работой,
и таинство, возникшее с природой,
я безответно разрушаю сам.

А ведь без этой сокровенной связи
душа обшелушится в одночасье,
что обнаружат по моим глазам.
Когда же я предамся равновесью,
чтоб плавно отводить беседу бесью!
Мне обращать бы внутренний свой взгляд
на то,
как пишут,
строят
и растяг...

Тогда б мои поступки и печали
раздумчивей и человечесней стали.

ТЫЛ И ФРОНТ

О подвиге советского народа на фронтах Великой Отечественной войны написано много и еще будет написано, и это закономерно, ибо подвиг безмерен. О тружениках тыла в период войны сказано значительно меньше, а ведь именно они ковали Победу, снабжая оружием, орудиями, танками, автомобилями, обмундированием, снаряжением, продовольствием армии, сражавшиеся на фронтах. И эта тыловая работа, этот напряженный, героический труд был также подвигом, не имеющим примера в истории, и он заслуживает того, чтобы о нем пелись песни, писались романы и поэмы, слагались легенды и бережно, кропотливо собирались факты, создавались и собирались мемуары, письма, воспоминания.

Все они лягут на столы будущих историков нашего времени, достойного, чтобы его изучали потомки и находили в нем примеры доблести и героизма, так нужных людям.

Недавно вышла книга Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость». Нынешний министр внешней торговли СССР, он в годы войны был на ответственной партийной работе — первым секретарем обкома в Ярославле, а потом в Челябинске, который, как известно, был одним из могучих арсеналов действующей армии.

Н. С. Патоличев. Испытание на зрелость. М., Политиздат, 1977, 288 стр.

Книга названа «Испытание на зрелость», и это название представляется мне точным и удачным. Тяжелое, жестокое, крутое испытание держали вся Советская страна, насчитывавшая к началу войны только 23 года своего существования, советская экономическая и политическая система, советский государственный и партийный аппарат, советский общественный строй, все советские люди и каждый человек в отдельности — где бы он ни находился, в тылу или на фронте. Гитлеровское руководство, переполненное самодовольством после того, как германскому вермахту удалось сокрушить ряд европейских государств, рассчитывало на блицкриг и скорую победу над СССР, который-де распадется от их удара, но уверенность эта оказалась построенной на песке. Испытание было выдержано.

Кратко останавливается автор на своей биографии — крестьянский сын из села Золино, Владимирской губернии, рано познавший нужду и сиротство, он прошел тот жизненный путь, что характерен для многих советских и партийных руководителей. Его отец С. М. Патоличев — солдат русской армии, гусар, георгиевский кавалер, в годы гражданской войны был героическим командиром 1-й Конной, пал смертью храбрых в 1920 году; вскоре умерла мать, мальчика-подростка воспитывал комсомолец, стал он комсо-

мольским вожаком, учился, вступил в партию и, наконец, к началу войны достиг немалой ступени — стал первым секретарем обкома партии; было ему в 1939 году 30 лет.

Автор в своей работе не стремится к красоте стиля, рассказывает обо всем просто, но с тем душевным волнением, которое не может не перейти к читателю.

Н. С. Патоличев оперирует фактами, соединяя их один за другим, и вырастает цепь драгоценных свидетельств всенародного патриотического подъема. Он рассказывает, как формировалась Ярославская добровольческая дивизия и как она воевала. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, люди разных возрастов и профессий стремились во что бы то ни стало попасть на фронт, получить желанное оружие и сражаться, не щадя жизни. А ведь это были люди, в массе своей не подлежавшие призыву или еще не призванные военкоматом, огонь любви к Отечеству трепетал в их сердцах, и ненависть к подлому врагу жгла их души. Люди плакали, если им отказывали в зачислении...

Тепло рассказывает автор о своих товарищах по работе, не жалевших сил и времени ради общего дела. Чувствуется, что воспоминания теснятся в его груди и составляют навсегда запомнившуюся страницу его партийной биографии.

Раздел своей книги о работе в Ярославле он заканчивает патетическим абзацем: «Прощай, Ярославль! Прощай, Ярославля — древнерусская сторона. Я тебя не забуду. До свидания, боевые товарищи — ярославские коммунисты. С вами я прошел первую, важную для меня школу партийного работника. Впереди Урал».

В Центральном Комитете на вопрос Н. С. Патоличева, почему его переводят из прифронтового Ярославля в тыловую Челябинск, было сказано: «Там сейчас важнее».

Когда на Запад эшелоны,
На край пылающей земли,
Ту мощь брони незащелкнутой
Стволов и гусениц везли,—
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:

— Батюшка Урал...

Этими словами Твардовского предваряет автор свой рассказ о работе в Челябинске.

Из районов, временно оставляе-

мых врагу, потоком шло на Урал вывезенное оборудование заводов. Строились на неласковой, промороженной уральской земле в бураны и метели новые заводы. Расширялись и модернизировались старые предприятия. На новый, военный лад перестраивалась вся уральская промышленность. Люди переезжали сюда из Донбасса, из Ленинграда, западных областей, — всех надо было устроить, одеть, обути, накормить и приставить к делу. И все это на ходу, в спешке, в стремительном темпе: война промедления не терпела. И чудо совершилось — Восток стал арсеналом Запада, Урал-батюшка заработал в таких темпах, с таким размахом, что поразился весь мир. Поток оружия шел на фронт — и фронт всегда чувствовал за своей спиной горячее дыхание уральских заводов.

Автор рассказывает, как приходилось днями и ночами работать в Челябинском обкоме и ему и всем товарищам, которым было доверено великое дело вооружения армии. Когда читаешь теперь, уже в мирные годы, о всенародном напряжении людей того времени, не жалевших ничего для Победы, то невольно охватывает тебя чувство восторженной гордости. В 1943 году рост производства по сравнению с 1940 годом составил 350 процентов! И продолжал расти всю войну. Какая организованность, какова сила! Какой могучий, доблестный тыл имели наши действующие на фронтах войска!

В Челябинске сейчас стоит монумент в честь добровольцев-танкистов Челябинской танковой бригады, входившей в состав Уральского добровольческого танкового корпуса, — военная история не знает другого подобного примера!

В речи «Великий подвиг советского народа» Леонид Ильич Брежнев, говоря о минувшей войне, сказал: «Не считаясь ни с какими лишениями, труженики тыла делали все, чтобы дать армии совершенное оружие, чтобы одеть, обути и накормить солдат, обеспечить бесперебойную работу всего народного хозяйства. Во время войны трудились так, что казалось — нет пределов человеческого возможностям».

Вот об этом и рассказывает в своей волнующей книге Н. С. Патоличев.

Ник. КРУЖКОВ

ЧЕРТЫ ПОКОЛЕНИЯ

Эта книга — своеобразный итог творчества писателя Виктора Тельпугова, которому недавно исполнилось 60 лет. Она состоит из нескольких циклов коротких рассказов и трилогии повестей «Парашютисты», «Все по местам!» и «Полынь на снегу».

Читателям хорошо известны произведения В. Тельпугова. О чем бы ни говорил писатель в своих небольших рассказах или повестях — о любви, о труде, о детях, о днях прошедшей войны, — его мысли, образы, герои, сам его язык близки, понятны нам. Это ли не показатель художественной верности, точности и цельности?

Виктор Тельпугов пришел в литературу не скорым путем, уже сорокалетним, и до «Журавлей над Москвой» — его писательского дебюта — успел познать нелегкую ар-

Виктор Тельпугов. Полынь на снегу. М., «Советский писатель», 1977, 592 стр.

мейскую службу еще до войны, встречал в кровавых боях врага в Белоруссии, вел организаторскую работу в ЦК ВЛКСМ, сотрудничал в «Комсомольской правде».

Не случайно поэтому судьба десантника Сергея Слободкина, простого солдата, героя повестей Тельпугова, тесно сплетается с собственной судьбой автора: ведь судьбы эти неразрывны с жизнью всей страны.

В образе Сергея Слободкина ясно и правдиво отразились многие черты поколения советской молодежи, прошедшей через испытание войной. Те ребята-десантники, которые творили чудеса храбрости в немецких тылах, не сразу становились героями. От первых робких прыжков с парашютом, от преодоления страха высоты шли эти мальчишки к твердости, уверенности, самоотверженности. Вот и у Сережи Слободкина дорога была долгой и трудной: ранение, госпиталь, сверхнапряженный труд на оборонном заводе и, наконец,

сложнейшее, опаснейшее задание в глубоком вражеском тылу.

Характер героя В. Тельпугова новался суровым временем и прекрасными людьми, товарищами: смельчаком Брагой, командиром роты десантником Поборцевым, ближайшими друзьями Сергея по фронту огневому и трудовому — Кузей, Зимовцом, Леной Лаптевой. Их стойкость писатель сравнивает со стойкостью полыни, которая даже в снегу, в стужу и лютый мороз, когда «уже вроде бы все до капельки... должно было вымерзнуть», сохраняет неизменно свой терпкий, ничем не перебиваемый вкус и запах.

Повести и рассказы Виктора Тельпугова, проникнутые острым ощущением современности, выполняют многогранную и важную задачу — помогают духовному росту и идейной закалке нашего молодого человека, созидают коммунистического будущего.

А. БАСМАНОВ

СЧАСТЛИВАЯ СРЕДИ СЧАСТЛИВЫХ

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ,
секретарь правления Союза писателей Украины

История имеет свой отсчет времени: не на годы и не на столетия — на события, свершения, достижения. За долгую свою историю Украина была географическим понятием, была землей, народом, но никогда — государством, никогда — свободной, никогда — счастливой. Свободу и счастье, свою государственность обрела Украина в совместной борьбе с другими народами Страны Советов, сплоченными гением Ленина и созданной им большевистской партией. От Октября семнадцатого года мой народ, моя республика ведут отсчет нового времени.

Когда мы говорим о своих республиках, каждый старается найти самые ласковые определения: «родная», «золотая», «солнечная», «синеглазая», «песенная». Твоя земля, твой простор, твоё небо. Где-то расцветают прекрасные цветы, играет полярное сияние, гремят водопады, перекачивается горное эхо. Ты можешь понять людей, для которых все это так же дорого, как лицо родной матери. Но для тебя твоё — самое дорогое: и твои ветры, на которых победно развеваются красное знамя, и вечные жаворонки, которые пели еще скифским всадникам, и живые столбики сусликов, околдованных движением машин с пшеницей на степных шляхах, и вся эта тысячезвучная степь, и миллионлетний Днепр — река трех восточнославянских народов, река братства.

...Когда-то Украину представляли так: под тополями молодичи в цветастых хустках, на коленях у них глиняные полумиски, а в них пироги с вишнями и с мёдом. «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» Моря и горы, реки и степи, пшеница и свекла, яблоки в садах, золотые пчелы над липами, осетры и стерляди в водах, угри в волынских озерах, медведи и верпы в Карпатах, лебеди в тихом Дунае — все имелось в этой земле, но не давалось оно в руки простому человеку. Земля была суровой и простым людям, пока трудящийся человек не стал хозяином этой земли. Он стал им шестьдесят лет назад. Всего лишь шесть десятков лет, а сколько сделано!

И сколько злобного вражеского шипения слышал мой народ за это время да и поныне слышит из чужих подворотен, где ютятся недобитые «земляки» — буржуазные националисты. Были у них и свои «певцы», которые представляли Украину в образе пастушки и мечтали о том, чтобы возвратиться к Днепру и искупаться в крови этой пастушки за то, что она, мол, отдала власть хаму. Это значит на их языке — тем, кто сеет хлеб и ваит сталь.

Коротки руки!

...Мы с гордостью говорим о материально-технической базе социализма. Да и как не говорить? Даже на Украине, которая и до революции не считалась промышленно отсталой, индустриальное производство за годы Советской власти увеличилось в 90 раз. Ни-

не республика дает промышленной продукции в три раза больше, чем вся наша страна в 1940 году. За 60 лет на Украине построено и восстановлено 12 286 крупных (только крупных!) промышленных предприятий. Каждый день в республике вводится в строй одно предприятие, цех или комплекс, свыше тысячи квартир. На полях семи тысяч украинских колхозов и двух тысяч совхозов работают 384 тысячи тракторов и 88 тысяч зерноуборочных комбайнов. А как мечтал когда-то Ленин о ста тысячах тракторов для всей нашей огромной страны...

Да, велика индустриальная мощь Украины. И были у нас любители подсчитывать, во сколько раз больше производит Украина чугуна, стали, проката, чем такие-то и такие-то капиталистические государства, сколько добывает угля, железной руды, калийных солей, сколько дает пшеницы, сахара, подсолнечного масла сравнительно с самыми богатыми странами мира. Подсчитывая, забывали: разве эти богатства не общее достояние всех народов нашей страны? И разве не гордится Украина лесами и полями России, виноградниками Грузии, хлопком Узбекистана и Таджикистана, целинными землями Казахстана, нефтью Баку, машинами Урала и Поволжья, могучими БелАЗами, электронными машинами Армении, радиоаппаратурой Прибалтики, коврами Туркмении, садами Молдавии, горными пастбищами Киргизии... Мы видим в этом торжество дружбы народов, торжество ленинской национальной политики. Моя республика везде и во всем пожинает чудесные плоды этой политики. И в сфере материального производства и, что представляется мне очень важным, в области духа.

Что может быть выше, чем свободный человек на свободной земле? И в битву за эту свободу украинский народ шел плечом к плечу с народами-братьями своими.

На Украине, судьба которой и само будущее отстаивались на всех фронтах Великой Отечественной войны — от Белого моря до Черного, оккупантам суждено было узнать страшное для них слово «Ковпак». Ковпак — это не просто партизан, не знаменитый рейд, Ковпак — это не только человек из когорты прославленных партизанских командиров — имена их знает вся страна: Федоров, Наумов, Медведев, Збанацкий... Ковпак — это дух свободного народа, дух украинского советского народа, дух в стихах Тычины, как в «Земле» и «Щорсе» Довженко, как в космическом полете Поповича, как в работе харьковских ученых, расщепивших атомное ядро.

«Знаменосцы» — так назвал свою трилогию Олесь Гончар, принесящий эту книгу с суровых полей Великой Отечественной войны. Поистине народ мой, как и все народы Советского Союза, — знаменосцы духа новой жизни на планете...

Охотнее всего я бы говорил о том, какая великая литература создана в моей республике за годы Советской власти, как расцвели все искусства, как весь народ стал подлинным творцом. Говорил бы о школах, институтах, университетах, Академии наук, но не могу промолчать об украинском языке, о нашей певучей мове, которая и была и не была, жила в народе, но почти не имела выхода ни в книгах, ни в государственных делах, ни в широком мире. Впервые полнозвучно и полноправно зазвучал украинский язык лишь в годы Советской власти, разлился полноводно и могуче, как Днепр.

...Украинская земля, а на земле люди. Пятьдесят миллионов. И как много героев: прославленных, знаменитых, выдающихся.

А мне вспоминаются простые люди. Чаще всего те, среди которых родился и вырос, учился правде и влюбленности в землю, учился использовать величайший дар, отпущенный человеку: удивляться и радоваться.

Вспоминаются мне поля совхоза «Мариампольский» на Кировоградщине и два художника этих полей: директор совхоза Иван Гаврилович Мещанин и главный агроном Анатолий Гаврилович Лисица. Что и как они делают с землей, остается загадкой вот уже много лет для всех окружающих. Посевы в совхозе «Мариампольский» восхищают даже привыкших к красоте земли людей своей точностью и ровностью. Поля нарезаны такими правильными четырехугольниками, что по ним можно изучать геометрию Евклида. Черные пары — без единой бугорочки, и когда смотришь на них, то впечатление такое, будто агроном Лисица разминал руками каждый ломоть, каждый комочек, и теперь земля лежит пушистая, добрая, роскошная. Такой красоты, наверное, не найдешь на целой планете.

Вспоминается мне начальник цеха двухслойной стали Коммунарского металлургического завода Алексей Павлович Крыловский. Немного словный, во всем его облике ощущается высокое достоинство, доброта и мудрость. Все в цехе — воплощение его ума, труда, творчества. Производством уникальное, уникальна сварочная линия, автором которой является сам Крыловский. Он скромно отмахивается: «Что такое наша сталь? Это уже вчерашний день. Сегодня ученые дают материалы, которых природа вообще не знала».

Потом я узнаю, что Крыловскому делали операцию на сердце, и хирург поставил ему клапан, сконструированный самим же Крыловским! Настоящий человек должен уметь делать все.

Как говорит генеральный директор львовского производственного объединения «Электрон» Степан Остапович Петровский: «Кто хочет что-то сделать, находит средства,

кто не хочет ничего делать, находит отговорки». Именно на «Электроне» впервые полностью механизировали все трудоемкие работы, разработали выпуск продукции оптимального расчета, создали план социального развития коллектива и кодекс социальных норм и даже провели эксперимент для изучения возможностей делового человека. Сейчас каждые 19 секунд с конвейера «Электрона» сходит новый телевизор...

И о городах хотелось бы сказать. Древний Киев, возраст которого никак не определяют ученые: то ли полторы тысячи лет, то ли за две, как маленькой крымской Феодосии. Тысячелетний Чернигов, восьмисотлетний Полтава и Луцк, семисотлетний Львов, двухсотлетний Днепропетровск. Ставшие «миллионерами» за годы Советской власти Харьков, Донецк, Одесса, догоняющий их Кривой Рог. Еще, казалось, недавно бывший селом Каменским, сегодня полумиллионный Днепропетровск — родина Леонида Ильича Брежнева, неутомимый город металлургов, химиков, машиностроителей. Запорожье, Ворошиловград, Черкассы, Винница, Ужгород — сколько в каждом этом имени, как много в нем отзывается сегодня, а ведь история расцвета любого из украинских городов укладывается в последнее шестидесятилетие. Будем же удивляться этому расцвету и радоваться.

И будем радоваться всем тем огромным изменениям в нашей жизни, которые записаны в проекте Конституции СССР. Всем сердцем принял украинский народ этот высокий государственный документ. В нем нашли свое отражение главные завоевания советского народа за последние десятилетия. Эти завоевания не измерить ни в рублях, ни в тоннах. Они в создании нового, не имеющего себе подобного в мировой истории общества, в появлении такой великой общности людей, как советский народ. Они найдут свое отражение и в новой Конституции УССР. Для ее разработки создана Конституционная комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины В. В. Щербицким.

Новая Конституция СССР, проект которой так широко и всесторонне обсуждается «от Москвы до самых до окраин», будет самым лучшим подарком 60-летию Великого Октября. И если 1917 год открыл новую эру в истории человечества, то 1977 год, год создания новой Конституции СССР, станет одной из великих вех на пути народов к самому справедливому обществу — коммунистическому.

Украина идет в будущее среди республик-сестер. Равная среди равных. Счастливая среди счастливых.

по старым адресам

В 1967 году, когда наша страна отмечала полувековой юбилей Советской власти, корреспонденты «Огонька» совершили путешествие по Днепру. Их репортаж был опубликован в номере журнала, посвященном Советской Украине.

Минуло десять лет. И снова журналисты идут главным водным путем Украинской ССР. Вот репортаж об их путешествии.

**С. КАЛИНИЧЕВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

От устья Сожа до Херсона пересек Украину седой Днепр. Тысячелетиями катит он свои воды от припятских озер до Черного моря. Сейчас в бассейне Днепра живут семеро из каждой десяти жителей Украины. Так что если говорить об Украине, если искать главные приметы этой земли, то начинать надо с Днепра.

ЗАВЕРШАЮЩАЯ СТУПЕНЬ КАСКАДА

Солнечным летним утром зеркальные воды Днепра еще прикрыты полупрозрачной фатой тумана, которая вот-вот растает. Вот таким ранним утром наш теплоходик с истинно речным именем «Стрежень», отвалив от причальной стенки, взял курс на Канев.

— Практически через всю территорию республики корабли идут по днепровским морям, — рассказывал нам перед поездкой начальник Днепровского пароходства Борис Иосифович Кистанов. — От устья Припяти и до Каховки шесть плотин подпирают Днепр так, что суда из одного моря через шлюз попадают сразу в другое море. У нас в стране это первая река с завершающим гидроэнергетическим каскадом.

Обгоняя тяжелые баржи с кирпичом и щебенкой, с хлебом и заводским оборудованием, наш теплоход оставляет справа и слева многочисленные острова, заросшие ивняком и рикитами, с пологими песчаными пляжами и одинокими палатками рыбаков на них.

Кстати, в нынешнем году почти повсеместно на Днепре отменен запрет на ловлю рыбы. Какие-то внутренние ритмы жизни реки, нарушенные созданием морей, снова вошли в норму, выросли рыбные запасы, что и позволило отменить запрет.

Для того, кто давно не был на реке, многое покажется необычным. Еще несколько лет назад 600-тонные баржи СТ казались великанами. Самоходные, маневренные, они таскали за собой еще и безмоторные посудины. А ныне «эстетика» уже звучит панибратски. На морские просторы Днепра вышли само-

ходки типа «Запорожье», которые в паре с приставками тянут по четыре тысячи тонн груза.

За пристанью Ходоров Днепр упирается в синие горы Трахтемирова и, не будучи в силах прорваться на юг, обходит их, образуя излучину. Тут начинается черкасская земля, которую прославили такие возвращенные ею сыны и дочери, как поэт Шевченко и философ Скворода, полководец Черняховский и садовод Симиренко, «чемпион чемпионов» Поддубный и композитор Лысенко, свекловоды Гнатенко и Демченко, организаторы колхозного производства Дубковецкий и Буркацкая и многие, многие другие.

В честь тысяч героев, которые сложили головы за освобождение Черкащины, на берегу Днепра насыпан Холм Славы. Этот холм, для которого возили землю из всех районов области, зеленым шеломом виден с Днепра, когда подплываешь к Черкассам. Фигура Матери Родины, которая стоит на холме с чашей Вечного огня в высоко поднятой руке, стала основным силуэтом во внешнем облике города.

...На Каневском шлюзе нам повезло. Грациозно скользая, едва касаясь днищем воды, белым облаком вошел в него «Евгений Вучетич» — флагман Днепровского флота. Пятипалубный красавец длиной 125 метров заполнил собою всю ширину шлюза, вторая снизу палуба скользила на уровне парашюта. Со стороны могло показаться, что теплоход идет посуху. Я спрыгнул со стенки шлюза на палубу, и после объяснений с дежурным боцманом меня провели к капитану. Познакомились:

— Строгий, Николай Андреевич.
Он собран, сдержан и корректен, как и подобает капитану такого судна. На Днепре работает почти двадцать лет. Теплоходу, который он водит сейчас, дает самую высокую оценку:

— Несмотря на свои размеры, очень маневренный. Построено судно в ГДР, имеет самое современное навигационное оборудование, что позволяет нам выходить из устья Днепра и ходить по морю. Внутреннему убранству могут позавидовать самые комфортабельные гостилицы.

— Кого вы везете сейчас?
— На борту триста двадцать польских туристов.

— Каков маршрут?
— Из Киева идем в Одессу, с остановками во многих городах и на зеленых стоянках, где можно позагорать, искупаться. Весь путь занимает двенадцать дней. В Одессе нам предстоит взять на борт туристов из ГДР и повторить весь маршрут в обратном порядке, до Киева, где нас будут уже ожидать шведские туристы...

Начинался Канев. Справа оставалась могила Аркадия Гайдара и мемориальный музей, метровые кручи, покрытые курчавой зеленью, черепичные крыши старого города. А к Днепру выходил новый.

Бесконечной вереницей идут паломники на Тарасову гору, чтобы побывать в музее и поклониться праху великого кобзаря — Т. Г. Шевченко. Здесь звучит русская, украинская, литовская, казахская речь, можно услышать объяснения гидов на польском, английском, болгарском...

Великий Тарас навечно встал над любимым Днепром, который никогда еще не был столь полноводным. После ввода в строй Каневского шлюза — открытия прямого глубоководного пути от Чернобыля до устья — речники стали перевозить по Днепру миллионы тонн хлеба, угля, руды. Каждый год по нему проплывают до сорока миллионов пассажиров. Он стал поистине великим народным шляхом.

ОГОНЬ ПРОМЕТЕЯ

Гроза подступила внезапно. Над гладью Кременчугского водохранилища вдруг потянуло прохладой, зарыбила вода, невинная тучка на западе стала темнеть, расти, потом загрохотала черными космами, и грянули громовые раскаты.

Слева пошли поля гоголевской Полтавщины. Прибрежные села — это в основном переселенцы «со дна», то есть с тех мест, которые ныне затоплены морем. И смотрят они на новый Днепр современными домами, выходят к нему просторными, ровными улицами, кудрявятся зеленью роскошных садов, выросших уже после переселения.

Оставив за кормой Светловодск, наш «Стрежень» входит в шлюз и сразу теряется в его громаде. Медленно растворяются нижние ворота, и мы выплываем на простор Днепродзержинского водохранилища.

Необходимо пояснить, что все пять днепровских водохранилищ, построенные после войны, в обиходе именуют морями. И только одно, довоенное, поднятое плотинами Днепротэса, называют озером имени Ленина.

Проходим мимо Кременчуга с его правобережным районом Крюковом, имя которого начертано на многих железнодорожных вагонах: «Построен в Крюкове». Известен Кременчуг своими большегрузными автомобилями, а также выросшими в последние годы гигантами нефтехимии.

Неподалеку от Кременчуга находится и один из самых молодых приднепровских городов — Комсомольск. Своим рождением он обязан тому, что на берегу Днепра геологи нашли залежи железной руды. Здесь своя гавань, свой порт, который в недалеком будущем станет одним из самых бойких мест на реке.

— Наш Днепровский горно-обогатительный комбинат начал действовать в семьдесят первом году, — рассказывает секретарь парткома ДГОКа Владимир Федорович Кубиков. — Уже в нынешнем году мы перерабатываем двадцать четыре миллиона тонн руды, а в будущем — в полтора раза больше.

Владимир Федорович — человек обычной и в чем-то необычной судьбы. Он всего несколько месяцев назад возглавил партком. На комбинате — с начала строительства. Шесть лет работал шофером, водил тяжелый самосвал, учился, стал инженером-строителем, был мастером, прорабом... Он предположил нам посмотреть карьер — рукотворное чудо, из которого ежегодно будут черпать десятки миллионов тонн руды.

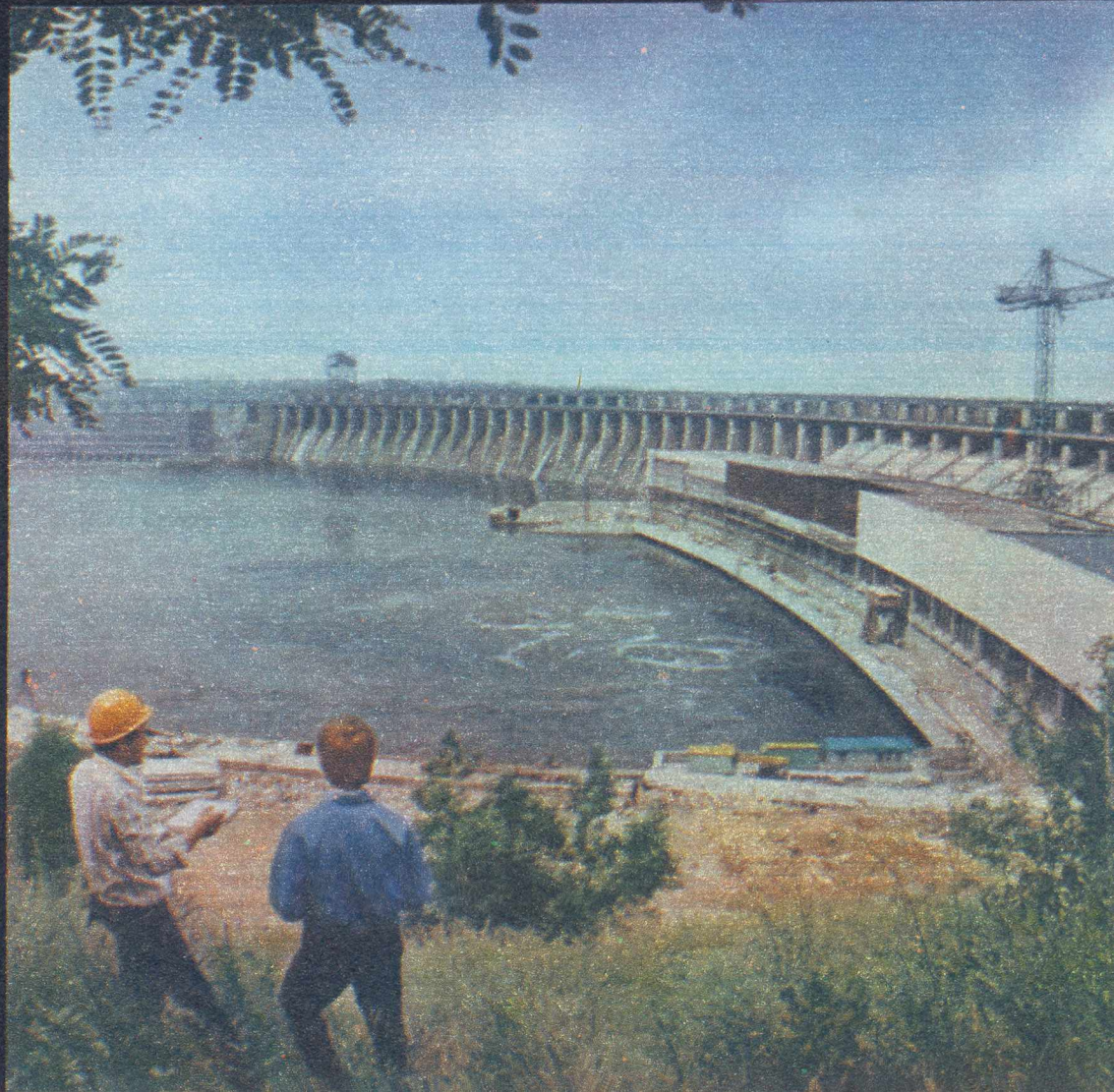
Еще издали мы увидели гряды свеженасыпанной скальной породы, под которыми оранжевыми букашками ползали экскаваторы.

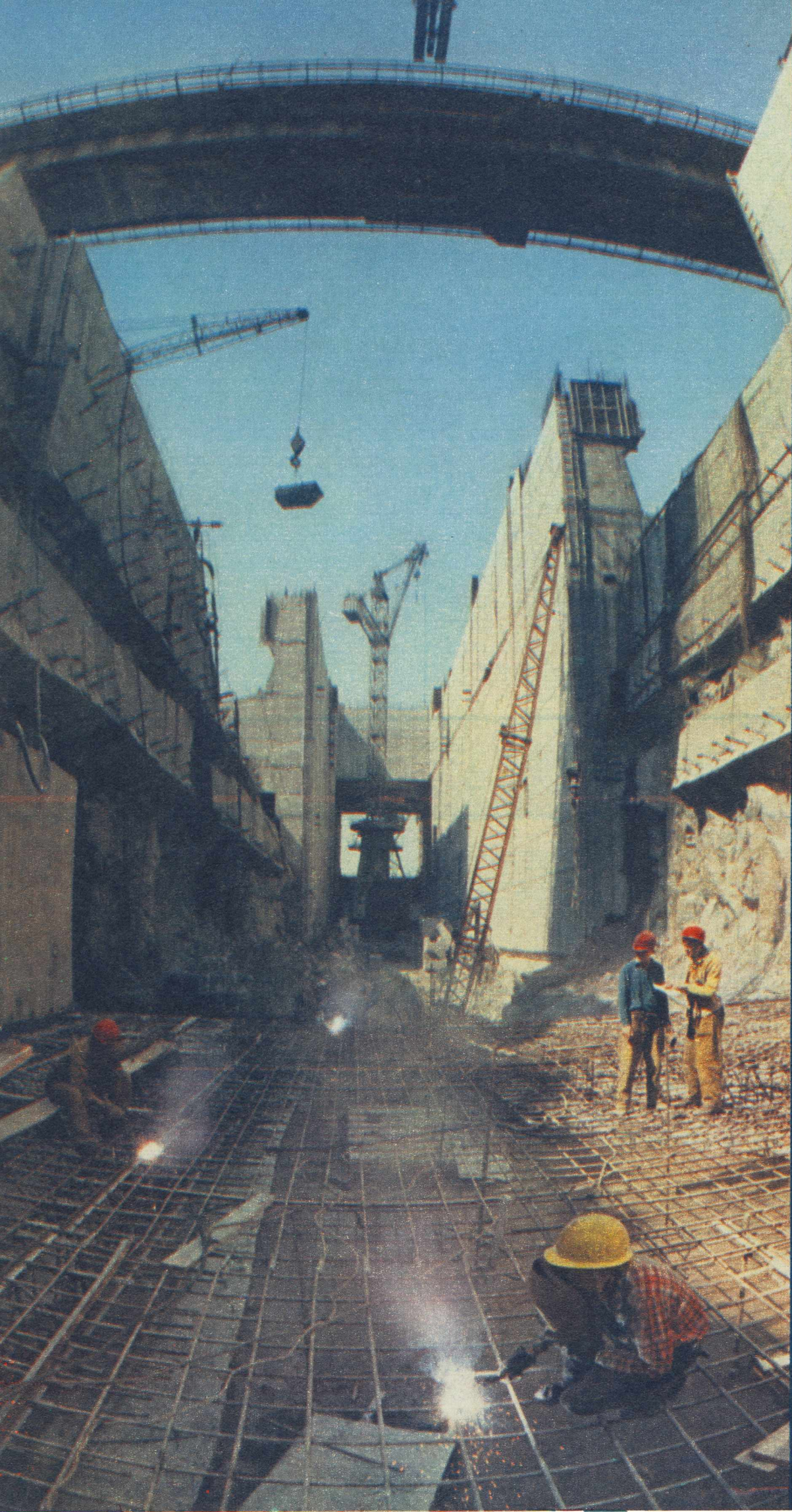
Мы подъехали к краю обрыва. Карьер уходил вниз широкими уступами, по которым выползали 25-тонные грузовики. Его противоположная сторона, отлично видная, казалась

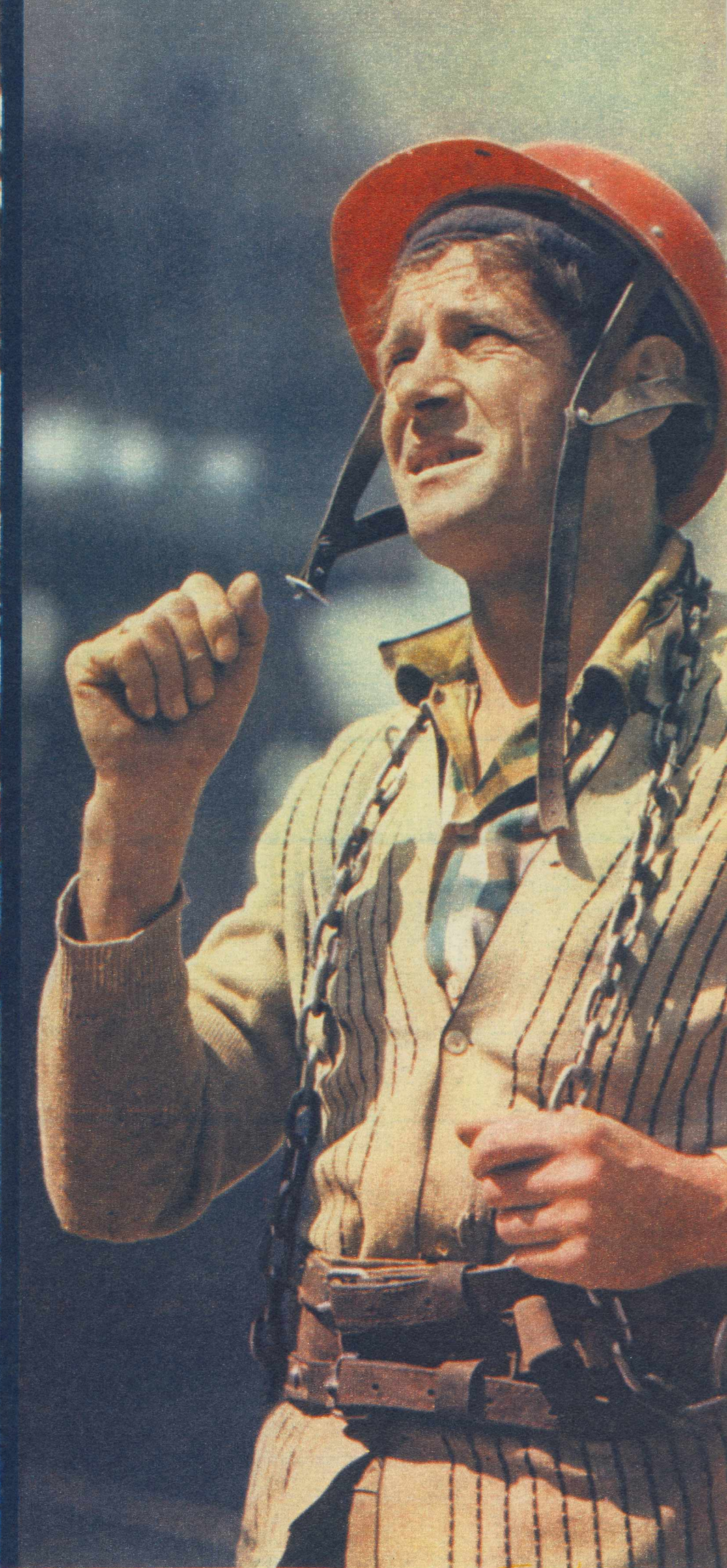
Вязальщица Светлана Коробко. Днепрпетровское трикотажное объединение «Днепрянка» * Херсон — порт речной и морской. * Днепротэс.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Строится новый Запорожский шлюз. * В цехе сдачи автомобилей завода «Коммунар». * Бригадир монтажников Днепростроя Николай Вупуста.

ГЛАВНЫЙ ШЛЯХ УКРАИНЫ

миражем, оптическим обманом. Она была перед глазами, но ползущие по ее уступам сверхтяжелые грузовики казались игрушечными, даже их рев не долетал сюда.

...Вот и еще одно водохранилище осталось за кормой. Но не башни шлюза или корпуса электростанции определяют тут контуры пейзажа, а огни Дзержинки, трубы химического комбината и коксохима. В Днепродзержинске живет одна тысячная часть населения нашей страны, но здесь выплавляют пять процентов советского чугуна. Из тридцати промышленных предприятий города пять — крупнейшие, построенные по плану индустриализации страны в тридцатые годы.

Этот город — родина дважды Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Леонида Ильича Брежнева. Здесь мужал его талант инженера, руководителя, вожака коммунистов.

Определяющая черта сегодняшней жизни Днепродзержинска — его обновление. Реконструируются заводы, строятся стадионы, больницы, днепровское побережье отдано спортивно-оздоровительным лагерям, которых тут около сотни. Но что больше всего впечатляет — новый город на левобережье.

— Многие не верили в успех такого грандиозного плана, — рассказывает председатель горисполкома Николай Михайлович Ктитарев. — Боязно было подумать: перенести такой город через такую реку. Но в этом заключалась единственная возможность отделить жилье от промышленной зоны. Вот и решили все новые дома возводить на левом берегу.

Николай Михайлович вспоминает, как после заселения первых на левом берегу домов в городе появились объявления: новые квартиры предлагали в обмен на меньшие, но в старом городе. Одно из таких объявлений он сорвал и принес в местный музей.

— Сохраните. Я надеюсь дожить до того времени, когда большую квартиру в старом городе будут предлагать в обмен на меньшую, но на левом берегу.

— И как ваши надежды? — спросил я.

— Уже оправдались. И года ждать не пришлось.

...Вся большая излучина Днепра от Светловоска до Никополя — это цепь индустриальных центров, о которых на одном дыхании не рассказать. Крупнейший из них — Днепропетровск.

О новостройках Днепропетровска, о его предприятиях много рассказывалось в связи с 200-летием, которое отметил город в прошлом году. Но о двух обновлениях этого крупнейшего культурного и научного центра Украины не упомянуть невозможно. Это богатейший краеведческий музей, в котором вся экспозиция оформлена по единому научно-художественному замыслу, и Государственный театр оперы и балета.

...От Днепропетровска суда идут уже по озеру имени Ленина. Самое глубокое из днепровских водохранилищ. Именно его воды, поднятые на сорок метров, прикрывают знаменитые пороги.

Плотину Днепрогэса надо видеть. Ее красота, ее неповторимые линии поражают воображение. Она не кажется большой. Только увидев однажды причаливший к зданию электростанции теплоход, который выглядел подле плотины как детский кораблик рядом с нормальным домом, я смог представить размеры этого сооружения.

Весь персонал Днепрогэса, куда входят и первая и вторая станции, от директора до нянечки в детсаду, включая ремонтников и штат лабораторий, ведущих наблюдения за плотинами, за турбинами, за трансформаторным хозяйством и т. п., — около трехсот человек.

На Днепрострое ковались кадры для Магнитки, Кузбасса, создавались методы индустриального строительства, здесь родилась первая в Союзе Южная система энергоснабжения — в то время крупнейшая в мире, начало ны-

нешних электрогалактик. Почти все наши крупнейшие гидростроители прошли школу Днепропостроя.

В нынешнем году дважды орденосный коллектив Днепропостроя отмечает свое 50-летие. За его плечами почти все крупнейшие стройки на Днепре: Каховский гидроузел, Каневская, Днепродзержинская ГЭС, многие заводы в Запорожье и других приднепровских городах. Есть и одна небольшая, но почетная строка в их послужном списке: высокая лестница, ведущая на днепровские кручи, к могиле Шевченко.

Сейчас в Запорожье заканчивается строительство нового шлюза. С пуском его значительно возрастут перевозки на судах типа река — море. Когда стоишь в этом шлюзе, вырубленном в гранитной скале, и смотришь вверх на монтажников, порхающих воробьями по хитросплетениям конструкций, не верится, что все это сделано руками человеческими.

А вот этим рукам, рукам Анатолия Лысенко и его бригады, принадлежит непревзойденный мировой рекорд укладки бетона — 444,5 кубометра за смену вчетвером!

...Ему тридцать пять лет. Суховат. Черные волосы прилипли ко лбу: жарится, а работать приходится в каске. Он строил несколько электростанций на Украине и в Белоруссии. Уже здесь его бригады дважды делили, забирала лучших людей для создания новых бригад. Так что строитель он авторитетный.

— На такой машине и людей почти не видно, — качает он головой. — Другие принципы работы. На стройке сейчас отнюдь не затишье. Пусковой период! Обязались на два года раньше намеченного срока пропустить через шлюз первый корабль.

И мне почему-то вспомнился интересный памятник на главной улице Днепродзержинска. Это колонна, увенчанная статуей раскованного Прометея, установлена в 1923 году в честь свободы, завоеванной трудящимися. Ленинский Днепрогэс — это тоже Прометей, но уже не только символ. Это живая сила современных гигантов индустрии.

НАСУЩНЫЙ И ЗАВТРАШНИЙ

Через Каховское море мы шли вечером. Слева высились трубы Энергодара, где совсем недавно построена Запорожская ГРЭС — одна из мощнейших электростанций.

В море неподалеку от ГРЭС покачивались на волнах... ажурные стальные вышки. Оказывалось, это на плаву собирают высотные опоры линий электропередач. Потом их отбуксируют на место, опустят на заранее подготовленные фундаменты, и высоковольтная ЛЭП зашагает через море.

Это может показаться странным, но есть еще люди, которые при упоминании о днепровских водохранилищах пожимают плечами и риторически спрашивают:

— Нужно ли столько воды? Кому понадобилось море, которые породили еще и море проблем?

Увы, много решения и не могло быть. За последние сорок лет забор воды из Днепра — на питье, полив, на хозяйственные нужды — возрос в 30 раз. Так что если бы однажды плотины исчезли, мы за короткое время выпили бы Днепр до дна. Он бы оживал только весной или после хороших ливней. Но потребление днепровской воды будет не сокращаться, а из года в год расти. На очереди сооружение Киевской ТЭЦ-6, Чигиринской тепловой, двух атомных электростанций, многих заводов и фабрик. Продолжают бурно развиваться десятки приднепровских городов. И все, как говорится, хотя бы. Но, кроме того, Днепр уже давно вышел за пределы собственного бассейна. Действует Северо-Крымский канал со всеми его оросительными системами, полным ходом идет сооружение канала Днепр — Донбасс. Наиболее грандиозным сооружением станет Каховская оросительная система.

В Каховку мы пришли в субботний день. На одной из улиц разыскали контуры местного треста совхозов. Его директор Леонид Петрович Горб как раз собирался ехать в совхоз «Красный Перекоп». Так мы попали с корабля на «газик».

И полетела под колеса херсонская степь, та самая, где высокие травы и много древних курганов, где навсегда остался в песне «матрос Железняк-партизан», который на самом деле был смертельно ранен в Верховцеве, Днепропетровской области, и похоронен в Москве. Но все же хочется верить песне. И, приглядываясь к степи, невольно ищешь глазами какие-то приметы тех легендарных событий. И вдруг, мелькнув в просветах придорожной посадки, навстречу машине рванулась по степи буденновская тачанка. Грандиозный памятник реет над высоким курганом. Храпят черные кони, спицы колес слились в один сплошной круг. Развевается на тонком древке знамя. Летит над степью тачанка, и не видны детали: нет возжей, нет постромок и шлей — только черные кони, да суровый командир, да пулеметчик, да лихой парень-ездовой.

Неподалеку отсюда берет свое начало магистральный канал Каховской оросительной системы. Головная насосная станция расположилась в уютной долине меж зелеными холмами, которые подступили к самому берегу моря. Здание станции наполовину спрятано под землю. Так что с первого этажа лифт может доставить вас на седьмой — вверх или на седьмой — вниз. Там, ниже уровня моря, стоят мощные насосы и гонят воду по трубам диаметром 3,6 метра.

— Что вам дает оросительная система? — спросил я у Леонида Петровича.

— Уже сейчас в нашем районе водами Днепра орошаются двадцать восемь тысяч гектаров земли. Скоро получим еще десять тысяч, ведь система только строится. В десять раз больше получит область. А вообще скоро увидите.

Мы поднялись от насосной станции к каналу, и перед нами открылась голубая магистраль, по которой могли бы свободно ходить большие корабли, не будь на ее пути стольких тоннелей, мостов и плотин.

В каховской степи мы видели хлеб насущный, нынешний, который к тому дню, когда выйдет этот номер журнала, будет уже лежать на столе свежеспеченным караваем или манной нашей для младенца. А тот хлеб, который станут выращивать и убирать в недалеком будущем, нам показали в Херсоне.

— Хотите увидеть пшеницу, которая дает шестьсот — семьсот пудов с гектара? — спросил у меня Александр Алексеевич Собко, директор Украинского научно-исследовательского института орошаемого земледелия.

И вот мы у стены хлебов, над которыми то справа, то слева, то где-то на горизонте распростирали свои стометровые крылья поливочные агрегаты.

— Это контрольное поле, — пояснял Александр Алексеевич. — Хорошая пшеница. Центнеров пятьдесят дает с гектара. Но видите, сколько ее полегло? Мы кормим и поим колос, он тучнеет, а стебель не выдерживает его тяжести.

А потом нашему взору предстало нечто необычное. Вдоль дороги, начинаясь от нее и уходя вдаль, тянулись полосы янтарного цвета. Это было похоже и непохоже на пшеницу. Колосья стояли так плотно друг к другу, как кукурузные зерна в початке. Стояли низко, не выше колена. Щетка, а не поле.

— Сто центнеров с гектара — как минимум, — сказал Собко, уловив выражение растерянности на моем лице. — В обычной пшенице колос составляет одиннадцатую-двенадцатую часть всей длины стебля. А здесь — четвертую-пятую. Зачем соки земли перегонять в соломку? Она должна быть короткой и толстой — прочной подставкой для колоса.

И он стал рассказывать, какой хлеб мы будем выращивать через несколько лет, когда семена этих пшениц и тех, которые выхаживают сейчас другие селекционеры, пройдут сортоиспытания, будут размножены в семеноводческих хозяйствах, когда вступят в строй десятки новых оросительных систем в нашей стране.

Любопытно, что рассказывал-то он о растениях, а говорил так, как о фабричных изделиях: вот, мол, столько-то и таких-то удобрений, в такие-то сроки полив, и, как результат, получаем заранее выведенную урожайность. А когда я заметил, что «небесная канцелярия» тоже не дремлет и вносит свои коррективы, он горячо сказал:

— Но мы уже это делаем!

И показал деланки, у которых с весны стоят таблички с заранее спланированной урожайностью — 60, 70 или 80 центнеров с гектара.

Об Александре Алексеевиче Собко в Херсоне многое могут рассказать. Окончив перед войной сельхозтехникум, он пошел служить на флот. С первого до последнего дня защищал Севастополь, потом воевал в морской пехоте, прошел с боями от Кавказа до Берлина, штурмовал рейхсканцелярию. А после войны моряка снова потянуло к земле. («К воде» — как сказал он однажды, имея в виду то, что институт занимается поливным земледелием.) Вот уже пятнадцать лет руководит А. А. Собко этим институтом. И как можно было убедиться, слов на ветер не бросает.

Мы не случайно завершаем свое путешествие рассказом о хлебе. С ним связано самое, пожалуй, яркое впечатление во всей поездке по Днепру. Когда мы беседовали с Собко, на пшеничное поле спикировала стайка воробьев. Один из них уселся на колос пшеницы, и колос этот не согнулся. Воробью неудобно было сидеть, он трепыхался, удерживаясь лапками за безостые зерна, а колос только слегка раскачивался.

Днепропетровск. У нового театра оперы и балета. * Пульт управления Днепродзержинским шлюзом.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Билет на варшавский поезд в вагон первого класса передал Савинкову член боевой организации социалистов-революционеров «Адмирал» в Москве, на конспиративной квартире, в доме при церкви святого Николая, на Пыжах, в Пятницкой части.

Проснулся Савинков за два часа до прибытия поезда в варшавский «двожец глухих», спросил у проводника рюмку водки, икры и сказал подогреть калач так, чтобы хрустел. Когда проводник накрыл на стол, Савинков дал ему золотой и предупредил, что водки, видимо, выпьет еще — всю дорогу бил озноб, и не оттого, что простудился, а в ожидании дела, ради которого ехал на родину, туда, где прошли детство и юность.

Последние месяцы были тяжелы, невыразимо тяжелы. Партия была накануне раскола, полиция начала — через своего сотрудника Татарова, которого и ехал убить Савинков, — провокацию против совести эсеров, создателя боевой организации Евно Фишелевича Азефа, обвиняя его в сотрудничестве с департаментом полиции. Савинков боготворил Азефа, считая его подвижником революционной идеи, ему была сладостна манера Евно: ленивая всевластность, щедрость, фатализм. Тут же вспомнил свою недавнюю стычку с Азефом: они тогда жили в Гельсингфорсе, готовили террор против московского генерал-губернатора Дубасова. Бомбы собирали Валентина Попова и Рашель Лурье. Попова ждала ребенка. Савинков был против того, чтобы она ехала в Москву.

— Вздор, мой дорогой, сущий вздор, — лениво растягивая гласные, ответил Азеф. — Какое тебе дело — брюхата или нет? Она взяла на себя ответственность, вступила в боевую организацию — надо пить чашу до дна.

— Мы отвечаем не только за нее, — возразил тогда Савинков, — она деталь операции, мы ставим под угрозу дело. Она в особом положении, она не может до конца контролировать себя. Мы не вправе быть жестокими к своим...

— Сантименты, — отрезал Азеф. — Не играй рыцаря — мы делаем кровавое дело, сообщая делаем кровавое дело во имя той женщины в белом, имя которой революция...

Савинков порой возмущался Азефом, но по прошествии минут или часов убеждался в суровой его правоте: коли уж начал — иди до конца, отбросив привычные нормы морали, испепелив себя вседозволенностью, приняв бремя вандальской, устрашающей жестокости.

На съезде партии, который собрался в Иматре, в гостинице «Турист», принадлежавшей «симпатичу» Уго Серениусу, Азеф был подавлен, мрачен, грозился уйти из террора, если партия всем своим коллектив-

11 сентября 1977 года исполняется 100 лет со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского, пламенного революционера-ленинца, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

В девятнадцать лет Феликс Дзержинский становится профессиональным революционером. С молодости познавший царские тюрьмы и ссылки, преследовавшийся вплоть до победоносного Октября 1917 года самодержавием и охранкой Временного правительства, Дзержинский отдал без остатка все силы ума и сердца, всю свою жизнь строительству государства рабочих и крестьян. Гражданская война, интервенция, голод, разруха, саботаж и прямые диверсии контрреволюционного отребья — такова была обстановка первых послереволюционных лет. И партия ставит Ф. Э. Дзержинского на ответственные участки государственного и партийного строительства.

В декабре 1917 года он назначается председателем ВЧК. Оставаясь на этом посту, бессменный член ЦК, затем кандидат в члены Политбюро ЦК партии, «железный Феликс» в 1920 году возглавил Главком по всеобщей трудовой повинности, затем назначается начальником тыла Юго-Западного фронта, с 1921 года он председатель комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей, позже нарком путей сообщения, председатель ВСНХ. И на всех постах ярко проявлялись выдающиеся личные качества Ф. Дзержинского — талант организатора масс, поразительная работоспособность, кристальная честность и преданность идеям революции.

Писатель Юлиан Семенов завершил работу над второй книгой романа «Горение», посвященного жизни и борьбе легендарного рыцаря революции. События второй книги романа, относящиеся к 1905—1906 годам, изображают исторический поворот в судьбах русских и польских революционеров, объединившихся на IV съезде РСДРП в Стокгольме. Именно тогда Ф. Э. Дзержинский впервые начал работать под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина.

Предлагаем вниманию читателей (с небольшими сокращениями) вторую книгу романа Ю. Семенова «Горение».

ным авторитетом не очистит его имя от возмутительного подозрения в связях с охранкой.

Савинков трижды говорил с членами ЦК Черновым, Натансоном и Ракитниковым — те санкционировали полную свободу действий, не дожидаясь даже возвращения из-за границы члена ЦК Баха, который закупал партию химикатов для бомбистов. Все полагали, что уход Азефа из террора невозможен, особенно на этом этапе.

Савинков, посещая митинги, с юмором слушал социал-демократов, которые говорили о необходимости вооруженного восстания, о разъяренной работе в войсках, о том, что террор — отжившая форма борьбы, которая в нынешних условиях куда как более выгодна царизму, пугающему массы «злодейством» революционеров. Савинков не считал нужным заниматься вопросами подготовки восстания; «толпа бессильна: было, лишнее организации и единой воли; именно террор — та форма, которая не может не породить всеобщий страх, а страх самопожирания».

Азеф настаивал, чтобы Савинков тем не менее вошел в сношения с социал-демократами.

— Я не хочу говорить с математиками от революции, — отвечал Савинков. — Они верят в слово, я — в бомбу.

— Ты член партии, мой помощник по террору, я удивлен, что ты смеешь обсуждать приказ ЦК, — протянул Азеф. — Партия, ЦК, я — мы должны знать все обо всех, чтобы выступить в решающий момент, отдавая себе отчет в том, кто есть кто, будь то кадеты или эсдеки. Важно, за кем пойдут.

— Евно, ты ставишь меня в трудное положение, — ответил тогда Савинков, — я не могу не подчиниться решению ЦК. И твой приказ для меня абсолютен. Но неужели ты серьезно думаешь, что толпа может что-либо? Декабрь на Пресне — это же крах утопии о вооруженном народе! Пятьсот мастеровых с наганами понастроили баррикад и возомнили себя парижскими коммунарами...

Азеф пожал плечами.

— Если бы наши товарищи из путилевской организации смогли взорвать железнодорожный мост и семеновцы остались в Питере, я не знаю, как бы Дубасов удержал Москву, Борис... Кто предал наших путилевцев? Вот что меня мучит... Какое падение, какая страшная грязь — отдавать товарищей палачам...

...Отдал охранке путилевцев-эсеров он, Азеф. Положение было критическим, в департаменте сказали: «Пусть взорвут любого генерала, но эшелон семеновцев должен пройти в Москву, Евгений Филиппович». («Фишелевичем» в нос не тыкали, падали). Азеф потребовал за эту отдачу три тысячи рублей: «Слишком рискованно, всем известно, что подготовительную работу вел я, придется оплачивать комбинацию». (Ком-

бинация-то была вздорной: дал своим приказ, обговорил время, снабдил динамитом, поцеловал исполнителей, пообещал, что революция запишет их имена на скрижали, потом поехал в отдельный кабинет ресторана «Метрополь», что держал постоянно, позвонил дежурному ротмистру по железнодорожной жандармерии, бабьим голосом сообщил, что на двадцать седьмом километре бомбисты станут взрывать путь и валить мост в двадцать два по нулям. Немедленно был отправлен конный отряд. Исполнители чудом избежали ареста. Проскочили семеновцы, залили Пресню кровью.)

На съезде в Иматре Азеф потребовал полной, исчерпывающей определенности:

— Надо утвердить стратегию партии раз и навсегда... Мне надоело брать на себя всю ответственность. Конспирация или легальность? Террор или агитация? Пусть решит ЦК.

Анненский и Пешехонов выступили с декларацией:

— Сейчас необходимо выступление открытой политической партии. Мы опаздываем, мы отдаем инициативу социал-демократам. Созидательная работа по плечу массе, лишь разрушительным акциям террора угодны конспираторские группы. Кто погрязнет в кружковщине, тот обречен на отставание от революции: хотим мы того или нет, но следует признать правоту большевистской фракции эсдеков в этом вопросе.

Их поддержал Мякотин:

— Мы оказались без связей с массой, мы ничего не знали о настроениях заводских накануне всеобщей стачки, мы были в стороне от декабрьского восстания на Пресне. Партия не имеет права угадывать настроение людей, она обязана настроению знать. Только опираясь на массы, мы можем стать партией общегосударственной, сейчас мы келейные революционеры.

Азеф начал издевательски громко аплодировать, выкрикивая:

— Спасибо, Мякотин, большое спасибо за оценку нашей борьбы!

На трибуну поднялся бледный от волнения Виктор Чернов:

— Мы работаем во имя будущего, именно поэтому мы живем в условиях конспирации и кружка, где двое знают третьего —

не более того! Вы киваете на большевиков! Прекрасный пример: на кого сейчас обрушились репрессии царизма? На Ленина в первую очередь! И он снова будет вынужден увести своих сторонников в подполье! Выступавшие товарищи ходили вокруг и около основного вопроса, но поставить его отчего-то не решились — это вопрос о терроре! Можем ли мы отказаться от террора и выйти из подполья? Нет. Не можем. Что мы напишем в нашей партийной программе? Создавать две партии? Одну тайную, другую легальную? Значит, раскол? Вы говорите: «Будущее за массой». Да, верно! Но к этому будущему надо идти сквозь ущелье, под огнем врага! Строим ущелье не пройдем — только перебежками, только мелкими группами, только надежно замаскировавшись!

Натансон внес резолюцию:

— Мы стремимся к выходу на арену широкой политической борьбы, но сегодняшний момент тем не менее не позволяет нам этого, поэтому партия и впредь должна строиться на основах конспирации: главным оружием нашей борьбы по-прежнему будет террор.

Мякотин и Пешехонов возражали.

Савинков тогда сказал Азефу:

— Мы на грани раскола. Только открытая агитация может дать искомый результат — массовость; только заговор может обеспечить тягу масс к общественному взрыву. Этот замкнутый круг нерасторжим, Евно, мы обречены на раскол.

— Ну и что? — Азеф зевнул, почесал грудь, расстегнув перламутровую пуговицу на тугий, голландского полотна рубашке. — Чего ты боишься? Слунтяи хотят говорить, а мы, боевая организация, верим в террор и только в террор, ибо испуганный враг готов пойти на уступки, лишь бы мы смягчили накал борьбы. Слова не испугаются так, как испугаются бомбы, упакованной в коробку из-под конфет. Ты что, серьезно веришь в вооруженное восстание?

— Нет, ты же знаешь мою точку зрения.

— Отчего идете в террор?

Мария Аркадьевна Беневская, дочь полковника генерального штаба, приблизила свое красивое, мягкое лицо к узким, льдистым глазам Савинкова:

— Борис Викторович, неужели не помните: «Кто хочет душу свою спасти — погубит ее, а кто погубит душу свою ради Меня — тот спасет ее». Христос о душе страдал — не о жизни, которая суетна...

— Но вы увидите, как разбрызгивается на кровавые огрызки тело человека, в которого брошена бомба, Машенька, вас обдаст дымом, и на лице вашем будут теплые куски мяса, — ищущие заглядывая в глаза Беневской, продолжал Савинков. — Готовы ли вы к тому, чтобы ощутить губами сытный запах чужой крови?

Беневская долго молчала, глядя сквозь Савинкова, потом сделала белую, закрыла лицо квадратными маленькими ладонями, прошептала:

— Не жизнь погубить страшно, Борис Викторович, душу... Это же Он говорил, Он — не я.

...Федор Назаров смотрел на Савинкова немигающими, прозрачными глазами и отвечал как-то механически, однотонно:

— Народ — это толпа, а коли так, зачем нам обманываться по поводу ее качества. Я видел, как сегодня людишки шли под красным флагом, а завтра — пойдут под трехцветным, а лицами — и те и другие — похожи, и одеждой одинаковы... Словами играем, Борис Викторович, играем словесами: «униженные, оскорбленные, голодные». Кто смел, тот и съел. Я лишен чувства христианской жалостливости, я не Марья Аркадьевна... Я ненавижу сильных, которые власть держат...

— Но это ж анархизм, Федор.

— Ну и что?

— Мы партия социалистов-революционеров, у нас своя программа.

— Наша программа — бомба. У анархистов — кинжал. Что, велика разница?

Савинков понимал, что Назаров не сознает ни идеи партии, ни ее конечных задач, но был убежден: Федор пойдет на все, вы-

были проведены, план разработан, Савинков вернулся в Финляндию. Азеф был хмур, чесался почти непрерывно, смотрел тускло, много пил:

— Я устал, Борис. Я больше не могу. Я отойду от террора. Все вздор. Все наши акты ни к чему не приводят, а я не могу работать впустую, тем более когда...

Он недоговорил — Савинков все понял и так: товарища угнетала гадкая клевета Татарова.

— Евно, без тебя нет боевой организации. Ты наша совесть, ты создал самое идею террора. Если ты отойдешь, все будет кончено... А в Варшаву я выезжаю послезавтра. Вернусь — мы должны казнить Дубасова и Витте, Евно, мы обязаны это сделать...

Федор Назаров отпирался в Варшаву первым. Он нанял квартиру из трех комнат на имя супругов Кремер: по этим паспортам работали Беневская и Моисеенко. Следом за ним прибыли Калашников и Двойников — группа прикрытия. Ждали Савинкова. Встреча была назначена на сегодня, в ресторане Бокс.

...Беневская потянулась к Савинкову — лицо осунулось, под глазами синяки, морщинки залегли в уголках прекрасного — словно чайка сложила крылья — рта.

— Мы нашли Татарова, Борис Викторович, — сказала она, трудно разлепив губы. — Он живет у отца, протоиерея униатской церкви, возле Грибной, он очень высокого роста, с добрым лицом, постоянно щурится, будто солнце режет ему глаза... Кто он?

Савинков поманил официанта, заказал Беневской взбитых сливок с черносмородиновым муссом, себе и Моисеенко попросил турецкого кофе с бенедиктином, только после этого ответил:

— Татаров — провокатор охраны. Ему вынесен смертный приговор. Убить его должны вы.

— Я? — ужаснулась Беневская.

— Ты, — тихо ответил Савинков. — Именно ты.

— Но...

Р е н н е

— Так разве мы можем отвлекать силы от террора? Разве можем мы распыляться? Мы должны держать боевую организацию в кулаке, мы не вправе расходовать наши резервы на утопии от революции...

Пешехонов, Мякотин и Анненский вышли из партии. Прошла резолюция Чернова и Натансона. Главной задачей партии был утвержден террор, надежды на вооруженное восстание признали нереальными, агитацию в массе недейственной. Точка зрения Азефа победила, хотя он не выступил ни разу — за него говорили другие. Савинков при голосовании воздержался: голосовал лишь единожды — во время выборов ЦК. Азеф прошел единогласно. Против Савинкова было подано семь голосов, утвердили кандидатом, на случай замены, если будет арестован один из руководителей. Более всего боялись за Азефа — «грозу царизма».

На ужине, который устроили члены новоизбранного ЦК, было условлено, что казнь провокатора охраны Татарова, который осмелился клеветать на Азефа, проведет лично Савинков.

Назавтра Савинков уехал беседовать с членами группы активного террора — Федором Назаровым, Абрамом Гоцем, «Адмиралом», Марией Беневской и Моисеенко.

Вопрос, который Савинков задавал боевикам, был одним и тем же:

полнит любой приказ, не раздумывая, без колебаний, а попадет в тюрьму — слова не скажет, ибо ненависть, клокопавшая в нем, была испепеляющей, слепой.

— Вы отчего пришли в нашу организацию, Федор? Почему именно в нашу, а не иную, не к максималистам, например?

— Не знаю. Меня не интересовало, к кому идти, Борис Викторович. Я не мог не бороться против тех, кто ездит в каретах...

— Но я тоже езжу в каретах.

Федор как-то странно мотнул головой: — Конспирация...

Вдруг он улыбнулся, и Савинков испугался этой его внезапной, быстрой, по-детски растерянной улыбки. Потом понял: заиграла музыкальная машина, матчиш какой-то бравурный заиграла, и Назаров доверчиво обрадовался этой тайне. Они сидели тогда в тихом ресторанчике «Волна», что в Каретном ряду, пили пиво, опавшее льняной пеной по высоким, пузырчатым кружкам, и ждали ростовских раков. Федор надолго замолчал, внезапно прерывал молчание, продолжал свое: «Всех — бомбой! Нет на свете правды, счастья нет — одна юдоль, грех, скотинство. Человек терпелив от рождения, слаб, труслив, дела бжеит. Кто-то должен подталкивать людишек, будоражить их, дражнить».

...Когда беседы с участниками группы

— Ты хочешь спросить меня, уверен ли я, что он провокатор?

— Да.

— Ты именно это хотела спросить?

— Да.

— Ты в этом убеждена?

— Да...

— Не надо лгать. Мне — можно, себе — нет резону. Ты же хотела спросить меня о другом, Мария. Ты хотела спросить: «А почему я?»

Беневская откинулась на спинку стула, провела своей квадратной ладонью по лицу.

— Вы правы.

— Вот видишь... А в том, что Татаров — провокатор, убеждены все члены ЦК. Ему приговор не я один вынес — ЦК... Казнить будем на квартире, где остановились вы. Скорее всего — удар ножом. В горло: это наверняка. Стрелять рискованно, в городе много солдат... Ты готова к тому, чтобы ударить человека, который постоянно щурится, будто солнце слепит ему глаза, острым, тонким ножом в то место шеи, где пульсирует синяя жилка артерии, Мария?

Моисеенко положил руку на плечо Беневской, посмотрел на Савинкова осуждающе.

— Ты не готова к этому, Мария, — слово ничего не заметив продолжал Савин-

ков. — И ты не готов, Моисеенко. Уезжайте в Москву и ждите там меня. Вы не готовы к террору по-настоящему: эта казнь должна прозвучать так, чтобы ужаснулась не только Варшава — вся Россия обязана содрогнуться от ужаса перед нашей вседостигающей, беспощадной справедливостью.

2

«Ротмистра Сушкова

сотрудник «Наговский»
Репорт
Ченстоховский и Седлецкий комитеты СДКПил* провели свои заседания, в которых приняли участие секретарь Главного правления партии, редактор ЦО «Червоны Штандар» Дзержинский, в подполье — «Юзеф» Доманский; прошлые клички, известные в рабочей среде до его первого, второго и третьего арестов, — «Переплетчик», «Астроном». В заседаниях участвовал также член Главного правления Адольф Варшавский (Варский).
Место жительства Дзержинского и Варшавского, когда они посещали упомянутые выше города, установить не удалось, поскольку Дзержинский — по словам членов комитета — «мастер конспираторского дела».

«Наговский».

«Ротмистра Турчанинова

сотрудник «Мститель»
Феликс Доманский, являющийся, по слухам, ведущим публицистом газеты «Червоны Штандар», позавчера посетил Домбровский бассейн, где провел заседание комитета партии в копальне «Мария». На регламенте дня был вопрос об объединении с РСДРП. Доманский выступает за безусловное объединение с русскими. «Роза Люксембург» — по его словам, — также активно выступает за самый тесный союз с русскими, потому что братство двух пролетарских отрядов непобедимо и заставит трепетать царских, — по его словам, — палачей.
Поскольку Домбровский бассейн — чисто пролетарский район и незначительные по количеству представители культурных классов поддерживают в основном национальную демократию (Дмовский, граф Тышкевич и Любомирский), за объединение с русскими выступают почти все шахтеры.

«Мститель».

«Ротмистра Сушкова

сотрудник «Быстрый»
В ближайшее время Дзержинский и, возможно, Варский с Ганецким, примут участие в заседании Лодзинского комитета СДКПил. Тема — объединение с РСДРП. Дзержинский, видимо, поедет туда один или же с Грашовским (возможно — «Кушовским»). Из конспиративных квартир, известных мне в Лодзи, следует обратиться на дом акушера Ураньского.

«Быстрый».

«Полковника Попова

сотрудник «Прыщик»
Репорт
СДКПил обращает сейчас особое внимание на работу с русскими солдатами, расквартированными в Привислинском крае. Большинство литературы приходит от РСДРП. Дзержинский провел три встречи с представителями солдатских комитетов в Пулавах, Радоме и Седлице.

На заседаниях комитетов, особенно в промышленных районах, Дзержинский уделяет большое значение трем вопросам: аграрный, по поводу отношения к Государственной думе (выступает за активный бойкот), и возможный союз с другими партиями (категорически отвергает возможность коалиции с конституционными демократами во главе с профессором П. Миллюковым, что допускают русские с-демократы плехановского направления). Рассказывают, что Дзержинский, дабы убедить слушателей, которых он сам же призывает к дискуссиям и открытым спорам, подготовил историческую справку по поводу движения русских либералов. Проводит ли он аналогию с движением польской «нац.-демократ.» во главе с Дмовским и графом Тышкевичем, мне неизвестно, однако, зная манеру Дзержинского, могу предположить, что он проецирует русских либералов на польских.

Завтра Дзержинский выезжает утреним поездом в Лодзь в сопровождении курьера партии Казимежа Грушовского — юноша восемнадцати лет, высокого роста, с очень большими голубыми глазами и родинкой на левой щеке. Означенный Казимеж принимал участие в налете на штаб-пункт «союза Михаила Архангела» на Тамне, а также на квартиру «национальных демократов», выступающих за поддержание в крае правопорядка и за решение национальных вопросов дружественным путем.

«Прыщик».

«Лодзь районная охрана срочная деловая немедленно поставит филерское наблюдение за дворняшкой Феликсом Эдмундовым Руфиновым Дзержинским без определенных занятий главным редактором «Червоны Штандар» секретарем ЦК партии внешний портрет должен быть вашим филерским делопроизводителем всякий случай роста выше среднего глаза пронзительны зеленая мягкая борода клином усы

* Социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

а ля натурель без фасона тчк вместе с ним следует партнурьер Казимеж Грушовский восемнадцати лет роста высокого с очень большими голубыми глазами родинкой левой щеке прибывают варшавским поездом 12.45 тчк информируйте постоянно тчк полковник Попов начальник варшавской охраны тчк».

«Варшава полковнику Попову тчк Дзержинский и Грушовский вошли в сферу наружного наблюдения 12.52 под кличками «Глаз» и «Яцен» тчк «Глаз» проявил особую осторожность и не входя ни с кем в соприкосновение после того как расстался на перроне с «Яценком» взял пролетку под номером «17» поменял ее в центре на пролетку под номером «95» а за сим оторвался от филерского наблюдения используя проходные дворы тчк «Яцен» вошел в соприкосновение с известным охране партийцем Никоненко вместе с ним отправился на конспиративную квартиру СДКПил по адресу Вспульна пять тчк оттуда он вышел в сопровождении «Грыжи» состоящего секретным сотрудником охраны и при этом членом комитета партии на мануфактуре Зильбера тчк Наблюдение за Грушовским продолжается тчк Поручик Розин тчк».

«Лодзь деловая срочная поручику Розину немедленно заарестуйте Грушовского тчк полковник Попов тчк».

Лодзинский комитет социал-демократии Королевства Польского и Литвы должен был бороться на конспиративной квартире зубного врача Януша Вашинского.

Дзержинский приехал с дневным поездом («Прыщик» сообщал верно), в вагоне третьего класса, духота невероятная, поэтому глаза слезились, в груди то и дело закипал мокрый кашель. На людях кашлять совестился — боялся крокодиарканья, это всегда вызывало эмоции окружающих, которые он не переносил: в общем сострадания есть нечто унижающее, жалость обязана быть скрытой, женственной, что ли, тогда только она не расслабляет, а, наоборот, помогает не сломаться, выжить.

Ехал вместе с Дзержинским его ученик, Казимеж Грушовский, юноша еще; сжимался, когда Дзержинский начинал синеть, сдерживая приступ кашля, советовал по-детски доверчиво:

— Юзеф, попробуйте глубоко вдохнуть носом, мама говорила, это останавливает самый тяжелый хрип.

Дзержинский покорно «вдыхал носом», силился улыбаться, представляя свое лицо со вздувшимися на висках жилами и запекшимися губами, и думал, что Адольф Варшавский был прав, когда отговаривал его ехать в Лодзь.

На перроне он с Грушовским расстался, попросил Казимежа побывать в трех кружках — у текстильщиков, металлистов и железнодорожников: товарищи только что провели забастовки, надо было получить материалы для «Червоного Штандара» — Дзержинский просил редакцию задержать верстку второй полосы и оставить место для этой информации.

— Больше подробностей, — сказал Дзержинский, когда они вышли из вагона. — Нужны факты: занижение расценок, произвол администрации. Меньше общих слов. Я назову тебе адреса двух наших запасных явок, Казимеж: Пивна, шесть, спросить Збышка Лемеха, передать ему привет от Переплетчика, и вторая: Грушова, пять, третий этаж, передашь привет от Беса пану Зыгмунду. Тщательно проверься. Если будет хоть капля подозрения — не ходи. Коли подойдешь чисто, получи у товарищей материалы, спрячь как следует, при опасности выбрось, уничтожь, съешь — все, что угодно, только это не должно попасть в чужие руки, Казимеж: я не хочу скрывать от тебя, ты получишь материалы Главного правления партии, в высшей мере секретные, в них — жизнь многих товарищей. Теперь договоримся на будущее: если обнаружил слежку, понял, что оторваться не можешь, чувствуешь опасность, — уходи любыми путями, бегом, как угодно, только немедленно предупреждай всех остальных, особенно товарищей, работающих в типографии и на складах литературы. Все ясно?

— Все.

— Пароль запомнил?

— Да. Через два часа буду на явке, — ответил Казимеж.

— Не успеешь.

— А я бегом, — улыбнулся юноша, — я специально тренируюсь: курьер партии должен быть стремительным.

Дзержинский, заматав филеров, успел на явку вовремя, оглядел собравшихся, сразу же приступил к делу:

— Товарищи, программа нашего заседания обговорена заранее: объединение с русской социал-демократией. Главное правление партии решило провести собрания на заводах и в мастерских для разъяснения нашей позиции по этому вопросу.

Дзержинский обладал редкостным качеством — он умел сжато, но в то же время емко объяснять исторический процесс, он говорил о нем, как о чем-то живом, постоянно меняющемся, материальном, поэтому слушали его всегда с интересом.

— Я начну отсчет событийности с «кровоавого воскресенья», с января девятисот пятого. Поднялась Москва, Варшава, Минск, Баку, Лодзь, Харьков, Рига, Ростов-на-Дону, вся страна очнулась, зашевелилась, а потом хлынула на улицы. Об этом, конечно, в газетах не очень-то печатали, говорили сквозь зубы; бедные журналисты, работающие в легальной прессе, никогда еще так не были революционизированы — сам царь запрещал им сообщать новости, то есть выполнять их прямую работу. Манифестации и забастовки, гнев трудящихся, а не речи либеральных буржуа загнавали царя в угол, доказали предметно, что по-старому жить более мы не намерены. Восемнадцатого февраля царь опубликовал свой манифест сенату и рескрипт министру Булыгину: «Я вознамерился отныне с божьей помощью привлечь достойнейших, доверием народа обремененных людей к участию в обсуждении законодательных предположений при незыблемости основных законов империи. Да благословит господь начинание мое и да поможет вам исполнить оное успешно на благо богом вверенного мне народа». После манифеста царя Булыгин издал свой указ, в коем предписывал жандармским службам: «Иметь секретное наблюдение за всеми обсуждениями, кем бы они ни проводились. Председательствующие на собраниях будут привлекаться к строжайшей ответственности, коли нарушат свои обязанности, позволив безбрежные словопрения». Следовательно, Булыгин не верил даже легальным председателем — земским лидерам, фабричным тузам, банковским воротилам, которые об одном лишь и думали: как бы поосторожнее скорректировать власть, как бы понадежнее поддержать самодержавие, как бы навести на него европейские румяна. Именно эти общественные силы организовались ныне в две партии — кадетскую, конституционно-демократическую и ту, которая ныне стала октябристской. Если к октябристам типа Гучкова и Шипова отношение большевиков и меньшевиков в общем-то однозначное — не по пути, союза, даже временного, быть не может, то по поводу кадетов Миллюкова мнения разделились: Ленин считает, что они не могут быть союзниками рабочего класса и крестьянства — даже временными, в то время как Плеханов убежден, что союз с ними не только возможен — нужен.

После опубликования царского манифеста состоялись собрания профессуры, учителей, журналистов. Чего требовали кадетские собрания? Неприкосновенности личности, жилища, прямых, равных и тайных выборов в Государственную думу. И никто, заметьте себе, никто не ставил вопроса о социальном переделе общества. Речь шла о коррективах существующего всевластного вандализма. Когда же собрались врачи, члены Пироговского общества, и хотели говорить о борьбе с холерой, а разговор этот чреват, ибо он вскрывал бы гнилость царизма, все его наплевательство на народ, московский градоначальник «соблаговолил съезд по борьбе с холерой запретить».

— А чем же врачи-то царю опасны, Юзеф? — спросил член комитета Збышек.

— Очень опасны. Если они открыто скажут, что в России самая высокая в мире

смертность, если они открыто скажут, что у нас один медик приходится на сотню тысяч населения — это же чистая антиправительственная пропаганда! Так же опасно для царя заявили себя агрономы и статистики — эти люди знают изнанку правды об экономическом положении страны: «Русское общество не может возлагать надежд на работающие ныне правительственные комиссии. В целях участия в проходящем ныне движении за политическое освобождение и экономические реформы следует организовать Союз агрономов и статистиков». Союзы врачей, агрономов, журналистов, инженеров, адвокатов, конторщиков организовали «Союз Союзов». В общем-то это фактор положительный. Однако заметьте: в «Союз Союзов» не вошла ни одна рабочая организация. Отчего? Да потому, что любой рабочий союз, заявив себя открыто, оказался бы назавтра за решеткой!

Члены комитета видели, что Дзержинский плох: пунцовые — в начале его выступления — губы сделались серыми, сошел лихорадочный румянец, щеки стали землистыми, морщинистыми.

— Может, устроим перерыв? — спросил Стоковский.

Дзержинский удивленно посмотрел на него:

— Ты устал?

И, не дожидаясь ответа, заговорил дальше:

— Рабочий класс продолжал борьбу, забастовки не кончились, наоборот, ширились. Крестьяне сжигали помещичьи усадьбы и забирали хлеб — наступало время сева. Революционный процесс уходил вглубь, начался зримый социальный раскол: либеральные земцы, помещики, выступавшие ранее с требованием реформ, старавшиеся урезонить тупую царскую бюрократию, теперь стали искать у бюрократии защиты, — хлеб-то забирает не бюрократ, а крестьянин! Заводчики, выступавшие ранее против ленивых и некомпетентных чиновников, которые муржили бумаги, подсчитали свои убытки, вызванные забастовками, и потребовали от власти поступка! Начался откат либералов от революционного процесса, откат, все более и более вырождавшийся в открытое предательство. Социальные интересы оказались несовместимыми!

Все бы покатило еще более вправо, коли б не Цусимский разгром, забастовки рабочих, крестьянские бунты, баррикады. «Коалиционный» майский съезд земцев поэтому обратился к царю с примирительным, верноподданническим письмом. Игра в «оппозиционность» кончилась. Царь, конечно же, принял представителей конституционно-демократического и октябристского движения, — сами пришли на поклон. Горазды до протокольных штучек, двор организовал прием не где-нибудь, а в фешетерском дворце Петергофа, дав таким образом аграриям надежду на будущее, особо выделив русских помещиков. С чем же обратились кадеты? Вот что сказал князь Трубецкой: «Народ видит, что царь хочет добра, а делается зло, что царь указывает одно, а творится совершенно другое, что предначертания вашего величества урезаются и нередко проводятся в жизнь людьми, заведомо враждебными преобразованиям. Страшное слово «измена» произнесено, и народ ищет изменников во всех: и в ваших советниках, и в боевых генералах, и в нас, и во всех «господах» вообще. Это чувство с разных сторон эксплуатируется. Одни натравливают народ на помещиков, другие — на образованные классы города. Ненависть усугубляется обидами и тяжкими экономическими условиями, а это — опасно, государь. Бюрократия существует во всяком государстве, и, осуждая ее, мы виним не отдельных лиц, а весь приказной строй. В обновленной России бюрократия должна занять подобающее ей место. Она не должна узурпировать ваших государственных прав, она должна стать ответственной и деловой».

Дзержинский внимательно оглядел собравшихся.

— Комментировать нужно, или смысл позиции Трубецкого ясен?

— Трубецкой тем не менее просил царя дать возможность обсуждать реформы не только на собраниях, но и в печати, Юзеф. Как ты относишься к этому? — спросил Ян, рабочий с суконной.

Дзержинский переломился над столом, потянулся к Яну вопрошающе:

— Что обсуждать?! Реформы? Ты верил в булыгинские реформы? Кто мог их обсуждать, когда в стране восемьдесят процентов населения неграмотно?! В печати? Цензура позволяла тебе высказывать свое мнение?! На собрании? Но тебя бы отправили в тюрьму, как отправили меня! Смысл выступления Трубецкого заключен в требовании своего куска от царского пирога! «Деловых людей пустите!» — вот их мечта! «Мы, деловые, твоя опора и надежда, государь! Мы только и можем самодержавие по-настоящему охранить!» Ну и что? Удовлетворил царь их маленькую мечту? Нет! Он унизил их молчанием. «Пришли, поняли, что я ваш защитник, ну и хватит, пора закрыть рот, а коли станет кто из ваших по-прежнему высказываться — будем наказывать». И ведь посадил некоторых, как напавших детишек посадил, и хоть камеры отвели с цветами, но тюрьма все же тюрьма! Подествовало. Примолкли окончательно. А рабочие не примолкли! Рабочие объявили октябрьскую стачку! Рабочие вышли на вооруженный бой в Москве и Лодзи! Рабочие взялись за оружие. И тогда царь был вынужден справиться Булыгина, был вынужден объявить октябрьский манифест, амнистию, свободу слова и собраний. Вот здесь-то кадеты и октябристы зализывали, заплотировали царю, стали с ним в один ряд, против нас: «побунтовали — и хватит, все, что можно было, мы получили! Не хотите царским милостивым добром — будут стрелять, и вы сами окажетесь в этом повинны!»

Теперь озадачим себя вопросом: кто прав — Ленин или Плеханов в своем отношении к кадетам? Могут ли быть кадеты союзниками? Кого поддерживать на четвертом съезде нашей делегации — большевиков или меньшевиков? Прошу высказываться.

— Будем голосовать, — поправил его Стоковский. — Вопрос ясен, Юзеф. Кто за то, чтобы наша делегация поддерживала большевистскую точку зрения, товарищи?

Семь — за, один — против, при двух воздержавшихся.

Вопросы об отношении к вооруженному восстанию и к Думе обсудить не пришлось — прибежала Халинка, с кондитерской: Казимеж Грушовский успел передать, что за ним неотступно топают филеры, и те две квартиры, которые он посетил, провалены. Просил сказать, что будет пробираться в Варшаву сам, чтобы немедленно предупредить товарищей.

«Помощнику Министра Внутренних Дел по Д. П. г-ну Глазову Г. В.

Многоуважаемый Глеб Витальевич!

Спешу проинформировать Вас, как стародавнего патриота Варшавской охраны, о событиях в высшей мере примечательных. Агентура в последнее время сообщала о весьма тревожном факте: по утверждению «Прыщика», «Наговского» и «Абрамсона» вопрос об объединении польской социал-демократической партии (Люс-сбург, Дзержинский-Доманский, Варшавский-Варский, Мархлевский) с РСДРП практически решен уже поляками в положительном смысле. Вы лучше меня знаете, что объединение это нанесло бы серьезный урон Власти в Привислинском крае, ибо престиж с.-д. партии весьма, к сожалению, вырос. Вхождение поляков в состав общерусской РСДРП, можно не сомневаться, вызовет ряд выступлений революционного элемента на заводах, ликвидировать которые возможно лишь с помощью армии. Поэтому нами было предпринято все возможное, дабы пресечь доставление в край каких бы то ни было пропагандистских материалов, связанных с этим вопросом.

Благодаря активной работе мы смогли открыть две перевалочные базы литературы. Был произведен налет, во время которого были арестованы Франек Кухальский и Казимеж Грушовский, а Никифор Кузин убит при попытке вооруженного сопротивления. Захвачено девятнадцать тюнов с литературой возмутительного содержания, подборки газеты «Червоны Штандар» (главный редактор — секретарь Главн. правления СДКПил Ф. Дзержинский-Доманский), «Пшеглонд социал-демократичны»,

«Вперед», «Новая жизнь», брошюра Н. Ленина «Что делать?». Франек Кухальский, по заключению Вашего протеже, ротмистра А. Е. Турчанинова, человек в партии случайный, к тому же после ареста перенес сильный психический шок и сейчас практически невменяем. Однако Казимеж Грушовский, согласно данным агентуры, считается в СДКПил курьером «Юзефа», Феликса Дзержинского-Доманского, посещая заседания кружков, которые вел этот наиболее популярный руководитель партии. Таким образом, мне представляется, что через Казимежа Грушовского можно будет подойти к Дзержинскому, являющемуся ныне главной пружиной в предстоящем объединении с РСДРП. Работа с ним ведется активная, и поскольку ему всего лишь 17 лет, можно надеяться на благоприятный ее исход и задержание всей головки СДКПил во главе с Ф. Дзержинским-Доманским.

Осмелюсь высказать общее суждение, милостивый государь Глеб Витальевич: если мы сможем изолировать Ф. Дзержинского-Доманского, ведущего всю практическую работу в царстве Польском, тогда следовало бы оказать благоприятствие умеренным партиям, таким, как «национальная демократия», сходная с «конституционно-демократической» г. Милюкова или «союзом 17 октября» гг. Гучкова, Шипова и Николаева. При этом следовало бы всю противореволюционную пропаганду сосредоточить на партии эсеров, имея в виду ее террористическую деятельность. Обыватель наш не силен в анализе различий между соц.-демократами и соц.-революционерами и, бесспорно, проникнется ненавистью ко всему — так или иначе — связанному с термином «социализм». Я осмелился обратиться к Вам по этому поводу, что г. генерал-губернатор полагает, что «нац.-демократы», как и кадеты, все-таки представляют опасность Самодержавной Власти. Я не могу, не имею права сообщать ему о введенной мною в эту партию агентуре, которая поднялась сейчас к руководству Исполнительным комитетом, и просил бы Вас поддержать меня через Е. В. г-на Министра Вн. Дел, или г-на Э. И. Вуича.

Просил бы Вашего любезного согласия на постоянное информирование по всем нашим делам, ибо Ваши советы, как человека, отдавшего так много сил на борьбу с крамолом в Привислинском крае, были бы для нас бесценной помощью.

Вашего Высокоблагородия покорнейший слуга

И. Попов, начальник Варш. Охранного Отделения».

«Варшавская охрана, полковнику Попову срочная деловая тчк когда Дзержинскому было девятнадцать лет и нему применялось особое обращение зпт которое ни к чему не привело тчк если Казимеж Грушовский его человек не начинайте игр зпт применяйте крайнюю меру зпт не время для долгих комбинаций тире время беспощадной борьбы на устрашение тчк полковник Глазов зпт департамент полиции тчк м тчк в тчк д тчк».

«Дорогие товарищи!

Сам писать не могу, диктую товарищу. Наверное, больше мне вас не увидать, поэтому хочу, чтобы вы знали о том, что мне пришлось здесь перенести.

Когда меня брали, полицейские отбили почку и селезенку, изуродовали лицо: жандарм прижал мою голову сапогом к мостовой, и я сейчас почти не говорю — выбиты зубы и, наверное, вытек глаз. Врача не пускают, а из глаза каплет гной с кровью, и веко не поднимается, а если пытаюсь поднять, то голова мутнится и тошню сукровицей и желчью.

Дорогие товарищи, они меня таскали на допросы и там били по больному глазу, и я падал обморочный, но они обливали меня водой и все время спрашивали: «где Дзержинский». Я не сказал им ничего и поэтому умру спокойной. Они пугают меня: «Мы все равно узнаем и арестуем его, а в партии скажем, что это ты донес». Я боюсь, что вы поверите им, решите, что сломился, не выдержал.

Дорогой Юзеф, когда я умру, защити мое имя.

Они узнали про то, что я вместе с тобой, Якубом и Красным участвовал в налете на «архангелов», а потом громил бандитов из «национальной демократии». Они знают про съезд русских и что ты туда едешь. Откуда они могут про это знать? Мне очень страшно умирать, но я лучше сам распоряжусь собой, чем доставлять им радость смотреть на мои мучения.

Дорогие товарищи, мне страшно и больно, все время тошнит, но я не жалею, что так случилось, потому что лучше жить мало, но жить, чем тлеть долго. Отомстите за меня. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Казимеж Грушовский».

Продолжение следует

Посещение любой страны, большой или малой, всегда связано с непредвиденными знакомствами, наблюдениями, открытиями. Тем более посещение такой страны, как Панама, где пришедшее к власти в октябре 1968 года правительство Омара Торрихоса осуществляет поддержанные народом важные экономические, социальные и культурные преобразования. Реформа конституции, аграрная реформа, реформа образования, объединение рабочего движения, активизация деятельности профсоюзов и молодежных организаций, наконец, решительная и справедливая позиция в переговорах с США о Панамском канале и связанная с ней борьба за безусловный и полный суверенитет над национальной территорией — все это привлекает внимание мировой общественности к положению в Панаме.

Предлагаемые читателям записки советского журналиста, недавно посетившего Панаму, дают представление о процессах, происходящих в этой стране и мало известных нашим читателям.

Ал. РОМАНОВ

Фото автора

С

ан-Мигелито, где за время нашего пребывания в Панаме мы побывали не один раз, весьма своеобразен и привлекателен. По его крутым холмам карабкаются высоко вверх простенькие домики с неперенными цветничками под окнами и крохотными садочками из двух-трех фруктовых деревьев, домики очень разные, в большинстве своем старательно раскрашенные во все цвета радуги. Уже сейчас здесь живет примерно 160 тысяч трудящихся, а со временем будет жить не менее 200 тысяч.

Мы познакомились со старейшим членом муниципалитета этого района Фелисиано Грахалесом; в муниципальном доме, носящем имя Викторино Лоренцо, обедали вместе с ним, его друзьями и его семьей. Обед был самый панамский — суп из свежих овощей с отварной курицей, суп, который выглядел как первое и второе блюда одновременно, жареное мясо, фрукты, ром со льдом. Дружеским речам и тостам не помешала разразившаяся вдруг тропическая гроза, раскаты грома и вспышки молний. У Фелисиано — двенадцать дочерей, старшие из них как раз и приготовили этот обед.

В прошлом простой рабочий, Фелисиано Грахалес прочувствованно говорил о положении в стране, о жестокости, стоившей многих жертв борьбе панамского народа, которую он ведет в течение многих десятилетий за освобождение своей страны от колониального ига и за утверждение своего суверенитета над всей национальной территорией.

— Вопрос о канале и возвращении зоны канала Панаме ка-

сается каждого из нас, — говорил он. — Спросите об этом любого панамца, от безусого школьника до глубокого старца, и они скажут вам, что дело обстоит именно так...

На нашей территории расположились четырнадцать североамериканских военных баз — это более пятнадцати тысяч солдат и офицеров. Что им здесь нужно? Чем они здесь заняты? И когда они уйдут?.. Об этом днем и ночью думает каждый панамец...

Правительство и народ, — говорил Фелисиано Грахалес, — едины в своем противодействии империализму. И мы благодарны вам, советские товарищи, за поддержку нашей позиции, за солидарность с нашей борьбой... Спасибо вам, большое спасибо! Вы далекие, но верные друзья...

За обеденным столом звучали и серьезные политические речи, и вопросы, обращенные к советским гостям, и веселые шутки. Так, поглядывая на дочерей, предельно внимательных ко всему застолью, Фелисиано, улыбаясь, сказал, что за десятилетие мужчины стареют на десять лет, а женщины только на год, и забота о мужчинах с их стороны им только на пользу.

Не раз за столом говорил и местный алькальд Деусепите Эскобар, человек остроумный и веселый. Так, намекая на противоречивый характер выступлений и действий некоторых панамских политических деятелей и далеко еще не преодоленную зависимость экономики страны от США, он сказал, что эти деятели уподобляются попугаю, кричащему «Да здравствует свобода!», меж тем как он давно уже в когтях у жирного кота.

Нас пригласили побывать в Вакамонте.

Строительство рыболовецкого порта Пескерио Вакамонте — первое большое промышленное строительство, предпринятое правительством Омара Торрихоса. Со стройки за нами приехали директор проекта инженер Эдгардо Хаин Москоско, высокий, немногословный, видимо, решительный человек — руководитель строительства, и инженер Энрико Прингле, ответственный за полевые работы.

Наша машина, прежде чем попасть на загородное шоссе, долго петляет по рано проснувшейся улице, по его уже знакомым улицам, включая бульвар Бальбоа. По ажурному мосту через

канал — мост именуют «Америка» — переезжаем из Южной Америки в Северную. За нами неизменно следует то слева, то справа металлическая решетка зоны канала. За решеткой — буйная тропическая растительность, фантастически богатая природа, домики под пальмами, частенько похожие на обыкновенные шалаши. Зеленая пышная, а дорог хороших нет, за американским шоссе — обыкновенный проселок, глубокие рытвины, лужи, грязь.

А вот и поселок, именуемый Веселый вид («Виста Алегре»), справа — рисовые поля, слева — каменоломня. Почва жирная, сплошные красноземы, на естественных пастбищах пасется скот. «С кормами туго», — говорят сопровождающие нас строители. Мы переждаемся: все вокруг растет, цветет, плодоносит, зеленый корм здесь круглый год. И вдруг: «С кормами туго».

В миниатюрной временке разместились строительная контора. Поставлен домик удачно: из его окон хорошо просматриваются окрестности, включая строящийся волнолом и безбрежное хмурое море.

В будущем здесь будет сооружено здание дирекции порта, — говорит Эдгардо Москоско. Он ведет нас внутрь своей временки и у карты строящегося порта неторопливо рассказывает о том, как возник проект и как он осуществляется.

— Это ненормально, — говорит Эдгардо Москоско, — что до последних лет страна наша жила главным образом за счет эксплуатации своего географического положения. Именно в этой связи правительство генерала Торрихоса и решило осуществить рекон-

струкцию всей зоны Вакамонте, имеющей большое значение для нашей экономики из-за распространения здесь промыслового лова креветок и тунца. Тогда же было принято решение и о постройке современного рыболовецкого порта. Стоимость реконструкции — 42,5 миллиона долларов, 50 процентов этой суммы — панамский капитал и 50 процентов — капитал Международного банка развития. Строительство в полном объеме развернется в первом квартале 1979 года. До этого будут закончены все подготовительные работы, будет пройден, так сказать, «нулевой цикл» сооружения порта.

Мы узнаем, что в настоящее время производится намыв части берега, строится мол протяженностью 132 метра. Здесь уже могут причаливать по крайней мере четыре тунцелова. Глубина бухты — 9 метров при самой низкой воде; ее дальнейшее углубление позволит будущему порту рабо-

тать в течение полных суток. Будут построены помещения для судовых агентств, залы для торговли свежей рыбой, электроподстанции и т. д. Вырастет комплекс по переработке креветок, разгрузочные причалы, причалы для технического обслуживания судов, для заправки их горючим и льдом.

— Все строительство, — говорит г-н Москоско, — пройдет в три очереди: первая — постройка морских сооружений, о которых шла речь, вторая — постройка береговых сооружений, включая нефтехранилище и водонапорную башню, и, наконец, установка портового оборудования — мощных подъемных кранов и холодильных установок. В порту со временем будет занято около четырех тысяч работников разной квалификации. Неподалеку от порта возникнет городок на 35 тысяч жителей. Строительством занимается специальный департамент, входящий в состав министерства торговли. Департамент представляет собой самостоятельную мобильную организацию, располагающую необходимыми фондами. Возглавляет департамент исполком, председателем которого является министр торговли, а членами — министр финансов, министр общественных работ, государственный контролер и другие государственные деятели. Словом, строится первое предприятие государственной промышленности, которую намерена создать Панама.

ПАНАМА СЕГОДНЯ

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

С кем бы мы ни беседовали здесь о состоянии панамской экономики, предпринятая правительством генерала Омара Торрихоса аграрная реформа неизменно характеризовалась как важная, смелая, демократическая и прогрессивная, направленная на ликвидацию полуфеодальных отношений в сельской местности и подъем сельскохозяйственного производства. При этом особо подчеркивались положительные перспективы поддерживаемого правительством массового кооперирования крестьянских хозяйств.

Тем большой интерес вызвало у нас предложение посетить Национальный центр крестьянских кооперативов. Организация эта, сказали нам, еще очень молодая, но уже сегодня она, несомненно, имеет глубокие социальные корни и широкую базу для борьбы за интересы трудового крестьянства.

В Национальном центре мы встретились с председателем Национального центра Хулио Бермудесом и его заместителем Матильдэ Пинсоном.

Хулио Бермудес, известный в стране крестьянский деятель, очень искренне, как-то почти по-детски улыбается и сердечно нас приветствует.

— Право же, — говорит он, — не часто советские люди посещают Панаму, а у нас, между тем, происходят важные события, которые в год 60-летия Октября представляются особенно знаменательными...

В самом деле, эта массовая крестьянская организация (а крестьяне в прошлом здесь не знали даже самых элементарных форм организации) насчитывает примерно 50 тысяч членов — это 15 процентов всего крестьянского населения. Они объединены в 275 кооперативов, именуемых «асентамьенто». В кооперативах объединены по преимуществу малоземельные крестьяне. Кооперативам переданы государственные и пустующие земли, а также земли, экспроприированные у некоторых латифундистов. (Правительством было экспроприровано в общей сложности 400 тысяч гектаров земли, из них 60 процентов было передано крестьянским кооперативам.) Крестьянские кооперативы развивают главным образом зерновое хозяйство. Основная возделываемая ими культура — рис.

ев, кондиционер на окне. Но работа, которую проводит Национальный центр, поистине огромная: работа и организационная и воспитательная.

Правительство генерала Омара Торрихоса оказывает постоянную помощь крестьянским кооперативам кредитами, сельскохозяйственными машинами, удобрениями, специалистами. И в социальных вопросах такая помощь становится все более ощутимой: всюду, где есть крестьянские кооперативы, осуществляется жилищное строительство, прокладываются водопроводы и электросети, улучшается постановка школьного дела и культурно-просветительной работы. Раньше школ в сельской местности, по существу, не было, теперь они строятся прежде всего там, где возникли крестьянские организации.

— Мы поддерживаем образование Национальной банановой компании за счет национализированных банановых плантаций, принадлежащих монополиям США, — говорит Хулио Бермудес. — Мы поддерживаем также создание государственно-кооперативных и государственно-частных промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Разумеется, имеются у нас и серьезные трудности, ведь кооперативное движение, по сути своей, еще очень молодо. И внутренний рынок узок, и себестоимость производимой продукции высока. Удоб-

центр проводит всепанамский съезд крестьянских кооперативов, который и избирает Национальный центр, в свою очередь, избирающий бюро из 5 человек, иначе говоря, постоянное его руководство. На содержание своих органов управления кооперативы отчисляют один процент от стоимости общего объема продукции, производимой каждым из них. Этого вполне достаточно. Центр динамичен, подвижен, его деятельность тесно связана с национальной жизнью. В феврале текущего года состоялся IV конгресс крестьянских кооперативов. В его работе участвовало 700 делегатов. Обсуждались задачи развития мясного и молочного животноводства. Были приняты важные и полезные решения...

Крестьянским кооперативам противостоит Национальная ассоциация скотоводов — помещиков-латифундистов. Это серьезный противник. Но правительство поддерживает кооперативное движение. В этом его сила.

— Вполне понятно, — говорит Хулио Бермудес, — что, хотя наша организация не является организацией политической, мы не замыкаемся в сфере узкокрестьянских интересов. Национальный центр интересуется развитием международной обстановки, в особенности политикой Советского Союза, чей последовательный курс на мир и сотрудничество с другими народами горячо под-

В Чорреро нас пригласили на праздник молодежи столичной провинции. В празднике, как мы узнали, участвовали три тысячи юношей и девушек. Именовался он «Второй провинциальной встречей антиимпериалистической молодежи» и был посвящен предстоящему в будущем году Международному фестивалю молодежи в Гаване.

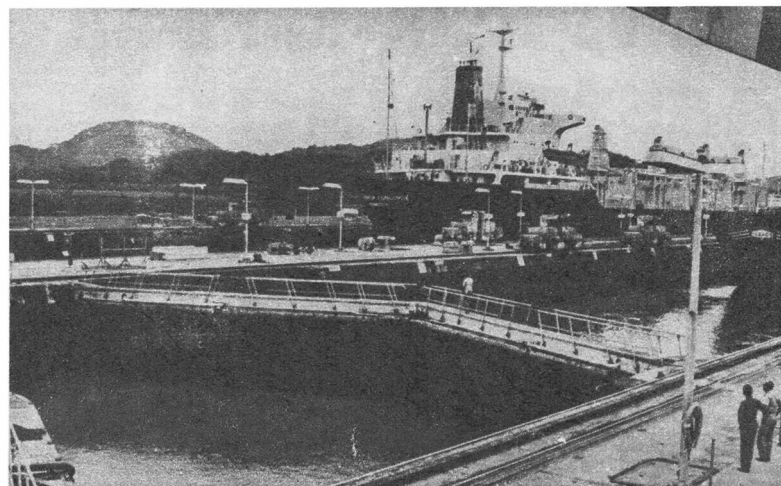
Мы вошли в открытый зал в момент, когда студенческий фольклорный ансамбль исполнил со сцены — при поддержке всего зала — песню «Живи, Панама!». Затем этот же ансамбль продемонстрировал на редкость слаженные танцевальные номера.

Цветной вязью растекалась ручная вышивка по длинным и широким платьям девушек, отливали белизной простецкие рубашки парней в плетенных из листьев пальмы шляпах. Слаженностью, легкостью, эмоциональностью исполнения отличался каждый танец. Но когда молодая пара исполнила пунто, а затем под мелодичную музыку и песню, поддерживаемая выкриками и посвистом собравшихся, прошла по сцене, нам показалось, что поет и танцует уже весь зал. К ногам танцоров — в знак восторга — из публики летели шляпы, и танцующие, не снижая темпа, обходили их. На девушке было белое платье и голубые туфли, в волосах — бисер и золотые гребни, на лице — счастливейшая улыбка. А парень был одет предельно просто: белая рубаха, черные брюки, простые сандалии. Стройности, размеренности и красоте их движений, право же, можно было позавидовать.

В перерыве между танцами со сцены к собравшимся обращался молодой оратор — столичный студент, приехавший сюда на празд-

На центральных улицах Панамы.

Шлюзы возле американской базы Мирафлорес.

Развивается и животноводство, разводится главным образом крупный рогатый скот.

Крестьянские кооперативы уже дают более 30 процентов производимых в стране сельскохозяйственных продуктов; своим производством они покрывают внутренние потребности страны в тех сельскохозяйственных продуктах, которые до возникновения кооперативного движения приходилось ввозить. Картофель, фасоль, лук производятся в таких объемах, которые обеспечивают страну целиком. Больше, чем в прошлом, вырабатывается риса. В нынешнем производстве риса роль крестьянских кооперативов решающая.

Хулио Бермудес рассказывал обо всем этом неторопливо, не заглядывая в лежащие на его столе бумаги, лишь изредка решительным взмахом руки словно бы подтверждавая сообщаемые им цифры и факты.

Комнатка, где мы сидели, именовалась кабинетом председателя Национального центра крестьянских кооперативов. Он был очень небольшим, этот кабинет: письменный стол, несколько стуль-

рения нам приходится закупать за границей. Ввозим и сельскохозяйственную технику. Ничего не поделаешь, национального производства химических удобрений и добротных машин страна не имеет. Есть трудности и в кредитовании крестьянских кооперативов: правительство вынуждено для этой цели брать средства у иностранных банков, а они не очень-то расположены помогать «колхозам».

Слово «колхозы» Бермудес сказал по-русски. Но все, кто был в комнатке у председателя, хорошо поняли, о чем идет речь. На смуглых, суровых лицах наших хозяев снова появилась улыбка.

— Трудности трудностями, — сказал Бермудес, — от них никуда не денешься... У вас были куда большие трудности, — сказал он, обращаясь к нам, — ведь вы были первыми... Но перспективы у наших кооперативов обнадеживающие...

Каждые два года Национальный

держивает трудовое крестьянство Панамы. Мы деятельно поддерживаем антиимпериалистическую позицию нынешнего правительства республики и активно участвуем в борьбе нашего народа за полный суверенитет над всей территорией страны.

* * *

И еще один день, перенесший нас за пределы столицы.

День поистине чудесный, как всякая встреча с живой, возбужденной, красочной молодостью.

В 60 милях от города Панамы расположен уютный, красивый, обремененный тропической зеленью городок Чорреро. Дорога к нему идет через зону канала, мимо военных баз США. В зоне канала панамской можно пока назвать только дорогу. Слева и справа от дороги — грубая металлическая решетка, преодолеть которую с ходу никому не дано. За решетку, в зону канала, панамцам, хотя это и их земля, нельзя ступить ни шагу.

Его звали Хулио Бермудес. Оказалось, что это сын руководителя Национального центра крестьянских кооперативов, и имя у него точно такое же, как и у его отца. Обращаясь к участникам встречи, он приветствовал нас как представителей советского народа, как далеких и верных друзей каждого панамца.

Это была берущая за сердце, волнующая встреча с молодостью Панамы, непосредственное и впечатляющее проявление интернационалистических чувств, связывающих всех честных людей нашей планеты.

Из Чорреро в город Панаму мы возвращались ночью. Светились окна в домах пробежавших мимо селений. В густой траве вспыхивали светлячки. А в памяти звучала песня студентов «Живи, Панама!», и, казалось, все вокруг подпевало этой мужественной песне.

Панама — Москва

Г. ГЕРАСИМОВ,
собственный
корреспондент АПН

Америка, говорят здесь, — страна равных возможностей. В самом деле, возьмем возможность оказаться без работы. Для каждого эта возможность может стать действительностью. Вот, например, Дэвид Лисси работал специальным помощником президента США. В его служебные обязанности входило наблюдение за неполадками, возникающими в системе страхования по безработице.

— Тогда, — вспоминает он, — я обсуждал целесообразность предлагаемых изменений в системе страхования. Но одно дело — обсуждать систему, и другое — стоять в очереди. Я привык работать по 80 часов в неделю, и мой ум восстает

ших ее потерять. Статистика слепа к тем, кто собрался работать, да нигде, кто пришел на рынок труда и обнаружил, что нет на его рабочие руки спроса.

Дело в том, что для того, чтобы стать безработным, надо сначала проработать по меньшей мере 20 недель на протяжении последних 52. Иначе не получишь так называемой страховой книжки и не станешь статистической единицей. Будешь прозябать нигде не зарегистрированным нулем.

Тут нет трудовых книжек, есть «нетрудовые», эти самые страховые, с вкладным календариком и пластмассовой карточкой, внешне такой же, как кредитная. На календариках надо ставить «нет» в днях-кварталах, когда ты не работаешь, а карточка защищает систему от злоупотреблений.

Чтобы разобраться в том, что тут к чему, я заглянул в местное отделение системы страхования по безработице на 90-й улице, на углу с Бродвеем, поближе к дому. Таких отделений по городу много, но знакомые американцы сказали, что в принципе все они одинаковые.

НЕТРУДОВАЯ КНИЖКА АМЕРИКАНЦА

против безделья ожидания. А визит в бюро по безработице — это главным образом ожидание. Пока я жду, я рассматриваю соседей по очереди. Мне главное впечатление — их вполне респектабельный вид. И тогда я начинаю понимать, что мое первоначальное удивление исходит из моего представления, будто на безработных какое-то клеймо. Но они такие же люди, как и я. Они хотят работать.

Другой пример — Мариан Равман, бывшая служащая муниципалитета Нью-Йорка. Равман написала книгу «Требуется» — пособие для ищущих работу. Книга начиналась фразой: «Найти работу трудно». Вскоре Равман сама осталась не у дел. Казалось, автору такого пособия легче других. Побывав год чужие пороги, Равман сказала: «Поиски работы — самая трудная работа в мире».

Как видим, безработица для американцев входит в список вещей наряду с тюрьмой и сумой, от которых лучше не загромождаться.

Начинать труднее, чем продолжать. Сейчас в США без работы один миллион шестьсот тысяч юношей и девушек, сумевших найти работу и успев-

В огромном и скучном казенном зале извивалось два десятка змей — понурые очереди к чиновникам за барьерами. Отдельная и самая короткая очередь тянулась в тот жаркий день к фонтанчику с питьевой водой.

Мой первый же знакомый Морис Салад оказался разговорчивым. Впрочем, сказал он, ему времени на меня не жалко — у него времени сколько угодно.

Оказалось, многие люди в зале знали друг друга, встречаясь, «как на работе», по понедельникам или по вторникам, в зависимости от установленного для них дня и часа явки.

Жизнь безработного, узнал я, будто у ссыльного под надзором. Раз в неделю надо являться в свое отделение, вставать в знакомую очередь и протягивать затем знакомому клерку свою «нетрудовую» книжку с очередной неделей, заполненной по дням словом «нет». Потом нужно дома ждать, когда почтальон принесет знакомый казенный конверт с чеком на очередное недельное пособие. Пропустишь недельную явку — не получишь чека.

Выделяется внешне очередь к окошку «Информация» для новичков. Они делают вид, что оказались в этом обществе по недоразумению. Они еще решают журнальные кроссворды или читают в газете новости, а не объявления о возможных вакансиях. Они напоминают вновь поступивших в инфекционную больницу, которые ругают себя, что подхватили «заразу», и еще не перешли к сочувствию к себе и к товарищам по несчастью.

Они еще верят в американскую мечту разбогатеть и преуспеть.

Уже у этого окошка начинается перевоспитание. Разговор ведется не столько на английском или испанском — в этом месте Бродвея много выходцев из Пуэрто-Рико, — сколько на языке инструкции. Заполняются формуляры. Каждая личная судьба должна быть уложена в прокрустово ложе бюрократической системы, иначе система не сработает и пособия не выдаст. Всякие эмоциональные отступления отвергаются чиновником, а порой и очередь.

— Ну, а потом, — разъясняет Салад, — потом люди распадаются на две категории — «старожилы» и «транзитники». Я «старожил», и не спрашивайте меня, что я хочу делать. Я ничего не хочу делать. Гнуть спину перед боссом? Лучше я раз в неделю полебезу перед здешним бюрократам.

«Транзитники» рвутся на рынок труда, исчезают, потом появляются вновь. Их мучают горькие чувства выброшенного на улицу человека — чувство унижения, стыда перед семьей за невозможность ее прокормить, чувство ненужности людям.

Информационная брошюра для населения, изданная штатом Нью-Йорк, предупреждает, что право на пособие по безработице имеет только тот, кто «готов и желает получить новую работу и активно ищет работу». Брошюра рекомендует методы, которыми следует здесь пользоваться, включая «подсказку со стороны друзей и родственников». И брошюра напоминает, что пособия выплачиваются «до 26 недель» с продлением, как сейчас, во время высокой безработицы.

Больше всего, пожалуй, меня удивило в очередях в казенном зале молчаливо подразумевающее восприятие происходящего как неотъемлемой части жизни, вроде рождения или поминок. Будто так и надо. Будто без этого никак нельзя.

Упомянутая брошюра напоминает: «Даже когда вы получите работу, храните в надежном месте вашу страховую книжку, календарный вкладыш и карточку. Они вам понадобятся, если вы вновь обратитесь за пособием».

Так вот и живут американцы с «нетрудовой» книжкой, постоянно напоминающей о хрупкости их «благополучия».

Специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Юрий НЕХОРОШЕВ

На выставке работ Юрия Походаева, состоявшейся в Центральном Доме работников искусств, особым успехом пользовалось полотно «Ю. А. Гагарин и С. П. Королев» — центральная часть триптиха, названного «Во имя жизни». Первый космонавт и главный конструктор стоят у ракеты, нацеленной в черно-синюю бездну вселенной. Последние мгновения — и здравствуй, мир неизведанный, суровый, беспощадный! Конструктор слегка улыбнулся — это и прощание, и пожелание добра, и вера в успех. Тишина. В такие мгновения, наверно, слышно движение мерцающих звезд. Далекие миры влекут не только ученых и космонавтов. Может быть, раньше всех вспыхнули негасимым огнем любви и звезд сердец поэтов и художников. Вот и Юрию Походаеву нет спокойствия от этой бездны, от серебристых молний-ракет, вобравших в себя могущество духа и разума человеческого.

Но может ли художник, не изведав таинств космического полета, написать картину, убеждающую правдой переживания, наполненную волнующей атмосферой «инобытия»?

Может, если его образы рождены земными, конкретными событиями, если романтические подвиги современников заставляют брать в руки палитру и кисти, если светлые родники жизни питают, не иссякая, творческие замыслы. «Романтики двадцатого столетия, я душу грел у вашего огня, и не было отраднее на свете, чем этот жаркий трудный пламенный день» — эти стихи Сергея Орлова словно написаны о Юрии Архиповиче Походаеве. Да, он душу греет, рисуя космонавтов на Байконуре, полярников — на Новой Земле, рыбаков — на Сахалине, пограничников — на Памире...

Разные образы, самые несхожие темы. Но неизменно одно: художника влекут остро конфликтные ситуации. Большие страсти клокоуют и в его пейзажах. И потому земля в них дыбитесь и падает обрывками, восстают гряды холмов, за которыми злобеще полыхает тревожное небо; бьются о скалы ледяные волны, и взлетает из облаков пена, смешиваясь с дождем и ветром. Единоборство человека и стихии начинается на земле, здесь же берут свой разгон и космические бури, утверждая полотно художника.

В его пейзажах зрители видят своих старых знакомых: северные деревушки, истоптанные дороги, выходящие среди полей и косоголов, усталые лодки, уткнувшиеся в серый песок, ледяные торосы... Но во всем этом, вроде бы привычном и обыденном, цепкий глаз живописца подмечает моменты особенные. Вот «На Новой Земле» — гигантские навороты кражей, снежное безмолвие, черная вода, застилаемая льдом, и крошечный домик изыскателей, над которым бьется по ветру красный вымпел. А его «Эски-Кермен» — каменная крымская земля, скалы, обнятые вечностью. Когда-то еще Богаевский и Волошин писали Киммерию как символ отшумевших веков. Походаев нашел свою точку зрения на каменное безмолвие базальтов. Пейзаж «Ай-Далары» — синяя густота неба и волн, из них поднимаются розово-перламутровые скалы, почти невесомые, будто сотканные из солнца и розового тумана. Поначало хочется крикнуть: не бывает такого! Выдумка! Но вглядываешься раз, другой, и произведение убеждает.

Убедительность — особое свойство, вероятно, одно из главнейших качеств художественного обобщения. Полотно Походаева убеждает истинной страстью космических в предлагаемых земных обстоятельствах. Космос начинается на Земле, романтика, рожденная земными делами, возносит человека-творца и мерцающим звездам. Умейте видеть необычное во всем, что окружает вас, — вот чему учат произведения живописца.

В мастерской художника, недавно отмеченного свое пятидесятилетие, — раскрытые папки с рисунками, композиционные наброски, портреты тех, кого мы видим у пультов космических кораблей, этюды, привезенные с БАМа, из северных деревень, с Урала...

Романтика жизни влечет, стучит в сердце. И нет покоя тем, кто озарен жарким пламенем современности нашей.

Ю. Походаев. НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ. 1977.

МОЙ ПАПА ЛЕТЧИК. 1977.

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

«Семейные обстоятельства» и связанные с ними сложности нравственного воспитания подростка — такова тема заметок писателя Альберта Лиханова, опубликованных в 35-м номере «Огонька». Разговор на эту тему продолжается в публикуемых записках адвоката Я. Киселева.

У

тром пришло искрившееся радостью письмо от Наташки, девятилетней пицужки. Шестой день она отдыхает в пионерском лагере в Анапе, и ей там все больше и больше нравится.

Татьяна Михайловна торопилась на работу и вложила письмецо в сумочку: перечитает его в свободную минуту. А вернувшись домой, застала телеграмму: «Потрясены несчастьем Наташа убитая автокатастрофе вылетайте Варфоломеев».

Самолета пришлось ждать до утра. Страшнее и длиннее часов не было в ее жизни.

...Когда Татьяна Михайловна в изнеможении прислонилась к невысокому прореженному штатетнику пионерлагеря, ее хлестнуло горькой обидой: спнут ребятишки, хохочут, в воздухе мечутся перистые воланы, лагерь живет так, словно в мире со вчерашнего дня ничего не изменилось. И только сейчас с беспощадной ясностью Татьяна Михайловна поняла: ничего, ничего уже не изменить в том, что произошло. Татьяна Михайловна побрела вдоль штатетника к боковой калитке, остановилась, перевела дыхание, решилась, открыла калитку, шагнула и увидела: прыгнув с веранды, вопя от радости, навстречу ей мчалась... Наташа. Татьяна Михайловна молча и медленно оседала на красную от кирпичной крошки дорожку.

Только сутки понадобились, чтобы установить: телеграмму сочинил и отправил семнадцатилетний Саша Ковров, сын нынешнего мужа Татьяны Михайловны Озерцовой. Саше в будущем году кончат школу, юноша он не без способностей и смысленный. Тем хуже для него, он не мог не понимать, что его телеграмма не только омерзительна своей точно рассчитанной жестокостью, она — преступление. И в Уголовном кодексе дано ему точное определение — хулиганство. Тем более опасное, что о нем обязательно узнают дети в пионерлагере и станут они как бы свидетелями того, как надругались над самым заветным, над материнской любовью. И кто предскажет, какой это оставит след в ребячьих сердцах?

Вина доказана: подлинник телеграммы, хранившийся в Анапском почтовом отделении, написан рукой Саши Коврова, да он ничего и не отрицал.

На допросе Саша, взволнованный и испуганный, однако раскаяния не испытывал. Даже когда узнал, что Татьяна Михайловна лежит в больнице — острый сердечный приступ. Если закон того требует, он понесет наказание, но считает себя нравственно правым. Он не предвидел, что Озерцова опасно захворает, но знай Саша это заранее, ничего бы не изменилось, телеграмму отправил бы. Ему есть за что ненавидеть Озерцову, настолько та виновата перед его матерью, что ничем ей не искупить своей вины.

Отвечая на вопросы следователя, Саша рассказал, что вот уже прошло около трех лет, как отец его, Алексей Алексеевич Ковров, оставил семью и ушел к Озерцовой. С тех пор мальчик ни разу не называл своего отца отцом. Говорил о нем не иначе, как Алексей Алексеевич. И пояснил: «Алексей Алексеевич мне только биологически родитель» (так и записано в протоколе допроса).

Саша не рисовался, не стремился ошеломить эдакой исключительностью своих чувств. Самое труднообъяснимое в том и заключалось, что и на допросе у следователя, а потом и в беседах со своим защитником он говорил с ненавязчивой, даже застенчивой убежденностью, как бы безмолвно прося за нее про-

щения: «Пожалуйста, не обижайтесь, я понимаю, что вы и опытнее и умнее меня, но я знаю, что прав, и по-иному думать не смогу».

Да, говорил он, ему не было и полных четырнадцати лет, когда Алексей Алексеевич, рабски подчиняясь Озерцовой, предал семью. Но разве требуется дожить до семидесяти, чтобы суметь отличить верность от предательства? Почему предательства? А как же: уйти от тех, кто тебе предан всей душой, — значит предать их. Не только он, но и мама так считает. Поэтому и мучается. Какие там чувства связывают Алексея Алексеевича и Озерцову, ему, конечно, не разобрать, но это ведь ничего не меняет в главном: они растоптали жизнь его мамы. Нет, с Алексеем Алексеевичем он ни разу не объяснялся. Зачем? Поступки важнее слов. Прежде чем отправить телеграмму, он спрашивал себя: «Вправе ли ты, щенок, еще не нохавший жизни, судить, да и не только судить, но и наказывать?» Легче всего решить: «Не имеешь права!» Но это трусость! Ведь если он не накажет Озерцову, ее никто не накажет. А ему что делать? Смириться? Стерпеть? Он бы этого себе никогда не простил. Зло нельзя оставлять безнаказанным, это безнравственно. Таков был ход его мыслей. Саша вызывал и гнев и недоумение, но сквозь чих прорывалось и сострадание к нему. Станным образом из несочетаемых черт складывался характер Саши: он заботлив, чуток к своей матери. А на этих добрых чувствах возшла отталкивающая жестокость. Нравственно безответственный, пошедший на преступление, однако он тянулся к справедливости, но до чего же она была искажена в его восприятии! Торопливый, а подчас до удивительного поверхностный в своих суждениях, мальчик считал невозможным для себя поступиться ими. В Сахе была как-то вывихнута самая способность определять, что есть нравственные ценности. И думалось: какими же искривленными путями (и кто их искривил?) шла жизнь юноги Коврова с тех пор, как отец стал для него Алексеем Алексеевичем, и что должен был пережить подросток, чтобы так пагубно извратились его представления о «можно» и «нельзя»?

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ СЛОВОМ

Отвечая на вопросы следователя, Саша сказал, что Евгения Сергеевна, его мама, не знала и не могла знать о телеграмме. Третье лето Саша на каникулы приезжает в Анапу, здесь живет дядя, брат матери. В прошлый четверг Саша пришел к своей знакомой, Нине Бердышевой, она работает вожатой в пионерлагере. Никак этого не ожидая, Саша увидел там Наташу Озерцову, до этого он видел ее всего один раз. Они с мамой что-то покупали в Гостином дворе, мама показала ему молодую женщину с девочкой, это были Озерцова и Наташа. Несмотря на магазинную круговерть, Саша разглядел их и запомнил. Все же, проверяя себя, он спросил Нину Бердышеву, и та подтвердила: да, это Наташа Озерцова, из Ле-

нинграда приехала. Утром следующего дня он отправил телеграмму.

На вопрос, знал ли он, что Алексей Алексеевич в отъезде и Татьяне Михайловне не на кого будет опереться, когда получит телеграмму, Саша ответил:

— Не знал. Что делает и где пребывает Алексей Алексеевич, меня не занимает.

Не смысл ответа, а тон его подсказал следователю необходимость спросить:

— Нашлась возможность, и ты «отомстил» Татьяне Михайловне. А если подвернется случай «отомстить» Алексею Алексеевичу, как поступишь?

— Не знаю. Что ни скажу, будет неправдой. Не знаю!

Допрос не дал ожидаемых результатов. Юноша не сделал и первого шага к тому, чтобы осознать если не преступность, то хотя бы нравственную недозволенность совершенного им. Не разумнее ли и предусмотрительнее будет, решал следователь, заключить обвиняемого под стражу до суда?

Учитывая особенности дела, расследование его было целесообразно вести в Ленинграде, где живут все те, кто может многое прояснить в нем. Хотя Евгения Сергеевна и не знала о преступном замысле сына, было ясно: от нее многое идет.

Со слов Саши могло создаться представление о Евгении Сергеевне как о мученице — навеки скорбная вдовица при живом муже. Насколько это не вязалось с действительностью! Высокая, легкая, несмотря на полноту, и быстрая в движениях, со вкусом и даже тщанием одетая, Евгения Сергеевна, очевидно, считала, что оставленная жена неизменно вызывает оскорбительную жалость, и всем своим видом демонстрировала: «Со мной ничего плохого не произошло!» В сочувствии не нуждаюсь.

Евгения Сергеевна не оправдывала поступок сына. Но на вопрос, как же объяснить, почему Саша, столь, по ее словам, мягкий и даже рыцарственный, сотворил такое, она, не колеблясь, ответила: «Гены!» Понимать это следовало так: проявились черты отца.

Но если допустить, что Алексей Алексеевич виноват перед женой и сыном, то почему мстить обращена против Озерцовой? Для Евгении Сергеевны тут было все ясно:

— Не Алексей Алексеевич женился на Озерцовой, а она взяла его в мужья. Она держит его в рабском подчинении. — Евгения Сергеевна повторила слова сына.

Алексей Алексеевич Коврова обстоятельно допрашивали: как складывалась и почему распалась его первая семья? Дважды он приходил к защитнику Саши, стараясь разобраться, есть

ли его отцовская вина в преступлении сына, а если есть, то в чем она.

Вскоре выписалась из больницы Татьяна Михайловна. Давая показания, она не скрывала безразличия: «Месть больно пакостная, не мужская». Но не захотела досказывать свою мысль: «Злобность Саши внушена матерью».

Все они по-разному рассказывали, как сплелись их жизни. Иного и нельзя было ожидать. Но именно поэтому и всплыла правда. И вот что открылось.

Евгении Сергеевне шел двадцатый год, когда она вышла замуж за Коврова, молодого петрографа, только-только окончившего институт. Она считала замужество высшим достижением своей жизни. Ошибется тот, кто поду-

мает, что она наделяла своего мужа какими-то исключительными достоинствами, в ее чувстве к нему не было глубины, для нее важно было, что замужество давало ей ощущение прочности существования. Она по натуре, как было сказано о ней в прениях сторон, повилика: чтобы жить, ей надо обвиться вокруг того, кто будет с ней неразлучен. В ее глазах незамужняя женщина несет на себе клеймо неблагополучия, вызывает сострадание. Хромоножка на танцевальной площадке.

С первых дней брака Евгения Сергеевна изливала таким широченным потоком свою заботливость на Алексея Алексеевича, что, благодарный, растроганный, он все же не мог отделиться от смущения (не заслуживает он такой заботы, излишняя она!) и ласково говорил молодой жене: «Ты соскочила бы с операционного стола, чтобы смазать мне йодом царапину на пальце». Он считал бы себя негодяем, если, принимая ее нежность и заботу, позволял себе рассматривать в лупу свое чувство к ней: подлинная ли это любовь. Рождение Саши не внесло значительных изменений в духовный уклад семьи. Саше отдавались необходимые любовь и внимание, но в центре внимания и Евгении Сергеевны и Саши, когда тот подрос, оставался Алексей Алексеевич. Конечно же, не без стараний Евгении Сергеевны. В одном из своих разговоров с ней защитник сказал, что Саша всякий раз уходит от ответа на вопрос, как он относился к отцу до распада семьи. Евгения Сергеевна, не затрудняясь, нашла объяснение:

— Стыдится своих прежних чувств к отцу. Сын считал, что его отец не просто хороший, а лучший. А отец...

Весна того переломного в семье Ковровых года началась огорчительно: Коврова отправляли в длительную командировку — хорошо, если уложится в полгода, — и очень отдаленную, в Красноярский край. Туда послали большую комиссию, необходимо на месте решить комплекс геолого-петрографических вопросов. В комиссию входили специалисты разных профилей, в том числе и незнакомая Коврову Татьяна Михайловна Озерцова, работник геологического научно-исследовательского института.

Алексей Алексеевич был человек одаренный и в то же время обделенный. У него хватало таланта предложить идею глубокую, дерзкую — вызов стандартному мышлению, — но добиться ее признания без борьбы невозможно, а на борьбу Алексей Алексеевич не способен: не тот характер. Не раз его идеи оставались не воплощенными. Так было бы и в Красноярске. Но неожиданно для Коврова Озерцова, чей вес в науке был еще мал, вступила в отчаянную, даже с переклестом, борьбу за идею Коврова, она покоряла своей увлеченностью, а порой изумляла силой доводов. Тут уж Ковров не мог не втянуться в борьбу.

Союзники по общему делу, целыми днями они работали неразлучно, радуясь совпадению мыслей, настроений, дела успехи и неудачи, становясь все необходимее друг другу. Они и себе не признавались, что полюбили.

Незадолго до конца работы комиссии Озерцовой разрешили на неделю съездить в Иркутск навестить мать. За дни разлуки Алексей Алексеевич сколько ни корил себя, как ни взывал к чувству долга, обманывать себя больше не мог: он понял, что любит Татьяну Михайловну. Да и Озерцова не вынесла долгой разлуки, на пятый день приехала в Красноярск.

Смятенные, счастливые и несчастные, возвращались они в Ленинград. Озерцовой было все же легче: дома ее ждала только шестилетняя Наташа. С ее отцом Татьяна Михайловна, не пускаясь в долгие объяснения, сразу же порвала, увидев, до чего он испугался, когда узнал, что ожидается ребенок. Она понимала, насколько труднее Алексею Алексеевичу. Но тут ничем не могла ему помочь. Все должен решать он сам. Кто возьмется сказать, как ему следовало поступить? Он избрал худшее: половинчатое решение. В первую же ночь по приезду в Ленинград Ковров рассказал жене об Озерцовой. Он решил не уходить к ней, это было бы для Саши опасной ломкой. Саша не должен ничего знать о Татьяне Михайловне, пусть для него семья останется прежней. А когда подрастет, уход отца для него не станет трагедией. Алексей Алексеевич просил по-

верить, что ему горько причинять боль Евгении Сергеевне, но чувство к Татьяне Михайловне сильнее его, порвать с ней он не может. За эти два-три года, пока Саша повзрослеет, встречи с Озерцовой будут не очень частыми, и он все сделает, чтобы Саша о них ничего не узнал. Ради сына Евгения Сергеевна должна позволить ему остаться в семье.

Пятнадцать лет прожил Алексей Алексеевич со своей женой, но как мало он ее знал! Ей, рожденной, чтобы быть хранительницей семейного очага, предложить заменить ничем для нее не заменимую жизнь в супружестве фикцией, жалким суррогатом семьи, значило кровно обидеть и унижить. Разрушитель семьи для нее — святотатец. И он смеет предлагать ей помочь ему в обкрадывании святости! Для Евгении Сергеевны не было ничего страшнее распада семьи, но тут не колебалась: играть в семью, которой нет, она не будет. Саша в таком возрасте, когда его уже не обманешь, только развратишь ложью. Есть только один выход, и другого не будет: завтра же неверный муж уйдет. И навсегда. Забота о сыне с этого часа только ее забота. Ни видаться с сыном, ни писать ему она не позволит. По крайней мере до тех пор, пока Саша закончит школу, а там уж сам будет все решать. Объясниться с сыном перед уходом тоже не разрешит. И если хоть раз попытается встретиться с Сашей или написать ему, она увезет сына из Ленинграда, и Ковров следа их не найдет. Если он выполнит ее условия, то может звонить ей на работу и справляться о Саше. Саша не сразу узнает о разрыве, он будет считать, что отец в командировке. А потом постепенно правда раскроется.

Алексей Алексеевич покорился, надеясь, что пройдет какое-то время, Евгения Сергеевна опомнится и поймет, что Саше нужен отец. Она настояла на разрыве, но страдала жестоко. Вина мужа выдвинула ей безмерную. Полюбил! Какое же это оправдание! Одно то, что он не задушил в зародыше своего чувства к Озерцовой, подло и бесчестно! Всякий совестливый человек задушил бы! И никаких сомнений, права ли в своем безоговорочном осуждении, она не испытывала. Может быть, тут сработал инстинкт самосохранения: чтобы хоть немного сгладить боль утраты, Евгении Сергеевне надо было заставить себя поверить, что тот, кто был ее мужем, — ничтожный, дрянной человек.

Честно говоря, Коврова мало задумывалась над подлинной трудностью взятой на себя задачи. «Тысячи матерей решают ее, решу и я», — успокаивала она себя. Но чужой опыт тут не подмога. Саша был в том возрасте, который принято называть трудным. Прежде всего для самого подростка. Возраст незрелого и потому непримиримого максимализма, никаких полуправ, в человеке или все залито солнцем или погружено во тьму. В Саше все хрупко, ничего не устояло, а тут жизнь поставила его в труднейшее положение: распалась семья! Самые дорогие ему люди, такие навечно спаянные, внезапно и непонятно почему-то пошли в разные стороны, прочь друг от друга. За кем пойти? От кого отвернуться? Оставаясь с одним, не предашь ли другого? Как подростку сохранить душевный мир? Да и возможно ли сохранить его? Казалось, это и должно было больше всего тревожить мать. Ей надо бы помочь сыну, а она стала искать поддержки в нем, наперед считая, что он все вынесет. Евгении Сергеевне виделась безмерной не только вина Алексея Алексеевича, но и беда, в которую он ее вверг. Что бы как-то вывести ее, не захлебнуться, ей необходимо было, чтобы кто-то делил беду с ней, сострадал, вместе с ней негодовал и возмущался. Ни с кем посторонним она не хотела делиться (унизительно!). Саша — отдушина, перед ним изливала душу, не стесняясь, поддалась мстительному чувству, чернила Алексея Алексеевича, внушала, что отец — себялюбивец, лишенный чувства долга, легко принесящий в жертву жену и сына, неспособный понять истинную ценность любви. Иначе разве могла бы его поработить жалкая интриганка, эта Озерцова, которую привлекает не столько Алексей Алексеевич, сколько надежда, что он вот-вот станет доктором наук?

Непостижимо, как Евгения Сергеевна не видела, сколько зла она приносит сыну. Никто лучше ее не знал, чем был для Саши отец. Как было ей не понять, что, разрушая веру в отца, она не только обрушивает непосильное горе на Сашу, но ломает и калечит его только еще идущую в рост, неокрепшую душу. Ежели мать внушила сыну, что он горько и страшно ошибся в отце, то как подростку сохранить веру в добро, в чистоту чувств? Как могла Евгения Сергеевна не понять, что это она проложила дорогу к телеграмме? И чего стоят ее самооправдания: «Все, что я делала, делала в воспитательных целях, пусть поведение отца будет для сына незатухающим предупреждением: не идти по его стопам».

В рассказах Евгении Сергеевны о сыне были два обстоятельства, которые она неизменно обходила молчанием. Оба эти обстоятельства непонятны и трудно объяснимы. Первое — как мог Саша, еще вчера так любивший отца, не почувствовать потребности, прежде чем осудить его, объясниться с ним, дать ему возможность оправдаться? Как Евгения Сергеевна сумела предотвратить попытки сына встретиться с отцом, как «уберегла» Сашу хотя бы

от письма к отцу? И второе — три года разделяют уход Алексея Алексеевича и преступление. Подросток стал юношей. Теперь он уже не мог не спросить себя: справедливо ли считать отца бесчестным и низким только потому, что он, как это считает мама, не пригласил новое чувство? А что, если оно глубоко и чисто? Как мог Саша не спросить себя: «Что я знаю об Озерцовой, кроме того, что она захотела быть с тем, кого любит и кто ее любит?» Три года, прошедшие после ухода отца из семьи, недостаточны, чтобы утихла и гнев и горечь, а в Саше они только возросли. Почему? На эти вопросы Евгения Сергеевна не дала ответа, когда защитник впрямую их задал. Правда, частично ответил на них Саша, он рассказал о тяжелой обиде, нанесенной маме Алексеем Алексеевичем, нанесенной по несомненному наущению Озерцовой. Это многое объясняло в преступлении Саши. И смягчало его вину. Правдивость Саши не вызвала сомнений у защитника. Не вызвала до последнего прихода к нему Алексея Алексеевича. Само собой разумеется, защитник не стал говорить с ним о том, что ему рассказал Саша. Но в ходе беседы Ковров упомянул, не придавая этому значения, что с марта, в течение четырех месяцев, его не было в Ленинграде. Если это так, значит, весь рассказ Саши — выдумка, никакой обиды, о которой с таким возмущением рассказывал юноша, не было.

— О какой обиде вы говорите? — спросила Евгения Сергеевна скорее испуганно, чем недоуменно.

— Вы не догадываетесь? Саша рассказал мне о «грецком орехе».

Лет семь или восемь назад Алексей Алексеевич случайно раздобыл занятный сувенир: на вид самый настоящий грецкий орех, а на давишь на едва заметную кнопку, «орех» раскрывается: одна половина — часы, другая — медальон. Безделушка была куплена для Саши, но он настоял, чтобы «орех» был подарен Евгении Сергеевне. Это был подарок их двоих, мужа и сына. В медальон вставлена фотография Саши. Евгения Сергеевна носила «орех» на шейной цепочке, носила и после ухода Алексея Алексеевича, ведь он был больше подарком сына, чем мужа. Незадолго до отъезда в Анапу Саша увидел на мамином туалетном столике ту свою фотографию, что была в медальоне. Тогда и призналась Евгения Сергеевна: Алексей Алексеевич звонил ей, требуя вернуть «орех», а так как его будет носить Озерцова, то просил вынуть фотографию Саши из медальона. Требование это было выполнено.

— Если умолчать об «орехе», это повредит Саше? — спросила Евгения Сергеевна.

— Несомненно!

Реакция была неожиданной, Евгения Сергеевна, не выронившая ни разу и слезинки, разрыдалась. Когда взяла себя в руки, сказала то, чего защитник никак не ожидал:

— Алексей Алексеевич никогда «ореха» не требовал, я его и не отсылала, припрятала. Всю эту историю я выдумала. Что мне теперь делать?

Это была не единственная «вина» Алексея Алексеевича, а заодно и Озерцовой, «вина», которую выдумала Евгения Сергеевна. Все три года подмечала она: затаилась, но не ушла из сердца Саши любовь к отцу, нет-нет, а похнычет в нем надежда, — может быть, мама ошиблась, папа вернется и все пойдет как раньше. Все три года грызла Евгения Сергеевна тревога: не найдут ли сын и отец дорогу друг к другу? Вот почему сразу же, как только распалась семья, она принялась выдумывать обиды, чтобы каждая из них стала завалом на этой дороге от сына к отцу, чтобы сделали они ее непроходимой. Алексей Алексеевич ушел в октябре, а 29 ноября — день рождения Саши. Сколько ни просил Алексей Алексеевич, запретила ему Евгения Сергеевна поздравить сына. А потом сумела внушить Саше, что новая семья до того заполнила чувства отца, что даже в день рождения сына не удосужился вспомнить о нем. «Чего проще, — негодовала она, — послать телеграмму, но и этого не сделал». Так все три года Евгения Сергеевна подбрасывала дрова в костер, разжигая обиду и боль, выдумывая несуществующие вины. И вот сейчас разговор с защитником Саши, Евгения Сергеевна рыдает и больше ничего не утаивает от него. И не потому, что наконец поняла: каждая «вина» отца — рубец на сердце Саши, а когда их много, сердце ссыхается и опасно ожесточается. Нет, не потому. Она страшится того, что ее ждет. И еще. Рассказать суду об «обиде», в которые поверил Саша, необходимо, ибо нет другой возможности смягчить вину Саши. Суд должен знать, что «орех» был последней каплей. Но если об этом скажешь, Алексей Алексеевич легко опровергнет выдумку, и Саша поймет: мать ему

лгала! И не простит. Она останется одна. На- всегда.

Саша на всех допросах и словом не обмолвился об обидах, нанесенных его матери. Он знал, что маме при ее обостренном самолюбии нестерпимо, когда посторонние люди ее жалеют, знал, что публичное обсуждение в суде обид, нанесенных бывшим мужем, будет для мамы мукой, потому и не сказал о них. Неожиданно для себя самого он рассказал защитнику об «орехе». Но тут же предупредил, что в суде об этом промолчит. И сдержал свое слово.

Когда Саша давал объяснения в суде, ему настойчиво предлагали вместо общих, ничего, по существу, не значащих фраз, вроде «рас- топтали жизнь», «неискупимо виноваты перед мамой», привести факты. Саша молчал в ответ. Создавалось впечатление, что таких фак- тов нет.

Невольно, нисколько не желая этого, Алек- сей Алексеевич и Татьяна Михайловна, давая показания в суде, ухудшили и без того тяже- лое положение Саши, хотя всячески старались облегчить его участь. Они объясняли его ду- шевное состояние очень бережно, боясь при- чинить боль, и при этом были полны такой искренней снисходительности, что при сопос- тавлении их нравственного облика, их отноше- ния к Саше со злобностью телеграммы она, эта злобность, выглядела необъяснимой и вы- зывала все более резкое осуждение. Надо вот еще что принять во внимание: Саша, который полностью верил в вымысел матери, расцени- вал душевную мягкость, которую в суде про- являли отец и Татьяна Михайловна, как лице- мерие, притворство и приходил в бешенство. А выглядело это так: вот каким ожесточением отвечает подсудимый на благородную добро- желательность потерпевших! Поэтому предсе- дательствующий и спросил Сашу: «Допустим, вы никакой телеграммы не отправляли, сего- дня вы бы ее отправили?» Председательству- ющий не расслышал ответа, а возможно, ус- лыхав, не поверил себе и потому сказал: «По- вторите ваш ответ, я не расслышал». Саша от- ветил отчетливо: «Да, отправил бы!» Он пони- мал, какие беды принесет ему его ответ. Но для Саши сейчас было важнее другое: пусть знает отец, что сын ничего ему не простил, не дал себя обмануть ханжеской мягкостью.

Надвинувшуюся беду учуяла и Евгения Сер- геевна. Она пришла в суд, так и не решив для себя, откроет ли правду, правду, которая от- толкнет от нее сына. Но ответ Саши все из- менил. Теперь она знала: промолчит — раз- разится беда, скажет правду — судьба Саши изменится к лучшему. Евгения Сергеевна больше не колебалась.

Могут сказать: чему тут удивляться, разве можно было другого ожидать от матери? Да, это верно, и все же было бы несправедливо недооценить то, на что решилась Евгения Сер- геевна: ради Саши она теряла Сашу, для нее это было актом самопожертвования. И совер- шила она его достойно. Ничего не преумени- ла, ничего не приукрасила, ничем своей вины не смягчала. Трудная это была исповедь. Но точная и внешне бесстрастная. Тем сильнее она волновала. И пока Евгения Сергеевна да- вала показания, она ни разу не взглянула на Са- шу. Поэтому у нее и хватило сил досказать до конца.

Ни прокурор, ни адвокат не задали Евгении Сергеевне ни одного вопроса. Ее показания были исчерпывающими.

После того как прокурор и адвокат обмена- лись речами, председательствующий предоста- вил последнее слово подсудимому. Саша встал. Ошеломленный, потерявший себя, он молчал. А потом сказал:

— Я столько сегодня узнал и не могу еще ни в чем разобраться, можно, я завтра скажу? Суд согласился. А назавтра Саша сказал свое последнее слово, и было оно обращено не к судьям.

— Папа! — И запнулся, словно удивляясь, что так вымолвилось. — Татьяна Михайловна! Я знаю, что не имею права на прощение, но, если можете, простите! — И умолил, замученный сты- дом.

«Ни слова обо мне — ни в осуждение, ни в утешение», — сказала Евгения Сергеевна.

— Вы все сказали? — спросил председатель- ствующий.

— Все.

Сашу осудили условно. Осенью он вернется в школу. Но вернется ли душевный мир, вернет- ся ли вера в человека? Их три года подтачива- ли. Вернутся ли?

гастроли

ВОРОНЕЖЦЫ В МОСКВЕ

Приезд Владимира Ильича Ленина к рабочим — вот ключевой, определяющий момент спектакля «Третья патетическая» Н. Погодина, которым Воронежский дра- матический театр имени А. Кольцова открыл свои де- сятые гастроли в столице.

В первые же минуты по- явления на сцене Ленина происходит чудо узнавания: реакция зала мгновенна — свой среди своих!.. Светит- ся, шутит, сияет улыбкой Владимир Ильич, встрече с товарищами рад необычай- но. Восхищается работой сталеваров: сталь на заводе не уступает рурской!

Энергичен и деятелен Ле- нин, чей образ влюбленно создает заслуженный ар- тист РСФСР В. Соколов, по- казывающий своего героя — в ту пору уже больного — неутомимым вождем рево- люции.

Давно прекратил сущест- вование филистерский мир российского обывателя, с ко- торым непримиримо борол- ся Ленин. И вот эти «тени прошлого» вновь ожили на сцене для того, чтобы зри- тель вынес им свой приго- вор.

Озлобленную дамочку из «бывших», Настю, играет молодая актриса Н. Гринш- пун. Тонкая, гибкая, краси- вая, напевная, такой и должна быть «роковая» женщина, погубившая Ва- лерика Сестрорецкого. В ис- полнении Е. Малишевского он человек слабый, жалкий в своей «неразборчивой»

любви. Страшна, драматич- на у артиста Г. Гладких фи- гура Гвоздилина-старшего с его мертвой хваткой дельца- ворониты. Советскую власть ненавидит он истово, лю- то, — это проигравший, обе- зоруженный, но умный и ко- варный враг.

Боль за родного человека, мучительные сомнения при- водят инженера Ипполита Сестрорецкого в Кремль. Суровый «мужской» разго- вор с Владимиром Ильичем становится беседой о судь- бах революции, о грандиоз- ной ломке старого мира. Ленин заставляет Ипполита (Ю. Кочергов) вновь пове- рить в себя.

Трагический по сути сво- ей спектакль — поскольку смерть Ленина как бы заново переживают не только артисты, но и зрители — тем не менее звучит опти- мистически, выражая глущу- ю веру в неизбежность исторических свершений Великого Октября. Спек- такль поставлен главным режиссером театра, лауреа- том Государственной пре- мии РСФСР Г. Б. Дроздо- вым к 60-летию Октябрьской революции. Он же осущест- вил постановку пьесы А. М. Горького «На дне», прошед- шую с большим успехом на гастролях воронежцев.

И здесь широкими жиз- ненными обобщениями по- коряет режиссура Г. Дроз- дова, предложившего сме- лую и точную трактовку су- деб босняков-ночлежников. В спектакле снова встреча-

ешь детальную разработку характеров, снова видишь, что, строго следуя букве произведения, режиссер в то же время отнюдь не «традиционен». Его обра- зы, сохраняя неповторимый колорит горьковского пись- ма, обретают ту свежест прочтения, которая всегда радует поиском, стремлени- ем к пониманию тончайших изгибов человеческой души.

Особенно необычным, не- стандартным предстает Лу- ка в исполнении артиста В. Соколова. В спектакле воронежцев этот образ — символ торговца человече- скими душами. Вечную кате- горию добра старик превра- тил в статью своеобразного нравственного «дохода», свершая спекулятивные сделки как поставщик иллю- зорного, мифического сча- стья.

Не в библейском самобиче- вании и рабской покорнос- ти — сила человека, утверж- дает театр. Тезис: «Чело- век! Это звучит гордо!» — театр как бы расшифровы- вает и дополняет: человек горд, если он свободен, е- сли жизнь его отдана лю- дям... Становление актив- ной, преобразующей мир личности отстаивает театр, торжественным гимном че- ловеку нового мира звучат бессмертные горьковские строки.

...Таковы были лучшие спектакли воронежцев на московских гастролях ны- нешним летом.

Е. ИВАНОВА

О ПРИРОДЕ С ЛЮБОВЬЮ

Прекрасные страницы русской прозы посвящены природе, охоте. Вспомним лиричного Тургенева, точ- ного С. Аксакова, филосо- фичного Пришвина. И в на- ши дни появляются, и не- редко, произведения об охо- те. Равняем мы их с класси- ческими вершинами и раду- емся, когда какой-то писа- тель сумел приблизиться к высокому уровню, и не то- лько приблизиться, но и при- нести в эту неисчерпаемую тему — человек и природа — какой-то свой, пусть не столь яркий, но свой лу- чик, осветивший новую грань этой вечной пробле- мы.

У Александра Беляева, автора книги «Синие дали», зоркий глаз человека и худ- ожника, патриота русской природы. Кажется, что он знает все ее тайны: настоль- ко легко и уверенно ведет он повествование о весен- них зорях и зимнем ау- канье леса, о тонкостях охот- ничьего промысла и о по- вадках волков, медведей и птиц. Вместе с его героями хочется подсматривать, как медведица, спасая детены- ша, без страха бросается в бурную реку, а потом го- рюет, плачет, обдав бе- рега печальным рыком; хо- чется быть на месте сер- жанта Семена Куракина, приехавшего в родное село в короткий солдатский от- пуск и вместо отдыха про- охотившегося на коварного волка, не дававшего житья односельчанам.

А как захватывает по-

А. Беляев. Синие дали. М., «Московский рабочий», 1976, 320 стр.

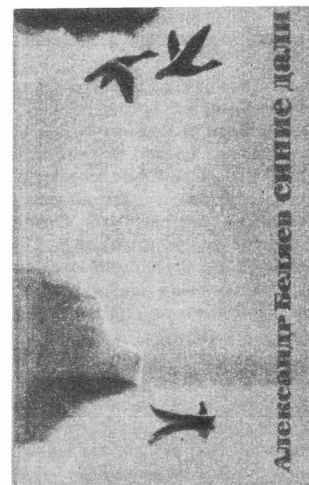
весть «Пуса — бог деревян- ный» — об удивительно за- кончившейся охоте на ост- рове, куда в весенний паво- док не ступала нога чело- века...

Герой повести сохраняет жизнь дикой утке, которая после гибели селезня, не боясь выстрелов, долго ме- талась возле друга, взмы- вала вверх над страшным местом, опускалась и «си- дела у противоположного берега больше часа и все звала и звала его». Ситуа- ция как бы очеловечена. Так же, как мы, люди, це- ним друг в друге смелость и верность в трудную мину- ту, так и в зверином обще- жестве эти качества достав- ляют нам восхищение и ра- дость. И гордость. За все живое на земле.

Писатель в своих расска- зах и повестях удачно ана- лизирует сложные конфлик- тные ситуации, возникаю- щие в природе. Но в его произведениях нет противо- поставления человека при- роде. Конфликт, впрочем, возможен, когда речь идет о браконьере, убивающем зверя или птицу, но в глав- ном своем предназначении, считает писатель, человек и природа слиты воедино. И в этом — достоинство всего, о чем пишет А. Беляев.

Мы часто говорим сегод- ня о тех бедах, которые не- сет бездумное отношение к неповторимому земному ма- териалу — рекам, озерам, лесу, порой забывая при этом, что именно от каждо- го из нас зависит будущее планеты.

Рассказы и повести Беля- ева — о мудрости природы, ее глубоко лиризм, спо-

собности очищать душу че- ловека от всего чуждого, наносного. К тому же точ- ное перо, внимание писате- ля к деталям, прекрасное знание природы часто от- крывают читателю глаза на то, мимо чего, возможно, он и прошел бы, не заметив, не обратив внимания.

А. Беляев — художник не- сомненно одаренный тем богатым внутренним миром, который дает нам право ве- рить каждому слову, сказан- ному им во славу и защиту нашей родной русской при- роды.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Не то, что мните вы, природа...

Ф. Тютчев.

Усадьба стояла на пригорке. Дорога восходила на него отлогой петлей, а рядом с дорогой башней высилась ель, на макушке которой вместо одной вершинки четыре или пять мохнатых ветвей сплелись в фигуру старинной ладьи с мачтой, лебединым носом, вздернутой кормой.

Это осталось как прежде.

И точно такой же, прежний, встретил Степан Григорьевич.

— Рады. Вот так, значит,— проворчал он.— А мы с Лидией Ивановной... Лида! Прибыл!

— Руки не подаю, обтерла, да все еще мокрое, постирушку затеяла. С утра ждала и ждалась. Не стареет и не стареет, что ты будешь делать! Может, секрет у вас какой? Поговорите со Степаном, а я ужин...

— Иван-то где? Иван Прокофий! Верно, смотался домой, восвояси. Завтра повидаете. Этакую бородину отстранил!

— Так что у вас все-таки стряслось?

— Ну, стряслось... Землетрясений нету, не в том поясе проживаем, а вот про что сообщал: дубы.

— Уже видел. Перед усадьбой.

— Эти еще что! Есть такие — дочиста обглоданы. Голые, в лоскутках листы. Хорошо, говорю, что сразу к нам собрался!

— Дубовая листовертка?

— А вы подойдите к любому дереву. Так и кипит молями, так и кипит! И какая сочность рядышком, ни листочка не тронута на других деревьях. А тут — без промаха. Обглодано, сожрано. Что ни дуб. Помните главную гордость — на шестом участке?

— Как не помнить! У лукоморья дуб зеленый...

— Зеленый. Посмотрите. Был зеленый. И откуда что — именно в этом году? Я двадцать лет здесь работаю... Плоховато еще разбираемся, то-то и беда.

Так начался разговор лесничего Степана Григорьевича, «старого лесовика», как он себя называл, хотя и седина еще не коснулась волос, и гостя, сразу откликнувшегося на тревожный призыв. Вместе когда-то начинали, в одном лесхозе, и оба знали, что ниточка не оборвалась, даром что Степан Григорьевич не преминул сопроводить отправку своего письма, да еще телеграммы вслед, ворчаньем жене, Лиде: «Вон он, твой Чепурной! Теперь глядеть на него — голову закидывай и шапку придержи: свалится. Забывать стал — скажешь, нет? Отстукает в ответ десять строк на машинке — вот подожди, я тебе говорю! Шутка ли, доктор наук, в центральном институте! Посмотрим, посмотрим, целы ли старые дрожжи...»

И ворча так, по своей манере, ждал нетерпеливо, и комната ждала, прибранная Лидой, прохладная, чистая, с запахом леса, травы.

Продолжался разговор и за столом. Лида только слушала, подкладывая в тарелки. Чепурной сказал:

— Нарушение экологического равновесия. Надо бы потянуть нитку в прошлый год. А то и глубже копнуть. Гусеницы осенней кладки — правильно? Во всех работах о кривых вспишек...

Степан Григорьевич перебил:

— Про всех не знаю, а в тех, что попада-

лись, — допуски в обе стороны, от широкой души. Жди-ожидай через три года; не удивляйся, ежели и через два; а нет — так через пять, это уж верно. Космическая эра, избалованы точностью: запуск сегодня, а на Венеру — запоминай год, месяц, день, час и еще двенадцать с половиной минут. А в спорте? Фотофиниш — сотые доли секунды, глазом не мигнешь. Тут же либо дождик, либо снег. Смешно! Что это мне дает? Чисто практически? Вроде иных прогнозов погоды: циклон — антициклон, бабушка надвое...

— Как это я позабыл, Степан Григорьевич, что ради красного словца готовы вы иной раз...

— Да какое словцо, при чем словцо тут, ей-богу... Покойник Николай Сергеевич Щербинский пытался же расчертить нашествия саранчи, как строгий чертеж. И помогло в свое время, про нас не говорю, мы-то сладили с акридами, но в таких странах, как Иран, Афганистан. Мне он сам рассказывал, что даже и в Техасе, в Соединенных Штатах. Но с этой чертовой листоверткой!.. А чтобы заодно голову помочить — комаров, напротив, нисколько. В самый комариный разгар!

— Что?! А я с собой и «Тайгу» и «Ангару»...

— Ну, и у нас бы нашлось. Забыл?

— Жена в последнюю минуту сунула в чемодан.

— Места не пролежит. А только ни единого комарика. Любопытно?

— Еще бы!

— Главное, сам прибыл. Разберемся вместе! Долговременные записи в порядке. Экология, фенология. Кое-что систематизировано. Есть заметки. Задача — предвидеть, не в мировом масштабе, а в местных условиях. Второе — предупредить. И методы борьбы. Прежде всего, так полагаю, — биологические. Ну, птицы — само собой. Вопросы нет. Обязательно припречь и насекомых — на пристяжку. Тут вопрос. Ну, наездники, подобрать из браконид... Маловато знаем, маловато. Но я вот о чем: а если и муравьев?

— Это же вы... Моя давняя мысль. Вон вы как!

— Сошлись? Тем лучше. Именно, именно мураши. Муравьиные братья.

— Прямо угадали!

— А примеры-то хоть есть?

— В Молдавии. Завезли, как стражу садов. Вышло.

— Отлично. Не первооткрыватели — и не претендуем. Значит, меньше плутать будем.

— А вот как насчет ядохимикатов?

— А вы-то сами как?

— Ну-у... У меня своя точка зрения. Считаю, перебарщивали. Из песни слова не выкинешь.

Степан Григорьевич потянулся чокнуться с гостем, отер рот, ухмыльнулся, очень довольный.

— Что перебарщивали — психология понятная. Соблазн. Да какой! Все одним махом — тут тебе и все козыри. Так что давай, давай! Взять хоть у нас... Опять сойдемся? Или нет? Я долдоню: художнику писать картину, а ему в руки — помело. Мне в ответ: здесь тебе не вернисаж в Манеже, принимай машину, оплылай по инструкции — кишечный яд. Я за свое: а как прицелишься в недруга, зацепишь друга да и в свое брюхо угодишь рикошетом?

Чепурной положил вилку и нож на тарелку, коснувшись груди, помотал головой хозяйке.

— Я узнаю Григория Грязнова, — произнес он речитативом. — Ну, а все-таки поговорочку слышал, ее особенно философы любят: выплеснуть с водой из ванны и ребенка? Как бы не перегнуть в другую сторону, это мы тоже умеем. Сельскохозяйственная авиация на полях делает громаднейшее дело.

— А я вовсе не про массивы хлебов, не трогаю и не касаюсь, ни боже мой! Я про свой особый случай, местные условия. Да и чего добились мы тогда, если интересует? Всего ничего: проходили в еретиках. Амнистированы,

впрочем. Лидия Ивановна, я не понимаю, ты что? Какая тебя муха? А, виноват, заговорился, — чего ж ты раньше? Человек с дороги, ему отдохнуть, вижу, вижу. И, правда, всего не переговоришь. Комната готова, та самая, Лидия Ивановна все прибрала, она же у меня хозяйка. Утречком мы втроем с Иваном Прокофьевичем...

— Чутьочку отложим. Сперва похожу, чтобы собственными глазами... А встаю я рано.

Многое следовало повидать собственными глазами. Конечно, и кипение этой зелененькой молевидной мелочи — одной из причудливейших придумок природы. Бабочка вышла из прожорливой гусеницы-губительницы, и все у нее как положено: хоботок, сосущий рот, кишечник, но, точно во искупление грабежа и разбоя, ей с первого до последнего дня ни капли пищи! Никто не наблюдал, чтобы она питалась весь краткий брачный век. До голодной гибели. Великий, грозный круг жизни крошечного то ползучего и жрущего, то оцепенелого в виде мумии-куколки, то порхающего, осужденного на голодную смерть существа. Итак, и на это еще раз взглянуть собственными глазами. Но, пожалуй, наперед следует еще...

— Ясно, — говорит Степан Григорьевич. — Повадку должен бы я помнить, вон где сказало — давно не бывал у нас. Войти в курс, проветрить мозги. Я бы и сам после тех асфальтов на проспектах... И то судили-рядили с Лидией Ивановной, как это там выдерживаешь? Вроде совсем и непохоже на тебя, какой был, каким мы с ней тебя помним...

— Что правда, то правда, — отозвался Чепурной.

— Значит, в первую голову визит Степану озеру, его не миновать, так?

Не миновал. Хотя никаких дубов в той стороне не было. Но был зато как бы третий — после Кораблика и встречи со Степаном Григорьевичем, старым, нецеремонным товарищем, — третий звук камертона, чтобы войти, встроиться в дела этого уголка, казавшиеся малыми и далекими на «асфальтах и проспектах».

Зона лесостепная, знакомая дорога выводила на открытый простор. Последнее редкое «ку-ку» замерло позади, мало и кукушек в диковинном году.

И прежние, почти забытые с той поры, как осел в большом городе, желание петля охватило Чепурного на свободном одиноком пути. Он подавил его, чтобы не допустить грубого постороннего вторжения в окружающий лад, который предстояло постигнуть с прилежным терпеливым вниманием.

Мгновенно, осторожно застыл. Из дерновины на обочине выбежал жук с длинными, неприметно-землистого тона надкрыльями и решительным, ровным строевым шагом пустился поперек дороги. Скорость его была лилипутской, а дорога — широко раскинутой, в буграх и провалах, пустыней, можно было выкурить сигарету, пока он уверенно, не отклоняясь ни на йоту, прямо по линейке прокладывал свой маршрут — куда? Чем плоха правая обочина, что влекло на левую? В самом деле, все ли так уж, как на ладони, в хлопотах и заботах Мирка? («Маловато, маловато знаем», — буркнул ведь Степан Григорьевич).

Впереди засинело Степное озеро. Грива высокого берега притягивала его. Там и сям она подвешена, на выборках, срывах жирного черного веревками мотались корни густо растущих поверху, а перед выборками — иссохших тонких березок, ивняка, ольхи, орешника — хранителей озера. Чепурной был наслышан обо всем этом деле. В некий, как говорится, прекрасный выходной зафыркал косяк трех- и пятитонных эскадром бульдозеров, с празднично-веселыми экипажами добротных копачей. Мощные ножи-отвалы вгрызлись в высокую гриву, слитую в одно с зеленой охраной на ней, руша с лязгом и скрежетом земляные

глыбы; споро, с прибаутками их перекидывали в кузова, отбрасывая перерубленные стволы и ветки. Сверхурочная работка для нужд нескольких хозяйств, дружно объединившихся по такому случаю в воскресный денек: я тебе бульдозеры, а ты — машинный парк, мои — люди, рабочая сила; ну, ясно, — заодно не забыты и личные приусадебные участки, чтобы все шло резвей, веселей: земля-то — золото!

И какой бой, что за баталии принял на себя Степан Григорьевич со своим скудным персоналом, хотя вообще-то случай, формально рассуждая, мало касался их! «Браконьеры!..» И на такое пущенное вовсе не к месту словцо сколько пришлось выслушать ответных и занозистых — не только от непосредственных низовых выдумщиков рейда, но и с районной высоты! Ничья земля, а тут и план, и реализация озеленения, и огороды, плодородие участков, и живые люди! Ничья? Нет, и моя, и твоя, и достояние всего района, да и всех мимо идущих, кто взглянет и невольно приостановится у озера...

И вот теперь медленно зарастали срезь, срывы, жухлые, омертвевшие полосы.

На склоны, греясь, садились бархатные бабочки, разводя вверх-вниз крыльями с траурной каймой — как раскинутыми руками; недели через две таких уж и не встретишь.

Густая, но тусклая и, верно, суховатая листовая масса облекала забежавший в глубь озера мысок, а может, островок. Оттуда с легкими перерывами строчили две сороки, иногда вертляво показываясь, чтобы снова нырнуть под бледно-войлочный испод листьев — к своему делу. Шуму-то, самохвальства — ради скромненького подыгрыша чему-то, из почтительного отдаления!

А под сорочий аккомпанемент на прозрачном мелководье вдруг являлось изумрудное стадо, раздувая пузыри резонаторов по бокам плосколобых, златоглазых, со светлым подблем голов. И тотчас, издав свой возглас, замарало, возможно, вновь отступало под сень аира и хвощей. Оставался лишь тоненько, как струйка, звенящий звук. Да время от времени глухое утробное уханье. У самого края, в парном стеклянном слое толщиной в палец, сблизившись черной гущей головастиков, сквозь них змеилась резиновая надувная пиявка. И опять возглас изумрудного стада!

Чепурной припомнил давний разговор с Иваном Прокофьевичем.

— Вон ведь расписано, по косточкам разобрано соловьиное пение. Все колена. Целая наука. Терминология! Классика! А про лягушек — ква да ква. То птица, а это что? Лупоглазая тварь, забава для мальчишек, снесь для француз. А все-таки, я твержу, возьми и прислушайся. Вот так: трель, верно? А это: смех раскатится. И стон в одиночку. Бас — бу-бу! — из преисподней глубины. И точит, и точит, потом рассыплет серебряные ложечки. И подгребет под самый бережок. А такое вот — понятно? — только со свободной воды, не иначе, с середины пруда или там озера...

И он все показывал — хоть сейчас записать на пленку, — как это с середины и какое различие между перекличкой в молоке утреннего тумана и в русалочьи лунные ночи. Показывал и двигал кадыком, выпячивал губы, округлял щеки, сурово сводил брови, лицо его неузнаваемо менялось. Рулады, песни, целый оркестр, кто бы подумал — лягвы-лягушки, мальчишеская забава! Родится же человек с лешей хваткой, чтобы встать всем голосам!

В воздухе, низко над водой, носились бирюзовые ниточки. Ниточки-иглочки. Двигались туда-сюда острыми зигзагами, рывками-толчками. Как с полочки на полочку. Подолгу зависая над каким-нибудь стебельком. Часто склеенные по двое. Со стекляшками быстрых крылышек. Стрекоза-коромысло возле них — вертолет. От нее идет трескучий напор, вибрация воздуха, гудение мотора. Что ищет, к примеру, одна такая — вот эта? Будто заперта, заморожена в тесном объемчике. Стремитель-

но, со всего маху торкнется обо что-то невидимое — и тотчас отшибет ее назад. Она вправо, влево, вверх — то же самое: клетка с воображаемыми стеночками и тверже алмаза!..

Но ворвались еще три, им плевать на заворуженность, конечно, они за пленницей. И как же ловко, с высочайшей техникой пилотажа увернулась она от них, макнулась раз-другой в воду, побежали морщинки — привет, вы себе своей дорогой, а я в моей клетке и лучшего не хочу!..

Что такое? Точно смахнули рукавом. Вмиг, всё. Так внезапно, что Чепурной в недоумении огляделся. Нет, грозовая туча не заслонила солнца. Не рванул буйный вихрь, не ударил град. Неужели же... Донесся, нарастая, чужой, торжествующе вонзившийся звук. Как прослушал его? Это не рокотание трактора, за рулем которого, наверно, старший сын Ивана Прокофьевича, недавно женившийся, тракторист. Трактор продолжает работать на своем поле, как работал, ничему не помеха, и тогда, когда Чепурной шел к Степному озеру.

Но вдоль кромки озера не спеша идут двое. Нет, трое. Парень в красной рубашке, горбоносый, с волнистыми, на солнце отливающими беглым блеском волосами. Красавец мальчишка, совсем молодой. Как цыганенок из песни. Или Ромео. И с ним девушка, с голубыми громадными глазами — их не могла испортить и наведенная лазурная тень на века. Девушка еще более юная, чем ее спутник, с лицом нарочито спокойным в несомненном сознании своей красоты, стройная, как тростинка, в коротенькой кожаной юбчонке. Она твердо ступала длинными, розоватыми, чисто вымытыми ногами и, босая, казалась нарядно одетой!

Наклонясь к ней, не зная, что делать с правой рукой, чтобы не обнять ее — он не смел этого, — парень говорил и говорил, быстро, торпливо, горячо. А она смотрела вперед мимо него и силилась отчужденно улыбнуться, может быть, первый раз в жизни упражняясь в этом, а лицо ее, не слушаясь, то и дело поворачивалось к парню — и какое жадное внимание мелькало тогда на нем (пока она не спохватится): «Говори же, говори, не переставай!»

Все было у них, очевидно, в первый раз, и, господи, до чего же очевидно это было!

Но третий с ними, этот третий... Он болтался в его левой руке, и жал, что не оттягивал руку и что прогресс техники предлагал ко всеобщим услугам все более легкие и портативные модели. Он болтался и норовил ткнуть в

глаз или в ноздрю Ромео длинной, острой пикой. И взвизгивал, закатывался на разные голоса. Бубнил, брэнчал, проворно стрекотал скрипичным смычком, хрипло влаивал и взывал, чтобы, собравшись с силой, грянуть громовым раскатом исполнского ансамбля ударных инструментов. Они не слушали, не слышали, девушка и юноша, у них не нашлось бы и минутки, чтобы настраивать, ловить, внимать, — приняли в компанию, обрекли в жертву руку, одну из четырех (боже, зачем? зачем?!), и забыли. А он, горлопан, как же сам он не догадался, что третий — лишний?!

Прошли. Чепурной глядел им вслед — как много раз, под жаркий говор, прячась за ним, украдкой подымалась и боязливо падала мальчишеская правая рука — и вдруг, еще не веря себе, скользнула по плечам девушки, легла на них, обвила! И, сбившись с ног, девушка вся повернулась к спутнику, прикинула — где же ее надменно-отчужденная улыбка? И пошла нога в ногу, босой свой шаг подчинив его шагам.

Так и прозевал, не углядел Чепурной нового прилета все тех же стремительных стрекоз-коромысел. Знакомый троицы. А та, за кем они, — да вот и она, на своем месте, бьется в своей сквозной адамантовой клетке-невидимке. Только... только больше она не увиливает от них. Не обмакивается в воду, порождая круги и морщинки. Конечно, но что же конечно? Покорно, окруженная, пробита стеночку, прорвалась — вместе со своим почетным, своим жестоким конвоем. Замирающее гудение четверых...

А мелководье так и вызвездило желто-каримы выпуклиными глаз, изумрудные головы ушасты от враз выскочивших мешочков-резонаторов — и какой прокатился мощный хохот, и будто ударили в бубны, и во все свои острые язычки зацокотали сороки с мыска-островка!

На обратном пути залюбовался пышным, щедрым, простеньким разнотравьем по обочинам. Ткаными коврами цветов. Нарвать букет? Ну как же городскому жителю не потянуться рвать? Почти безусловный рефлекс. Чепурной усмехнулся этой мысли.

Нет, сегодня не будет букета. Какие бы там ни нашлись причины, либо рефлекс не так уж безусловен, но сегодня не сорвет ни одного. Пусть растут. Чертят свои знаки, письмена, фигуры и сменяют их, когда они достигнут полноты, — ткнут и прядут сами, как положено, быстрой, преходящей, вещью и вечную красоту земли...

ЕРО

Каплер под охраной на судебном процессе в июле 1948 года. Фото из газеты «Стампа».

С. ЛАДОВ

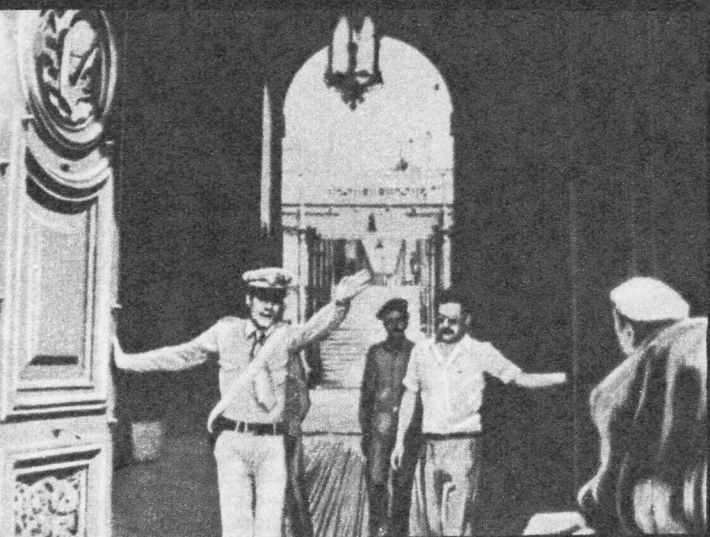
ХРОНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАКАЗАНИЯ И ПОБЕГА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭСЭСОВСКОГО ПАЛАЧА — ОБЕРШТУРМБАНФЮРЕРА ГЕРБЕРТА КАПЛЕРА

Родственники расстрелянных в Риме в 1944 году. Фото из газеты «Коррьере делла сера».

ТАЙНА ГОСПИТАЛЯ ЧЕЛИО

Демонстрация антифашистов в западногерманском городке Зольтау, где предположительно скрывается Каплер. Фото из газеты «Унита».

Карабинеры у входа в госпиталь Челио, откуда бежал Каплер.

Вся мировая печать посвятила этому событию большое внимание. О нем пишут журналисты, работающие в разных жанрах и над разными темами,— политические обозреватели, судебные репортеры, специалисты в области международного права, даже фельетонисты, хотя речь идет о деле совсем нешуточном. Деле, заметим, далеко еще не завершено. Кое-кем вновь предпринята попытка убедить общественность западных стран в том, что за давностью лет нет будто бы больше смысла держать в заключении военных преступников и что нацизм изжил себя и принадлежит лишь прошлому. Факты говорят о другом, и связанный с побегом Каплера скандал лишний раз это подтверждает.

24 МАРТА 1944 ГОДА

В оккупированном гитлеровцами Риме совершен дерзкий налет патриотов на немецкий гарнизон. Среди бела дня в центре города проведена операция, которая должна была показать, что итальянцы сопротивляются, борются и не потерпят больше нацистского господства в своей древней столице.

Шеф римского гестапо, оберштурмбанфюрер СС Герберт Каплер принимает меры. Он пользуется полным доверием в Берлине как «специалист по Италии» и гестаповец с огромным опытом. Еще до войны он работал в германском посольстве в Риме. Во время встречи Гитлера с Муссолини в 1938 году ему была поручена охрана фашистских главарей. Личное дело, хранившееся в гестаповском архиве, содержало примечание, что этот эсэсовец «исключительно предан рейху и фюреру».

Каплер знал, что ему надлежит делать, а кровопусканий он не боялся. Под его командованием каратели схватили 335 мирных римлян — первых, кто попался под руку.

Рано утром 24 марта Каплер проводит «техническое совещание» в своем штабе на улице Тассо. Надо определить, где будет произведен расстрел. Двенадцать гестаповцев, призванных им, решают, что никакие формальности не нужны и следует лишь подыскать подходящее место. Один из подручных Каплера нашел его — катакомбы, расположенные рядом с древней Аппиевой дорогой. Три галереи, сходящиеся в одном подземном зале. Даже раненым оттуда не выбраться.

Жертвы доставили в грузовиках, обычно использовавшихся для перевозки мяса в солдатские столовые. Каплер обходит строй обреченных. Зловещая гримаса на его лице, обезображенном глубоким шрамом, стального цвета глаза леденят кровь у самых мужественных. По его знаку «операция» начинается. Каплер собственноручно расстреливает пятнадцать человек, а потом устраивает перерыв, чтобы подкрепить свою команду шнапсом. Пяти часов для проведения бойни оказалось достаточно.

Вернувшись в канцелярию, Каплер узнал, что им совершена

ошибка. Оказывается, казнить надо было не 335 человек, а 330. Пять «лишних»... Впоследствии выяснилось, что реакция оберштурмбанфюрера на это была весьма выразительна. «Они же там были? — невозмутимо спросил гестаповец, обращаясь к своим подчиненным. — Тем хуже для них. И к тому же они слишком много видели...»

МАЙ 1945 ГОДА

Каплер арестован. Начинается расследование его прошлого, что заняло почему-то целых три года. В это же самое время будущая жена Каплера, Аннелизе, была пристроена на работу в военный госпиталь под Гамбургом, находившийся в ведении американцев. Там содержались «больные» из числа видных чинов гитлеровской службы безопасности. Забегая вперед, сообщим подробности, которые стали известны только сейчас. Она многие годы сотрудничала с нацистской организацией «ОДЕССА», которая специально занималась обеспечением безопасности и спасением гестаповских главарей. Эта группа «патронировала» таких преступников, как Эйхман, «доктор» Менгеле, палач Треblinkи Штангль. Кстати, именно через Италию проходил маршрут многих бежавших из Германии гитлеровцев. С паспортом, выданным на имя Ринкардо Клементи, через эту страну в 1950 году спокойно проследовал в Латинскую Америку тот же Эйхман.

ИЮЛЬ 1948 ГОДА

Каплер с юных лет носил коричневую рубашу, но все-таки он не был «рожден в рубашке». Расследование его преступлений подошло к концу, и итальянский суд приговорил бывшего эсэсовца к пожизненному заключению. Три попытки

совершить побег в те годы оказались неудачными.

Описывая этот период жизни палача, годы, проведенные в тюрьме Гаэта, которая расположена неподалеку от Рима, иные журналисты на Западе рисуют более чем идиллические картины. Оберштурмбанфюрер якобы совсем преобразился. Он занялся в тюрьме разведением тропических рыбок, углубился в философию.

Но меньше всего Каплер походит на раскаявшегося грешника. Когда на экраны вышел фильм «Репрессалии», повествовавший о совершенном им преступлении, бывший гестаповец официально протестовал против «искажения» событий 1944 года.

Кто-то подсчитал, что в ФРГ насчитывается свыше 150 неонацистских организаций. Все они в разное время боролись за освобождение военного преступника, виновного в расстреле ни в чем не повинных мирных жителей. Они добивались реабилитации Каплера. Они боролись за реабилитацию фашизма.

Как сейчас выясняется, в 1973 году был уже окончательно разработан план организации побега Каплера. Находясь в тюрьме, он женился на фразе Аннелизе, прошлое которой окрашено в те же цвета, что и у него самого. Замета о спасении «арийских героев» в конце концов и привела ее к мысли о замужестве за тюремными стенами. С каким упоением расписывают сейчас бульварные газетки «сентиментальную и самоотверженную» Аннелизе, которая, кстати, уже заключила контракт с газетным магнатом А. Шпрингером на издание сенсационного боевика о побеге Каплера, будто бы организованном и проведенном ею с помощью сына от первого брака. Сущий ангел, видите ли, поселился

в камере несчастного узника, чтобы вывести его на свет божий. Ах, как это трогательно и как это якобы достоверно!

Эсэсовец Хайнц Кесслер, организовавший в 1968 году «Комитет Гаеты» (по названию тюрьмы, где содержался палач римлян), ясно высказался несколько лет назад о том, как на самом деле готовилось освобождение этого преступника и кто действительно готовил побег. На страницах «Зольдатецайтунг» он призвал «так или иначе вернуть свободу нашему камераду Герберту».

Судя по всему, акция эта была очень тщательно подготовлена и в плане конспиративном и по обработке общественного мнения в ФРГ. Версия о том, что Каплер смог бежать исключительно благодаря дьявольской изобретательности и ангельской любви своей жены, не выдерживает даже малейшего испытания фактами. Сделано было много — то, чего она никогда бы не осилила. С одной стороны, организаторы побега публично ратовали за амнистию Каплеру (и в Италии и в Западной Германии). С другой — они плели тончайшую сеть этой операции.

Итальянская печать уже с определенностью установила, что белокурая Аннелизе была частой гостьей в одном римском доме, расположенном на улице Парione, 12, где, как утверждают, находилась одна из заграничных контор западногерманской шпионской службы. Когда сотрудники опытные специалисты из ведомства Гиммлера и их более молодые коллеги, специалисты по тем же самым делам сегодня, можно рассчитывать на успех. К тому же, оказывается, и в определенных итальянских кругах хотели поскорее выпустить Каплера, пребывание которого в тюрьме якобы препятствовало развитию дружественных отношений между двумя странами.

«Так или иначе» — мы вспоминаем фразу, произнесенную эсэсовцем Кесслером, — в ноябре 1976 года военный трибунал Рима высказался за то, чтобы выпустить Каплера из тюрьмы. В стране разразился страшный скандал. По Италии прошли бурные манифестации протеста против поблажек фашистам. Пришлось пересматривать это решение. Высший военный трибунал отменил его. Но бывший оберштурмбанфюрер, объявленный смертельно больным, был переведен в армейский госпиталь Челио, находящийся в самом Риме.

Некоторые журналисты высказывают сомнение по поводу болезни Каплера. Во всяком случае, врачевали его последнее время не госпитальные медики, а два гомотопата, привезенные Аннелизе из ФРГ. «Заключенный» в Челио получил скоро право принимать, по существу, неограниченное число визитеров. Фрау Каплер могла приходить в госпиталь в любое время и ночевать там.

Кто только не побывал в Челио за последний год — сотрудники посольства ФРГ в Италии, гости из Западной Германии, члены разных комитетов по его освобождению и совсем недавно маститый «партийгеноссе» — экс-генерал СС Дитрих Цимсен, служивший некогда в личной охране Гитлера.

15 АВГУСТА 1977 ГОДА

Утром этого дня в палату Каплера вошла монахиня, которая помогает пациентам Челио. Она-то и обнаружила, что больной исчез. Не было на месте и Аннелизе. Охранники, которым вскоре при-

шлось ответить на целый ряд щекотливых вопросов, выпустили газетную утку, которая, правда, долго не пролетала. Согласно этой первой версии побега, ангел-хранитель военного преступника (хотя она, если верить фотоснимкам, дама солидной комплекции, но все же ей за 50 лет) вытащила своего мужа из госпиталя в большом чемодане.

До сих пор неизвестны все детали исчезновения Каплера. Может быть, тайна Челио вообще не будет до конца раскрыта. Однако можно, пожалуй, считать установленным тот факт, что из госпиталя Каплера увезли на красной машине с римским номером 97 790. Потом на каком-то этапе беглеца пересадили в еще более скоростную «БМВ».

Остается пока лишь предполагать пути дальнейшего следования экс-оберштурмбанфюрера, которому удивительным образом не смогли помешать бежать 30 стражников, охранявших в четыре смены Челио. Они, кстати, имели в своем распоряжении даже три автомобиля с рациями.

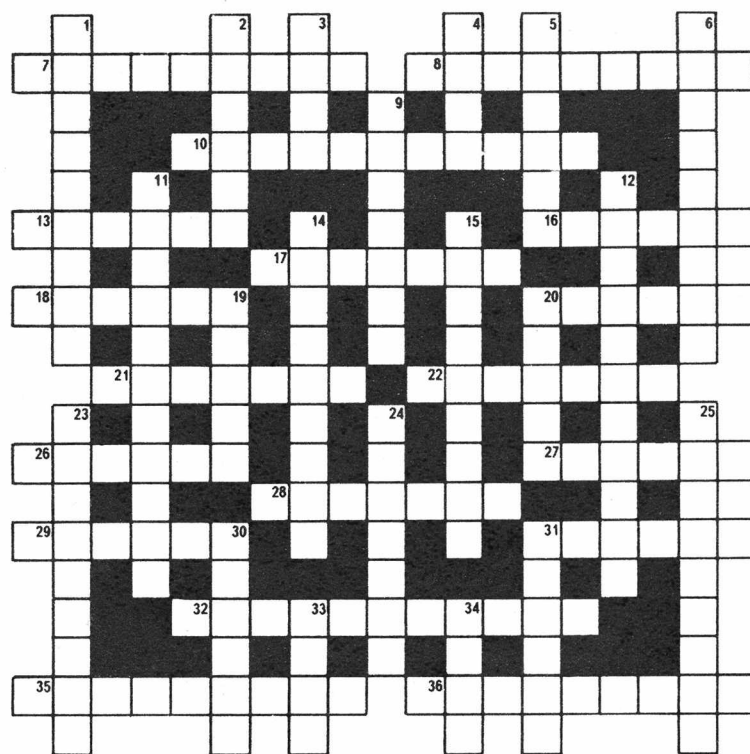
Следы Каплера теряются где-то на севере Италии. Высказывались разные догадки о том, как он пересек границу — машиной, поездом или нанятым для этого случая самолетом.

Как бы то ни было, утверждает журнал «Панорама», уже 15 августа на телефонной станции в Мюнхене неизвестная женщина, голос которой звучал как голос Аннелизе, сделала два заказа. Один звонок — в город Вупперталь; был вызван к телефону Адольф Шой, депутат бундестага. Информация, выслушанная им, состояла всего из нескольких слов: «Прибыли. Все в порядке». Второй заказ дама сделала, чтобы соединиться с Бонном. Шоя, говоря с этого дня журналисты разыскать не могут, как, впрочем, и добиться вразумительных ответов на вопросы, касающиеся точного местонахождения Каплера и его дальнейшей судьбы.

В ЭТИ ДНИ

«Дело Каплера» всколыхнуло всю Италию. Антифашистские, демократические силы страны требуют тщательного расследования всех обстоятельств побега фашистского палача. Итальянцы, память которых кровотоцит от преступлений, совершенных фашизмом на их земле, требуют от западногерманских властей возвращения в Рим военного преступника.

Люди, которым нацизм ненавистен во всех его проявлениях, видят в тщательно организованном побеге, «стоившем» в денежном выражении свыше 30 миллионов лир, определенную пробу сил, предпринятую фашистскими последышами. А действуют они не только в Западной Германии. В Мюнхене, откуда Аннелизе как будто бы сообщила об окончании операции, на 13 сентября намечен большой слет неонацистов. А в Зольтау, Вильгельмштрассе, 6, где проживает фрау Каплер, продолжают поступать телеграммы. О том, кто посылает эти приветствия, нетрудно догадаться. Аннелизе выглядит в их глазах неким Скорцени в юбке. Издательское Акселя Шпрингера, выпускающее скоро ее книгу, надо думать, постарается, чтобы побег бывшего гестаповца послужил поучительным примером неистребимости «истинно германского духа».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Художник, рисующий красками. 8. Вечнозеленое цитрусовое дерево. 10. Советский летчик-космонавт. 13. Условный круг на земном шаре, параллельный экватору. 16. Система труб в грунте для осушения почвы. 17. Математический знак. 18. Испанский танец. 20. Государство в Европе. 21. Рассказ А. П. Чехова. 22. Азотнокислая соль, минеральное удобрение. 26. Лососевая рыба. 27. Приток Амура. 28. Город в Чехословакии. 29. Отпечаток текста, рисунка. 31. Северное созвездие. 32. Классификация, группировка предметов, явлений. 35. Птица семейства пастушковых. 36. Химический элемент.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Действующее лицо оперы Д. Пуччини «Чио-Чио-сан». 2. Областной центр в РСФСР. 3. Состязание рысистых лошадей на скорости. 4. Французский писатель. 5. Высшее достижение в труде, спорте. 6. Комплекс гидротехнических сооружений, подводящих воду к зданию ГЭС. 9. Центральная часть маховика, шестерни. 11. Второстепенный член предложения. 12. Автоматический прибор для записи состояния слоев атмосферы. 14. Подставка для свечей, электроламп. 15. Опера Р. Вагнера. 19. Парнокопытное животное. 20. Осадочная порода. 23. Аппарат для переключения электрических цепей. 24. Вид изобразительного искусства. 25. Ритмико-мелодический строй речи. 30. Музыкальный интервал. 31. Остров в Енисейском заливе Карского моря. 33. Экс-чемпион мира по шахматам. 34. Звено гусеницы танка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. «Воскресение». 7. Перигей. 8. Сталь. 10. Афины. 12. Анемометр. 16. Берест. 17. Кредит. 18. Ирландия. 19. Астроном. 21. Лесков. 22. Валюта. 25. Авансцена. 26. Ребус. 28. Миразж. 29. Корнель. 30. Лаборатория.

По вертикали: 1. Свирь. 2. Скрепер. 3. Перепел. 4. Цедра. 6. Единорог. 9. Телевидение. 11. Нумизматика. 12. Антоновка. 13. Рокировка. 14. Реплика. 15. Чернила. 20. Форсунка. 23. Паровоз. 24. Берлиоз. 27. Сабля. 28. Муляж.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Татьяна Платонова — солистка Украинского государственного заслуженного ансамбля танца имени Павла Вирского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Киев. Жилой массив Русановка. * Днепр.

Фото Н. Козловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Редакционные и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научный и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 15/VIII — 1977 г. А 00390. Подп. к печ. 30/VIII — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1993. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 972.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Д

рагоценной способностью обнаруживать в повседневном истинную поэзию обладает эстрадная певица Валентина Толкунова.

В ее биографии нет ничего исключительного: родилась в семье потомственных железнодорожников, училась в железнодорожной школе, пела в детском хоре Центрального Дома культуры железнодорожников.

— Занималась я в ЦДКЖ восемь лет, — вспоминает певица, — и все эти годы знала только школу и хор. Для меня почти не существовали игры, развлечения... Лишь возвращаясь домой поздно вечером, в электричке, придумывала для себя приключения самые невероятные. А вот теперь понимаю, что каждая жизнь — каждая — это и есть невероятное приключение, начинающееся в детстве...

Закончив школу, Валентина поступила в Институт культуры на дирижерско-хоровое отделение, а через два года ее приняли в только что организованный вокально-инструментальный оркестр ВЮ-66, которым руководил Юрий Саульский.

— Поначалу мне было очень трудно, — говорит Валя. — Я была, наверное, самой неопытной вокалисткой в ансамбле, не умела читать с листа. Самый обычный джазовый рисунок был для меня неразрешимой проблемой; я никак не могла освоить манеру так называемого «инструментального пения». Мне тогда казалось, что весь мир окрашен в темно-синий цвет, который с детства ассоциируется у меня с чем-то очень печальным. Но в ВЮ-66 относились ко мне очень бережно. Я поступила в музыкальное училище имени Гнесиных на заочное отделение, начала серьезно изучать сольфеджио, гармонию, инструментовку, и года через два что-то у меня начало получаться...

Постоянно общаясь с музыкантами-инструменталистами, вслушиваясь в звучание саксофонов и флейт, Валентина Толкунова почувствовала, что ее голос — это тоже музыкальный инструмент: он может и должен быть безукоризненно чистым и выразительным. Но в то самое время, когда Валентина начала обретать профессиональную уверенность, ВЮ-66 прекратил свое существование.

— Это было шесть лет назад, — рассказывает певица. — Случилось так, что я осталась совсем одна. Нелегкое было у меня состояние. Очень болезненное. Гордое и горькое... Говорят, время лечит. Наверное, только в том случае, если человек откроет в себе запасы внутренней энергии, а она — я убеждена в этом — есть в каждом из нас... В ту пору я пыталась организовать вокальный квартет и была очень занята этим, но вдруг меня приглашает композитор Илья Катаев и предлагает исполнить несколько вокализов для телефильма «День за днем». Я спела, и это вошло в фильм. А потом Катаев говорит: «Я написал песню, попробуй ее спеть». Сначала я сомневалась: ведь в ВЮ-66 я пела только вокализы, фуги и тому подобное, но Катаев настоял на своем, и с тех пор я стала петь песни...

Валентина Толкунова не просто поет, а превращает каждую песню в страницу собственной лирической биографии. И исполняет ее так, что каждому слушателю кажется: она поет для него...

— У нее голос очень чистый, инструментального флейтового звучания, — говорит о Толкуновой композитор Михаил Таривердиев. — Обычно такие голоса бывают холодноватыми, ее же голос отличается необыкновенной теплотой.

Эту теплоту имитировать нельзя: она есть проявление человеческой сути исполнительницы, ее эмоциональной природы...

За последние годы репертуар Толкуновой значительно расширился. Те, кто знал ее только по песням «Поговори со мною, мама» или «Стою на полустаночке», теперь слышат и драматические и русские народные песни...

О Валентине Толкуновой можно судить, не рискуя ошибиться, по ее творчеству. В нем постоянство, понимание, спокойная нежность. Она умеет — я вновь вспоминаю слова Таривердиева — донести до слушателя очень важную ноту доброты, проникнутой чувством высочайшего человеческого достоинства. Эта нота, всегда искренняя и человеческая, естественно и органично соприкасается со всей нашей жизнью. С землей, на которой мы живем.

На репетиции.

Первый учитель пения Валентины — ее бабушка Анисья Никаноровна.

Любителям автографов.

В музее.

ПРИКОСНОВЕННЫЕ ПЕСНИ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663